

Б. 13044. Андреев.

БИБЛИОТЕКА СВОБОДНАГО ВОСПИТАНІЯ.

Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова.

ВЫПУСКЪ ДВАДЦАТЫЙ.

Е 33 291

ДѢТИ—РАБОТНИКИ
БУДУЩАГО.

ПЕРВАЯ КНИГА МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА
„СЕТЛЕМЕНТЪ“.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименов. ул., соб. л.
МОСКВА—1908.

ПОДАРИТЬ
Биб-ка Высшая школа
пропагандистов при ЦИ ВЛКСМ(б)
119570 № 1275

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
27704 1984 г.

Книга набрана членами Кушнерев-
ского клуба при О-вь „Сетлементь“.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Новая общественная работа.

Въ жизни общества всегда есть опредѣлен-
ное теченіе, выражающееся въ желаніи непо-
средственно, практически притти на помощь бо-
лѣе обездоленнымъ нуждающимся общественнымъ
элементамъ, не дожидаясь, пока социальный строй
вообще перемѣнится и улучшится. Частная и об-
щественная благотворительность приходять здѣсь
на помощь, выражающуюся главнымъ образомъ
въ экономическихъ формахъ, и какъ всякая бла-
готворительность; мало продуктивныхъ, зачастую
вредныхъ.

Просвѣтительныя, профессиональныя, коопера-
тивныя, религіозныя общества, союзы, миссіи ра-
ботають въ моральномъ, культурномъ и социаль-
номъ направленьяхъ.

Страна, гдѣ такая самодѣятельность общества
въ дѣлѣ практической взаимопомощи и развитія
идеи общественной солидарности выражалась въ
наиболѣе живыхъ, энергичныхъ и практическихъ
формахъ—Америка. Здѣсь эта координація но-
выхъ силъ и запросовъ общества является, во-

первыхъ, многообъщающимъ коррективомъ къ устарѣвшимъ политическимъ партіямъ и попыткой найти новые способы перестройки общественныхъ формъ.

Вопросъ о томъ, какъ развить въ окружающей средѣ чувство—инстинктъ—общей солидарности, интереса къ жизни общества и народа, тамъ почувствовался наиболее ярко и широко. Возникло большое общественное движеніе, объединившее подъ своимъ флагомъ всевозможныя общества, кружки, союзы на федеративныхъ началахъ. Всѣ они заинтересованы въ улучшеніи и переработкѣ настоящихъ формъ жизни, не откладывая, конечно, и общей социальной и законодательной борьбы въ дѣлѣ реформы общественнаго строя. Формы, въ которыхъ выражается эта работа культурной реформы, крайне своеобразны и любопытны и преслѣдуютъ какъ частныя практическія цѣли, такъ и обширныя общественныя задачи.

Тамъ вы найдете: общества, работающія надъ улучшеніемъ быта дѣтей, заботы и покровительство малолѣтнихъ преступниковъ, христіанскія ассоціаціи молодыхъ людей и дѣвушекъ, школьные союзы, городскія лиги молодежи, общества украшенія школъ картинами, скульптурой, доставкой въ города цвѣтовъ для бѣднаго населенія, устройства завтраковъ для дѣтей въ школахъ, ассоціаціи поощренія спорта, гимнастики, плаванія и масса другихъ, касающихся жизни дѣтей, какъ, напр., дѣтскія республики, затѣмъ общества, работающія и для дѣтей и для взрослыхъ, культурныя поселенія или сетлементы, какъ ихъ тамъ называютъ, общества публичныхъ

лекцій, народныя университеты, народныя политехники, народныя читальни и бібліотеки, постоянныя и передвижныя, общества устройства общественныхъ бань, прачешень, купалень, гимнастическихъ залъ, подвижныя художественныя музеи, площадки для игръ, или развитія красоты въ городскихъ паркахъ, садахъ и улицахъ и заботы о чистотѣ ихъ, общества развитія красоты и комфорта въ домахъ, дешеваго и при этомъ умѣлаго и вкуснаго приготовленія пищи, общества пропаганды кустарныхъ и художественныхъ знаній среди населенія, лиги покупателей только у добросовѣстныхъ торговцевъ и ремесленниковъ, относящихся гуманно къ своимъ работникамъ и служащимъ, союзы для постройки дешевыхъ училищъ, общества трезвости, лига агитаціи противъ публичныхъ домовъ и вертеповъ,—словомъ, масса всевозможныхъ организацій гражданъ, своей инициативой и солидарностью пытающихся искать новые пути улучшенія социальнаго быта. Типична тутъ энергія частныхъ лицъ и обществъ, ихъ живая работа и гибкость организацій, возникающихъ, соединяющихся въ федераціи, союзы и борющихся самостоятельно съ социальнымъ зломъ, не надѣясь или, вѣрнѣе, не полагая заботу о томъ на центральныя учрежденія. Существуетъ даже рядъ обществъ, не производящихъ никакой активной работы съ населеніемъ, а поставившихъ себѣ задачей организовывать новыя общества, лиги, союзы социальной работы, помогающіе имъ справками, уставами, направляющіе туда новыхъ членовъ и т. п.

Многіе изъ этихъ союзовъ объединились, сформировавъ сообща Лигу гражданской реформы,

которая, оставляя всѣмъ своимъ организаціямъ полную свободу и самостоятельность въ дѣлѣ своихъ специальныхъ задачъ, соединяетъ всѣхъ въ федераціи для дружной работы и борьбы за общественную самостоятельность и прогрессъ. Всякое крупное общественное начинаніе: выборы въ городскія и земскія самоуправленія, введеніе и расширеніе новыхъ типовъ школъ, больницъ, садовъ, парковъ, — словомъ, воспитанія, образованія, исправленія и лѣченія человѣчества происходитъ при вліяніи и агитаціи этой лиги.

Среди этой толпы обществъ и организацій весьма оригинальной, плодотворной и имѣющей крупное социальное значеніе въ дѣлѣ воспитанія общественнаго инстинкта и живого практическаго участія въ общественныхъ интересахъ является работа сетлементовъ.

Сетлементъ, или поселокъ, есть культурный центръ для окружающаго населенія, дѣтскаго и взрослоаго. Главнымъ образомъ для дѣтскаго и для подростковъ: здѣсь молодое поколѣніе взаимно организуется, учится, развлекается и помогаетъ другъ другу въ разныхъ своихъ потребностяхъ. Сотрудники сетлемента являются лицами, помогающими такому самодѣятельному культурному объединенію. Они—элементы общества, болѣе интеллигентные и культурные, несутъ такимъ образомъ туда свою помощь въ видѣ знаній, искусства и средствъ.

Первоначально идея соединенія своей жизни съ жизнью окружавшихъ бѣдныхъ классовъ возникла въ Англии. Подъ вліяніемъ крупныхъ силъ въ англійскихъ университетахъ стало возникать

новое общественное движеніе — „движеніе въ народъ“. Въ 1860 году Фредерикъ Морисъ устроилъ популярный университетъ въ Лондонѣ и привлекъ къ своей работѣ молодыхъ университетантовъ изъ Кембриджскаго университета, которые пріѣзжали въ Лондонъ для веденія классовъ въ свои свободные часы. Оксфордъ еще болѣе усилилъ это гуманитарное движеніе и побудилъ людей итти и селиться среди бѣднаго населенія Восточнаго Лондона и проводить тамъ въ жизнь окружающей среды идеи, воспринятыя ими въ университетахъ. Студентъ Оксфорда—Ричардъ Денисонъ явился въ 1861 году къ пастору Джону Ричарду Грину и предложилъ свою интеллектуальную работу среди его паствы. Здоровье скоро ему измѣнило, и онъ умеръ отъ чахотки черезъ два года. Слѣдующій піонеръ проведенія культуры въ народѣ въ видѣ культурныхъ поселеній былъ Арнольдъ Тойнби, начавшій работу въ 1875 году въ Чайтчепелѣ, бѣднѣйшемъ кварталѣ Вост. Лондона, въ приходѣ пастора Самуэля Барнетта, одного изъ вдохновителей этой работы. Эти два имени болѣе связаны съ исторіей возникновенія университетскихъ поселковъ въ Англии. Поселокъ, или сетлементъ, основанный Тойнби, выросъ теперь въ громадный народный дворецъ или Тойнби-Холлъ, гдѣ тысячи людей находятъ себѣ отдыхъ, развлеченіе, образованіе и общеніе.

Первый американскій сетлементъ былъ основанъ докторомъ Стантономъ Койтомъ въ 1887 году въ Нью-Йоркѣ *).

*) Д-ръ Койтъ называлъ свои учрежденія—сосѣдскими гильдіями.

жизнь пропагандѣ своихъ идей и работѣ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки и въ Англии. Въ 1889 году почти одновременно возникли еще два новыхъ селлементъ, основанные женщинами, окончившими американскіе университеты.

Вслѣдъ за тѣмъ эта идея начинаетъ все сильнѣе распространяться въ англо-саксонскомъ мірѣ. Единичныя изолированныя усилія отдѣльныхъ лицъ разрастаются въ работу кружковъ, союзовъ единомышленниковъ, отдающихъ кто свое время, кто средства, кто вліяніе для успѣха этой братской работы.

Результаты этого соединенія теперь налицо. Создались центры, куда населеніе идетъ какъ въ свой домъ, получается преемственность работы, несмотря на смѣну сотрудниковъ; борьба съ худшими элементами окружающей среды, ихъ непониманіемъ, предразсудками и отпоромъ становится гораздо легче и плодотворнѣе.

Селлементъ соединяетъ вокругъ себя самые разнообразныя интересы, вкусы, профессіи. Основной ихъ характеръ,—быть совсѣмъ внѣпартийными, дать мѣсто, гдѣ могутъ быть организованы и объединены для взаимопомощи лица, стоящія на разнообразныхъ точкахъ зрѣнія.

Большей частью многіе сотрудники живутъ тутъ же въ домѣ или близости для болѣе дружной, интимной связи съ мѣстнымъ населеніемъ.

Работу свою селлементъ начинаетъ съ дѣтей, давая имъ въ ихъ владѣніе домъ, гдѣ они играютъ, развлекаются, развиваются и учатся, чему и какъ хотятъ.

Начиная отъ малыша и кончая взрослыми, селлементъ старается дать всѣмъ приютъ и удовлетвореніе на почвѣ ихъ собственной **иниціативы, самодѣтельности и взаимопомощи**. Развитие этихъ трехъ принциповъ и есть, въ сущности, задача селлементъ.

Здѣсь личная индивидуальность не должна сглаживаться общественнымъ давленіемъ, напротивъ, эта свободная общественность питается самодѣтельной индивидуальностью привходящихъ элементовъ.

Постепенно расширяясь и развивая новыя отрасли работы, селлементы превратились въ цѣлыя городки, гдѣ дѣти составляютъ добрыя двѣ трети приходящаго народа.

Большинство селлементовъ сумѣло остаться внѣпартийными, хотя нѣкоторые изъ нихъ ведутся опредѣленными религіозными, политическими или классовыми организаціями.

Въ Англии замѣтно болѣе узкое сектантство или тенденція во многихъ селлементъ; въ Америкѣ же, гдѣ селлементы попали на болѣе свободную и плодотворную почву, селлементы сумѣли дѣйствительно стать во главѣ широкой внѣпартийной общественной работы въ дѣлѣ муниципальныхъ реформъ.

Въ зависимости отъ личностей, составляющихъ корпорацію селлементъ, одна или другая отрасль дѣла болѣе успѣшна, болѣе процвѣтаетъ, но въ общемъ въ нихъ можно найти слѣдующія отрасли работы: 1. Ясли. 2. Дѣтскіе сады. 3. Клубы для дѣтей всякихъ возрастовъ и взрослыхъ. 4. Библіотеки. 5. Читальни. 6. Гимнастическіе залы.

7. Купальни. 8. Души. 9. Дешевыя спальни для бездомныхъ дѣтей. 10. Дешевую продажу вещей для своихъ кліентовъ. 11. Мастерскія. 12. Вечерніе классы и курсы. 13. Дешевыя столовыя. 14. Сберегательныя кассы. 15. Копеечныя сберегательныя кассы для дѣтей или Банкъ-копейка. 16. Популярныя концерты. 17. Лекціи. 18. Экскурсіи. 19. Лѣтнія колоніи. 20. Площадки для дѣтскихъ игръ. 21. Дешевое молоко. 22. Посѣщеніе родителей и окружающаго населенія на дому. 23. Участіе въ муниципальных работахъ по веденію дѣла воспитанія, образованія и исправленія дѣтей. 24. Изданіе собственныхъ журналовъ. 25. Бесплатныя сестры милосердія. 26. Религіозныя воскресныя школы для желающихъ удовлетворить свои моральныя и религіозныя запросы. 27. Спортъ и физическія упражненія. 28. Медицинскія амбулаторіи. 29. Скорую медицинскую помощь. 30. Музыку. 31. Серьезныя научныя изслѣдованія среды съ соціологической стороны.

Члены сетлементовъ собираются въ конгрессы, гдѣ свѣряютъ свои методы, расширяютъ задачи, предпринимаютъ усилія для проведенія въ жизнь чрезъ муниципальныя и парламентскія учрежденія новыхъ общественныхъ начинаній.

Сетлементы сильно разрослись въ Америкѣ и въ нихъ работаютъ нѣсколько тысячъ сотрудниковъ; они имѣютъ миллионную кліентуру. Общественныя учрежденія прислушиваются къ ихъ голосу, школы и школьное управленіе находятся съ ними въ тѣсной и дружной связи.

Вотъ, напримѣръ, какъ характеризуетъ свою работу одинъ изъ старѣйшихъ американскихъ

сетлементовъ въ г. Чикаго, называющійся „Коммонсъ“.

„Интеллектуальная, индустриальная, развлекающая и дающая отдыхъ, общественная, этическая и религіозная работа цѣлой массой маленькихъ группъ, которыя собираются и руководятся нашимъ домою.“

„Вся эта работа внутри дома, внѣ его, на площадкѣ для игръ, въ паркахъ, въ музеумѣ, въ лѣтнихъ колоніяхъ, не исчерпываетъ отнюдь собой величину нашего вліянія. Цѣлый рядъ внѣшнихъ организацій, работающихъ для своего или для интереса своихъ ближнихъ, такъ же продуктивны, какъ и многое предпринятое резидентами, т.-е. живущими въ домѣ сотрудниками. Гимнастическимъ заломъ пользуется масса сосѣднихъ школь. Ассоціаціи учениковъ трехъ сосѣднихъ школь регулярно собираются у насъ. То же дѣлаетъ клубъ дѣвочекъ изъ сосѣдней католической школы.“

„Армянская колонія г. Чикаго пользуется нашимъ помѣщеніемъ.“

„Митинги разныхъ національностей, религіозныя службы разныхъ миссій дѣлаютъ то же.“

„Рядъ клубовъ, атлетическихъ обществъ, частныхъ музыкальныхъ и литературныхъ классовъ пользуется нашимъ гостепріимствомъ. Клубъ телефонныхъ барышень собирается у насъ и способствуетъ нашему предпріятію, извѣщая любезно всѣхъ о нашихъ развлеченияхъ. Школьные учителя и общественныя сестры милосердія приходятъ къ намъ отдыхать.“

„Чикагскіе частныя сотрудники даютъ свои соб-

ственные лекції въ нашей аудиторіи. Всѣ политическія партіи собираютъ у насъ свои митинги. Мормонская церковь употребляетъ нашу залу для своихъ богослуженій. Цѣлый рядъ представителей разнообразныхъ убѣжденій можетъ здѣсь встрѣтиться, обмѣняться мыслями и отнестись съ большой терпимостью къ вопросамъ классоваго антагонизма. Самый крайній радикализмъ можетъ выражаться, благодаря предохранительному клапану свободной рѣчи. Митинги такъ называемой свободной платформы исполняютъ свою функцію въ установленіи уваженія къ индивидуальнымъ убѣжденіямъ и къ свободѣ личныхъ выраженій.

„За ними слѣдуютъ „Клубы Сосѣдей“ для общественной дружбы, изученія и введенія въ жизнь доброй гражданственности. Довѣріе, внушаемое безпартійностью и независимостью сетлементя, повело къ постоянному требованію его услугъ для третейскаго суда при всевозможныхъ промышленныхъ столкновеніяхъ.

„Послѣ 8 лѣтъ борьбы нашъ общественный клубъ сдѣлался жизненнымъ нервомъ городскихъ избирателей, при чемъ совѣтъ этого клуба даетъ рядъ способнѣйшихъ и наиболѣе энергичныхъ городскихъ совѣтниковъ, которые составляютъ честное большинство въ думѣ 55, легко побѣждающихъ остатокъ все еще сидящихъ въ думѣ 15 черносотенниковъ или „сѣрыхъ волковъ“, какъ ихъ называютъ.

„Это широкое вліяніе нашего сетлементя, представляющее обыкновенному читателю наибольшій интересъ, все-таки совершенно не указываетъ вліяніе нашего Дома, какъ мѣстнаго центра, имѣющаго

связи съ разными индивидуумами, съ ихъ домашней жизнью и со всѣми общественными отношеніями окружающей среды. Нашъ Домъ старается соединить и помочь всѣмъ другимъ организаціямъ и людямъ въ нашемъ сосѣдствѣ, которые стремятся къ справедливости и братству.

„Нашъ Домъ — не благотворительность, но помогаетъ въ организаціи и взаимной помощи всѣхъ благотворительныхъ учреждений. Онъ не школа, но онъ находится въ самой родственной симпатіи и сотрудничествѣ со всѣми публичными школами, которымъ онъ помогаетъ, поскольку только онъ хотятъ взять отъ него. Сетлементъ безпартіенъ, но онъ все-таки центральный пунктъ, гдѣ былъ перевѣсъ политической силы въ теченіе 10-тилѣтія при городскихъ и земскихъ выборахъ. Сетлементъ — не офиціальныи общественный кружокъ, но считаетъ себя центромъ и источникомъ лучшей общественной жизни и высшаго „общественнаго“ патріотизма. Онъ не составляетъ „сознательной классовой группы“ и не желаетъ быть классифицированъ, но старается сводить одинъ классъ съ другимъ и способствовать мирно-эволюціонному разрѣшенію всѣхъ классовыхъ интересовъ“.

Изъ вышеприведеннаго видно, какую широкую общественную работу дѣлаютъ сетлементы. Во многихъ изъ нихъ, конечно, нѣтъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отраслей, перечисленныхъ выше, нѣкоторые имѣютъ широкое знакомство и вліяніе, другіе ведутъ скромную черную работу, но корень и основу дѣла всюду составляютъ клубы для дѣтей и взрослыхъ. Всѣ остальные отрасли

лишь придатки основного дѣла и заведены: или, во 1-хъ, чтобы начать новое общественное дѣло и показать на примѣрѣ, какъ оно важно для населенія, чтобы передать эту работу потомъ въ другія руки, или, во 2-хъ, устроено какъ средство, методъ привлеченія населенія въ ряды своихъ членовъ. Главное же, серьезное вниманіе обращено на дѣтей.

Воспитать свое юношество въ общественномъ духѣ есть коренная задача селлементовъ. Вотъ нѣсколько мѣткихъ выраженій нѣкоторыхъ представителей работы съ дѣтьми:

„Часто бываетъ, что много труда,—если не весь, пропадаетъ даромъ, если онъ направляется, заботясь лишь о весельѣ, удовольствіи, не давая заботы о силѣ, ростѣ или желаніи болѣе серьезныхъ думъ. Сравнительно небольшая дѣятельность съ прибавленіемъ серьезной мысли съ ограниченнымъ кружкомъ осуществляетъ большую дозу реального, продолжительнаго добра, чѣмъ плохо задуманные широкіе планы для толпы. Думай больше объ отдѣльныхъ индивидуальностяхъ дѣтей и удовлетворяйся, работая съ немногими, которыхъ знаешь вполне. Наблюдай ихъ развитіе. Это путь „сдѣлать человѣка“. Корнелиусъ Лодеръ, предсѣдатель Бруклинскаго Школьнаго Союза“.

Еще одно: „Мальчика можно вести, но не толкать. Личность опредѣляетъ способность быть лидеромъ, вожакомъ. Лучше воспитывать мальчика поступать справедливо, чѣмъ удерживать его отъ дурныхъ поступковъ. Тотъ, кто помогаетъ ребенку, помогаетъ человѣчеству съ такой

опредѣленностью и быстротой, съ какой нельзя нигдѣ помочь человѣку въ другихъ періодахъ его жизни. Филиппъ Бруксъ“.

И еще: „Каждый годъ во мнѣ все болѣе крѣпнеть убѣжденіе, что наилучшій способъ „дѣлать это“—это дать ребятамъ самимъ „дѣлать это“! Будемъ вдохновлять дѣтей работой, а не погонять ихъ принципами. Франкъ Буклюю“.

Еще: „Незачѣмъ набирать кучу „умныхъ методовъ работы“. Работа съ ребятами вѣдь это длинный путь, а оставаясь мужчиной съ мальчиками и позволяя имъ оставаться мальчиками съ вами, не надо имъ покровительствовать или держаться за панибрата, или бояться ихъ, или льстить имъ,—надо оставаться вполне самимъ собой, среди нихъ и для нихъ. Озора Девисъ“.

Можно было бы привести еще рядъ интересныхъ наблюдений и мыслей людей практически работающихъ, но уже изъ приведеннаго виденъ типъ и характеръ работы съ дѣтьми въ американскихъ селлементахъ.

Очертить подробно исторію и работу селлементовъ не входитъ въ задачу этой статьи, но уже изъ сказаннаго можно видѣть социальную стоимость ихъ дѣятельности.

Общественная работа, исполняемая въ Америкѣ селлементами, дѣлалась отдѣльными личностями и разными обществами всюду въ Европѣ и Америкѣ и раньше, но важенъ тотъ характеръ, тотъ методъ, который придали этому дѣлу селлементы.

Привлеченіе дѣтей и взрослыхъ изъ самаго бѣднаго, малоразвитаго, а потому и инертнаго слоя

населенія къ живой самостоятельной общественной работѣ съ людьми всевозможныхъ общественныхъ положеній и есть большая заслуга сетлементовъ.

Крайне важно возбужденіе среди населенія инициативы въ работѣ улучшенія условій своей жизни. Это подымаетъ среди инертныхъ и обездоленныхъ энергію, бодрость, гордость и самолюбіе въ лучшемъ смыслѣ слова какъ стимуль поддержанія своей личности и ея смысла и цѣнности въ жизни.

Болѣе осмысленное, дружелюбное отношеніе къ положенію семьи, къ работѣ, къ общественнымъ правамъ и обязанностямъ является результатомъ работы сетлементовъ. Культурный центръ-сетлементъ становится собственнымъ домомъ его посѣтителей, и люди мало-по-малу отучаются жить, чувствовать и дѣйствовать въ одиночку. Здѣсь люди различныхъ общественныхъ положеній, встрѣчаясь на почвѣ общихъ интересовъ и дѣла, находятъ реальный способъ для сближенія, чуждый филантропическихъ диссонансовъ, этой дани нашего соціального строя.

Съ другой стороны, сумѣвъ организовать людей, начавъ дѣло, благодаря отзывчивости нѣсколькихъ болѣе состоятельныхъ людей, сетлементъ имѣетъ возможность перейти въ общественный институтъ, поддерживаемый цѣлымъ обществомъ, муниципалитетомъ, земствомъ, какъ и другіе общественные институты въ родѣ школъ, больницъ, библиотекъ, тоже постепенно вошедши въ сознаніе общества, какъ необходимая общественная потребность. Такимъ образомъ сетлементъ по возмож-

ности дѣлаетъ, во-первыхъ, всякую новую реформу, вводимую въ современный общественный строй, идущей снизу, а не сверху, и слѣдовательно, болѣе близкой, болѣе понятной, нужной и легко вводимой безъ той массы непониманія и некультурнаго отношенія, столь характернаго для реформъ, вводимыхъ сверху. И во-вторыхъ: работа съ дѣтьми, приготавлиешь будущихъ гражданъ, работниковъ и людей, которые, постепенно эволюционируя и превращаясь во взрослога человѣка, сумѣютъ и воспользоваться реформами, введенными для нихъ, и разумно измѣнить и проконтролировать ихъ въ случаѣ необходимости.

Сетлементское движеніе въ Америкѣ перекинулось и въ другія страны.

Кромѣ Англій, рядъ сетлементовъ возникъ во Франціи, Бельгіи, Германіи, Швеціи, Норвегіи и Австріи. Сетлементы есть уже и въ Японіи, Австраліи, Индіи и Сандвичевыхъ Островахъ.

Весьма интересный и своеобразный сетлементъ возникъ въ Прагѣ, основанный чехомъ Папрстекъ, или Наперстокъ, пришедшимъ къ этой мысли культурнаго народничества совсѣмъ самостоятельно и создавшимъ единичными усиліями громадный народный музей, школу, библиотечку и свой домъ, всегда открытый для народа.

Конечно, въ разныхъ странахъ идея сетлементской работы отразилась въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, иногда болѣе узкихъ, уродливыхъ и отошедшихъ отъ своего настоящаго чистаго типа въ зависимости отъ личностей и условій среды, въ которыхъ онѣ возникли. Во всякомъ случаѣ сама жизнь и дѣятельность народа направить

ихъ по наиболѣе жизненному и правильному пути въ будущемъ, и воспользоваться новымъ болѣе современной формы инструментомъ коопераціи слѣдуетъ и намъ русскимъ, такъ страдающимъ отъ недостатка инициативы и самостоятельности нашей среды.

А. Зеленно.

О районѣ дѣятельности „сетлемента“.

Помѣщая ниже нѣкоторыя статистическія данныя *) о районѣ дѣятельности сетлемента, имѣемъ въ виду дать такимъ образомъ представленіе о той социальной обстановкѣ, среди которой организованы пока нѣкоторыя учрежденія сетлемента—общества, имѣющаго своею цѣлью поднятіе культурнаго уровня населенія. Настоящій очеркъ послужитъ какъ бы предисловіемъ къ помѣщаемымъ вслѣдъ за симъ очеркамъ С. Шацкого о дѣятельности дѣтскихъ клубовъ, колоніи, дѣтскаго сада и другихъ учреждений сетлемента въ Москвѣ. Сетлементъ основанъ въ сѣверной ея части—въ Сущевскомъ районѣ. Населеніе этого района составляетъ немного болѣе десятой части (10,8%) всего населенія столицы, т.-е. 117.765 челов. обоего пола, при чемъ изъ этого числа лицъ женскаго пола 51.141 и мужскаго—66.624.

Громадная часть населенія составляютъ лица крестьянскаго сословія—65,4% и мѣщанъ съ цеховыми—21,7%, остальное населеніе принадлежитъ къ прочимъ привилегированнымъ сословіямъ. По всему же городу процентъ для первыхъ двухъ сословныхъ

*) На основаніи изданій Стат. Отд. Моск. Гор. Упр.: „Перепись Москвы 1902 г. в. в. 1, 2 и 3 1-ой части“, „Главнѣйшія предварительныя данныя о переписи Москвы 1902 г. в. в. III и V и „Статистическій Атласъ“ изд. 1890 г.

группъ равняется: для крестьянъ 57,9, мѣщанъ 25,4. Такимъ образомъ видимъ, что населеніе Сушевскаго района даже нѣсколько демократичнѣе, нежели въ среднемъ по городу.

Что же касается экономическаго положенія населенія, то это можно иллюстрировать нѣкоторыми данными о его занятіяхъ.

Распределеніе населенія по видамъ занятій, положенію въ промыслѣ и полу:

	Муж. пола.		Женск. пола.		Итого.	
	Число.	%	Число.	%	Число.	%
Хозяева съ наем. раб.	3.271	6,1	1.056	4,3	4.327	5,3
„ безъ „ „ и съ помощ. семьи.	4.415	8,2	2.289	9,2	6.704	8,6
Рабочіе	27.429	51,2	5.031	20,3	32.460	41,4
Ученики мастерскихъ.	3.554	6,7	1.353	5,3	4.907	6,3
Домашняя прислуга .	469	0,9	7.274	29,3	7.743	9,9
Служащіе	6.759	12,6	699	2,8	7.458	9,3
Свобод. проф. и др. .	6.078	11,4	5.905	23,8	11.983	15,3
Прочіе и неизвѣст. . .	1.562	2,9	1.178	4,8	2.740	3,3
Всего .	53.537	100	24.785	100	78.322	100

Наемные рабочіе составляютъ преобладающую часть населенія рабочаго возраста Сушевскаго района; при чемъ необходимо добавить, что фабрично-заводскихъ рабочихъ только 7432 лица обоого пола, которые составятъ только 22,9% всѣхъ наемныхъ рабочихъ; остальная часть работаетъ въ мелкихъ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ. Изъ нихъ главныя по числу занятыхъ рабочихъ можно указать слѣдующія: столярное и плотничное 2576 раб; въ портновскихъ и бѣлошвейныхъ заведеніяхъ—2855; легковыхъ и ломовыхъ извозчиковъ—2119 человекъ; далѣе идутъ прачешники и прачки, слесаря, кузнецы, переплетчики и пр.

Какъ указано въ помѣщенной выше таблицѣ, только 5,3% хозяевъ Сушевскаго района имѣетъ наемныхъ рабочихъ, остальные работаютъ или въ одиночку или только съ членами своей семьи; принимая и это во вниманіе, а также и то, что было говорено о наемныхъ рабочихъ, можно сказать, что населеніе разсматриваемой нами части Москвы участвуетъ въ мелкомъ ремесленномъ производствѣ. Ремесленникъ-рабочій — вотъ типъ обитателя Сушевскаго района.

Жилища, въ которыхъ живетъ населеніе Сушева, не отличаются особой тѣснотой; на каждую комнату приходилось по 2,1 челов., въ среднемъ же по городу приходилось на комнату 2 человекъ. На одну квартиру этого района приходилось 3,8 комнаты, нѣсколько ниже средней, какова по городу 4,2. Въ такихъ квартирахъ живетъ, имѣя не болѣе 3-хъ жильцовъ, большинство населенія—74%.

Теперь посмотримъ культурность населенія.

Какъ вообще въ Москвѣ, точно такъ же въ упомянутомъ нами районѣ, значительная часть населенія безграмотна. Степень грамотности населенія Сушевскаго района можно видѣть изъ слѣдующей таблицы (стр. 22).

Сушевскій районъ, какъ видно изъ таблицы, не представляетъ какихъ-либо рѣзкихъ отклоненій отъ средней грамотности всего населенія столицы въ возрастѣ, возможномъ обученію, т.-е. съ 5 лѣтъ.

Такъ какъ селлементъ имѣетъ одной изъ главныхъ своихъ задачъ культурную работу среди подрастающаго поколѣнія, то въ таблицѣ разгруппировано населеніе послѣ 5-лѣтняго возраста до 20 лѣтъ, т.-е. до рабочаго возраста, такъ какъ этотъ промежуточный возрастъ съ его подраздѣленіями имѣетъ особый интересъ.

Изъ 11372 дѣтей въ школьномъ возрастѣ (отъ 8—14 лѣтъ) учатся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ только 4913 человѣкъ, т.-е. 43,2%. Болѣе детальное распредѣленіе учащихся дѣтей школьнаго возраста можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ:

Возрастъ.	Мальчиковъ.		Дѣвочекъ.		Об. пола.	
	Учаш.	% ко всѣмъ.	Учаш.	% ко всѣмъ.	Учаш.	% ко всѣмъ.
отъ 8—11 л.	1.554	61,4	1.485	55,1	3.039	58,1
„ 12—14 „	1.043	28,9	831	32,8	1.874	30,5
Всего .	2.597	41,6	2.316	44,3	4.913	43,2

Процентъ грамотности мальчиковъ, равно какъ и обучающихся, нѣсколько выше процента грамотныхъ и обучающихся дѣвочекъ. Число учащихся въ двухъ группахъ школьнаго возраста рѣзко между собой различается; въ то время какъ въ возрастѣ отъ 8 до 11 лѣтъ учащихся дѣтей изъ каждой сотни—58 человѣкъ, въ то же время въ другой группѣ—отъ 12 до 14 лѣтъ—на каждые 100 человѣкъ дѣтей учатся только 31 человѣкъ. Экономическія условія жизни родителей заставляютъ дѣтей, иногда еще не кончившихъ начальную школу, отдавать въ какое-либо мастерство. Всего же учениковъ въ мастерскихъ по Сушевскому району, какъ можно видѣть изъ помѣщенной нѣсколько выше таблицы, около пяти тысячъ—(4907) человѣкъ. Большинство дѣтей учатся въ начальныхъ школахъ—56,2%, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ обучается болѣе трети всѣхъ учащихся Сушевскаго района, а именно—36,8% и только 7% въ высшихъ.

Что же касается культурнаго уровня взрослого насе-

Грамотность населенія Сушевскаго района.

Возрастъ.	Мужского пола.			Женскаго пола.			Обоего пола.			По	
	Общее число.	Изъ нихъ грамот.	% грам.	Общее число.	Изъ нихъ грамот.	% грам.	Общее число.	Изъ нихъ грамот.	% грам.	Москва	% грамот.
5—7 лѣтъ.	2.167	245	11,3	2.304	226	9,8	4.471	471	15,0	10,3	
8—11 „	2.530	1.991	78,7	2.696	1.951	72,4	5.226	3.942	75,4	77,1	
12—14 „	3.614	3.252	89,9	2.532	2.015	79,5	6.146	5.267	85,7	87,5	
15—19 „	9.706	8.393	86,5	5.167	3.528	68,5	14.873	11.921	80,1	80,8	
20 и болѣе.	43.882	32.096	73,1	33.693	15.502	46,0	77.575	47.598	61,4	61,8	
Всего	61.899	45.977	74,4	46.392	23.222	50,1	108.291	69.199	63,9	64,0	

ленія, разсматриваемаго нами района, то, какъ можно было видѣть, грамотны только 61 человекъ изъ каждаго 100 человекъ населенія старше 20 лѣтъ. Но среди населенія, въ возрастѣ отъ 8 до 19 лѣтъ, на каждые 100 человекъ приходится грамотныхъ 81 человекъ. Не равномерно распредѣляется относительное число грамотныхъ среди лицъ женскаго пола и мужскаго. У первыхъ на каждые 100 человекъ съ 5-лѣтняго возраста приходится грамотныхъ 71 чел., у вторыхъ 50; здѣсь характерно, что разница нѣсколько сглаживается среди населенія въ возрастѣ отъ 8 до 19 лѣтъ; среди женскаго пола грамотность равняется 72%, а среди мужскаго пола—86%.

Конечно, какъ и нужно ожидать, большинство населенія получаетъ или получило образованіе только низшее: изъ 100 грамотныхъ съ упомянутымъ образованіемъ 77 лицъ, съ среднимъ—21 и съ высшимъ—2.

Такова степень образованности населенія района, въ которомъ началъ свою дѣятельность селлементъ.

Прежде чѣмъ закончить настоящій очеркъ о характерѣ Сушевскаго района, необходимо сказать нѣсколько словъ и привести нѣкоторыя данныя о близлежащемъ къ селлементу пригородѣ—Марьиной рошѣ, откуда нѣкоторыя дѣти посѣщаютъ клубы и положеніе котораго заставляетъ предполагать, что число лицъ этого района, посѣщающихъ селлементъ, значительно увеличится. Населеніе Марьиной роши равняется почти 22 тыс. чел. обоего пола, при чемъ въ возрастѣ свыше 5 лѣтъ имѣется около 20 тысячъ, изъ которыхъ грамотныхъ только половина—52,8%. Число дѣтей въ школьномъ возрастѣ—2043 обоего пола, изъ нихъ грамотныхъ—1551 человекъ. Населеніе преимущественно состоитъ изъ лицъ кре-

стьянскаго сословія (80,4%). Занимается оно главнымъ образомъ въ мелкихъ ремесленныхъ производствахъ: портные, сапожники, слесаря и др.; кромѣ того, значительное число извозчиковъ. Наемныхъ рабочихъ фабрикъ и заводовъ всего только 13% изъ 8278 рабочихъ Марьиной роши.

Итакъ, нами въ общихъ чертахъ обрисована среда, въ которой началъ проявлять свою дѣятельность селлементъ. На основаніи немногихъ данныхъ, приведенныхъ выше, легко можно видѣть, что культурный, экономическій уровень этой среды стоитъ не высоко. Населеніе Сушевскаго района, находящееся въ такихъ условіяхъ, даетъ большой разнообразный матеріалъ для всякихъ учреждений, идущихъ навстрѣчу его культурнымъ потребностямъ населенія.

Н. Казимировъ.

Дѣти—работники будущего.

I.

Первые шаги.

Весной 1905 года въ Москвѣ созданъ небольшой кружокъ лицъ, объединенныхъ желаніемъ работать среди бѣднаго населенія. Глубоко заинтересовавшись соціальной работой, которая создала новый родъ общественнаго движенія въ Англии и Соединенныхъ Штатахъ, кружокъ рѣшилъ сдѣлать попытку начать эту работу здѣсь, гдѣ, какъ и во всякомъ большомъ городѣ, на сравнительно небольшомъ кускѣ земли ютится огромное количество бѣдняковъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, лишенныхъ примитивныхъ условій культурной жизни.

Легче и проще было начать работу съ дѣтей; поэтому кружокъ обратился въ одно изъ московскихъ попечительствъ о бѣдныхъ и въ начальное городское училище съ просьбой указать дѣтей, которыя пожелали бы провести лѣто на дачѣ, предоставленной въ распоряженіе кружка однимъ изъ его членовъ. Такимъ образомъ собралось около двѣнадцати мальчиковъ, въ возрастѣ отъ 9 до 14 лѣтъ.

Двое сотрудников кружка, З. и Ш., отправились на дачу вмѣстѣ съ дѣтьми. Заранѣе было рѣшено, и дѣти были предупреждены о томъ, что имъ придется много работать для самихъ себя: дѣлать кровати, убирать комнаты, варить пищу, ухаживать за огородомъ и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, дача имѣла лишь нѣсколько пустыхъ комнатъ, гдѣ всей мебели было только—старый кухонный столъ, шкафъ для посуды, два складныхъ стула и кровать. Въ сараѣ лежали доски, изъ которыхъ въ будущемъ должны были появиться столы, скамьи и кровати.

Первое время дѣти были предоставлены самимъ себѣ. И это время—недѣлю-другую, они представляли стадо людей—животныхъ, выпущенныхъ на свободу. Они принесли съ собою все, что дала имъ улица: постоянно происходили ссоры, драки, образовывались воинствующие партіи, сильные притѣсняли слабыхъ. Нѣкоторые на какія-то жалкія копейки, привезенныя съ собою, покупали папиросы и курили тайкомъ. Отвратительная уличная брань и ложь были для нихъ самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Къ этому прибавлялось ихъ недовѣрчивое отношеніе къ сотрудникамъ: вѣроятно, они привыкли видѣть въ каждомъ взросломъ—своего врага, такъ же какъ привыкли къ тому, что имъ приказываютъ, наказываютъ и даже бьютъ. Ребята постоянно жаловались другъ на друга, и обоимъ сотрудникамъ было страшно трудно дать понять имъ, что наказывать никто не будетъ. Это было чрезвычайно странно для юныхъ колонистовъ.

Можно было не наказывать, можно было ласко-

во обращаться съ дѣтьми, уговаривать ихъ, испытывая свое терпѣніе, можно было представить изъ себя роль доброжелательнаго судьи, но нельзя было не видѣть того, что дѣти остаются и, вѣроятно, при такихъ условіяхъ останутся такими же, какъ и были раньше.

Прошло двѣ недѣли, а ребята такъ же лгали, жаловались, дрались и крали, какъ и въ первые дни. Руководители колоніи принимали участіе во всѣхъ играхъ, приучали дѣтей къ работѣ на кухнѣ, мели и убирала комнаты—дѣти исполняли эти работы, такъ какъ иначе нельзя было бы жить въ колоніи—но все-таки не налаживалась та общая атмосфера, та цѣльность, непринужденность общей жизни, которую хотѣлось бы видѣть въ этомъ маленькомъ обществѣ.

Пища готовилась сперва обоими руководителями поочередно. При этомъ обыкновенно были дѣти и помогали понемногу; спустя нѣкоторое время было предложено имъ установить очередь помощниковъ, и недѣли черезъ двѣ, когда мальчики освоились немного съ кухней, были назначены по жребью дежурства, куда входили также оба сотрудника на равныхъ со всѣми началахъ. Точно такъ же были распределены дежурства по уборкѣ комнатъ и по огороду.

Съ кухней и съ уборкой комнатъ дѣло пошло довольно гладко. Не то было съ огородомъ: здѣсь пришлось столкнуться съ очевидной непривычкой городскихъ дѣтей къ физическому труду. Они скоро убѣгали подъ болѣе или менѣе благовидными предлогами и подвергали сотрудниковъ жестокому искушенію вспомнить свои, уже сложив-

шіяся когда-то, привычки къ принужденію, угрозамъ и т. д.

Разумѣется, это не могло имѣть успѣха, и дѣло кончилось тѣмъ, что нѣкоторымъ мальчикамъ жизнь въ колоніи не понравилась: непривычка къ труду, стычки и раздоры между мало знакомыми другъ съ другомъ дѣтьми, тяготѣніе къ старой обстановкѣ и скука по семьѣ и товарищамъ сдѣлали то, что четверо высказали желаніе ѣхать въ Москву. Оставаться ихъ не уговаривали и вообще предоставили имъ самимъ рѣшить этотъ вопросъ.

Такимъ образомъ первые дни въ колоніи, кромѣ сознанія своего неумѣнія сладить съ дѣтьми и довольно непріятныхъ уколовъ самолюбія, руководителямъ дали очень мало. Впрочемъ, двое изъ уѣхавшихъ вернулись черезъ нѣсколько дней назадъ.

Первыя общественныя дѣла.

Колонисты спали на полу. Несмотря на очевидныя неудобства, они сперва какъ будто примирились съ этимъ. Но, понемногу, одинъ за другимъ стали жаловаться на грязь. Дѣйствительно, по вечерамъ, передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, ребята обыкновенно поднимали отчаянную возню, и одѣяламъ, подушкамъ и простынямъ сильно доставалось отъ босыхъ ногъ. Наконецъ, противъ такихъ порядковъ стали возставать почти всѣ. Тогда сотрудникъ Ш. сдѣлалъ себѣ кровать изъ досокъ и брусевъ. Работа эта имѣла, до нѣкоторой степени, общественный харак-

теръ, потому что въ ней принимало участіе много народу.

Кровать была съ торжествомъ поставлена на мѣсто. Вечеромъ на ней устроилось общее чтеніе, и тутъ же всѣ рѣшили приниматься за дѣло. Утромъ закипѣла работа, и дня въ два всѣ обзавелись кроватями, болѣе или менѣе прочными; были, впрочемъ, и довольно неустойчивыя, такъ что владѣльцамъ приходилось послѣ много разъ вколачивать въ нихъ лишніе гвозди.

Какъ бы то ни было, но въ этомъ случаѣ не пришлось никого ни уговаривать, ни понукать: слишкомъ говорила за себя самая необходимость работы.

Эти два дня въ колоніи царило удивительное одушевленіе; на время прекратились драки, ссоры и жалобы. Это общее оживленіе дало возможность старшимъ ближе подойти къ дѣтямъ; и разъ ужъ нашла на нихъ такая полоса—устраивать колонію, то естественно было возбудить вопросъ о неустройствѣ въ самой жизни колонистовъ. И вотъ разъ за вечернимъ чаемъ З. указалъ дѣтямъ на то, что дежурные плохо исполняютъ свои обязанности и что поэтому вездѣ—и въ комнатахъ, и на кухнѣ—очень грязно. Колонисты вполне соглашались съ этимъ, но не видѣли никакого средства, какъ быть иначе. „Еще бы не было грязно, когда всѣ метутъ подъ кровати, да на кухнѣ то же: шелуху и кости бросаютъ въ уголь, посуду не вытираютъ“.—„Да, все-таки, можно что-нибудь съ этимъ сдѣлать?“—„Сдѣлаешь тутъ: никто не слушается“. „А вы вотъ какъ,—предложилъ З. одинъ шустрый малышъ,

полушутя, полусерьезно:—вы насъ наказывайте. А то что—все прощаете да прощаете!“—„Вотъ видите, ребята, какъ онъ говоритъ,—сказаль З.,— а что толку наказывать—все равно, за всѣми не услѣдишь; а только неправда это, что ничего нельзя сдѣлать. Я такъ предлагаю: давайте каждый разъ за вечернимъ чаемъ обсуждать про дежурныхъ, какъ они исполняли свое дѣло,—коли плохо, такъ и назначимъ ихъ на второй день. Что же за него работать другому? Кто чистоту захочетъ навести—такъ надо работать и свое и чужое?“

Предложеніе это всѣхъ заинтересовало, и когда на другой день пріѣхаль Ш. изъ Москвы, дѣти прежде всего сообщили ему новость: „У насъ теперь сходка каждый день“.

Все-таки нововведеніе прививалось туго. Дѣти обыкновенно ждали, чтобы обсужденіе началъ кто-нибудь изъ сотрудниковъ, хотя вопросъ, который предлагался при этомъ, былъ все тотъ же: „Какъ сегодня работали повара?“ и т. д.

II.

Новые порядки.

Очень скоро двое уборщиковъ оказались виновными въ небрежномъ отношеніи къ дѣлу: они, по просту, совсѣмъ не мели комнату. Ихъ заставили дежурить еще разъ, и они подчинились, хотя сильно протестовали вначалѣ. То же произошло и съ поварами, которые оставили кухню неприбранной. Товарищи ихъ, которые должны были дежурить на слѣдующій день, объявили, что они не согласны дѣлать двойную работу,—за

себя и за прежнихъ поваровъ. Такимъ образомъ пришлось и этимъ продолжить свое дежурство.

Мало-по-малу дѣти стали внимательно слѣдить другъ за другомъ; наиболѣе развитыя изъ нихъ часто даже приглашали товарищей провѣрить свою работу, чтобы послѣ не было нареканий.

Однажды въ безпорядкѣ былъ уличенъ сотрудникъ Ш., дежурившій вмѣстѣ съ девятилѣтнимъ своимъ товарищемъ. Мальчуганъ долженъ былъ вынести спальную, и онъ сдѣлалъ это, но такъ, что весь соръ, который былъ въ комнатѣ, смель подъ кровати и ушелъ.

Кто-то изъ колонистовъ заглянулъ подъ свою кровать и, обнаруживъ грѣхи дежурнаго, созвалъ товарищей для осмотра. Поднялся большой шумъ. „Вотъ такъ дежурные! На второй день, на второй день!“ Нѣкоторые, впрочемъ, оправдывали Ш., считая естественнымъ, что онъ, какъ „большой“, не долженъ подвергаться наказанію. „Вѣдь это Мишка мель—онъ и отвѣчай!“ Ш. поспѣшилъ объявить, что, по его мнѣнію, за дежурство отвѣчаютъ оба, и поэтому съ нимъ надо поступить такъ же, какъ и со всѣми. И къ общему удовольствію Ш. съ маленькимъ товарищемъ дежурили на слѣдующій день еще разъ.

Подобные случаи, когда взрослые сами оказывались виновными въ чемъ-либо (а за этимъ дѣти слѣдили съ особой внимательностью), воспитывали сознание равенства всѣхъ передъ правилами, установленными сообща.

Одинъ изъ такихъ случаевъ принесъ очень большую пользу общей жизни маленькой колоніи.

Дѣло было такъ.

По вечерамъ обыкновенно устраивались на лугу передъ дачей игры. И вотъ случилось разъ, что во время игры Ш. ударилъ неосторожно одного изъ старшихъ мальчиковъ. Тотъ собралъ „сходку“ и обратилъ вниманіе товарищей на то, что „драться нельзя и что этакъ можно повредить что-нибудь“. „Къ тому же,—добавилъ онъ,—если у насъ станутъ драться большіе, то это будетъ плохой примѣръ для всѣхъ“.

Ш. призналъ себя виновнымъ въ томъ, что сильно ударилъ, но во всякомъ случаѣ не съ цѣлью причинить боль, а по неосторожности. „Все, что я могу самъ сдѣлать,—сказалъ онъ:—это попросить извиненія; а тамъ какъ хотите вы или Сережа (потерпѣвшій), если только онъ вѣрится тому, что я сдѣлалъ это не нарочно“. Сережа протянулъ Ш. руку, и примиреніе состоялось.

Настроеніе маленькаго общества было очень тихое, сосредоточенное. И Ш. обратился ко всѣмъ дѣтямъ:

— „Вотъ, ребята, вамъ и всѣмъ такъ бы дѣлать. Чего смотрѣть на то, что одинъ кто-нибудь сильнѣе. Самый изъ васъ сильный все-таки слабѣе всѣхъ,—всѣ-то могутъ справиться съ нимъ. А ваше дѣло—никого не давать въ обиду, стараться жить такъ, чтобы одни не брали верха надъ другими только потому, что у нихъ кулаки побольше“. — „Господа,—предложилъ тотъ же Сережа, который только-что выступалъ обвинителемъ:—я предлагаю такъ: давайте поставимъ, чтобы всѣ слѣдили за обидчиками, чтобы не жа-

довались у насъ сотrudникамъ, а всей сходкѣ. А то какіе мы товарищи... Подымай руку, кто согласенъ“. Всѣ подняли руки. „Ну,—это еще что,—заявилъ другой:—надо записать и къ стѣнѣ прибить. Ш. записывай!“ — „Согласны?“ — „Согласны, согласны!“ И на стѣнѣ комнаты появилось первое правило колоніи.

Вообще на этой сходкѣ всѣ вели себя необычно серьезно и останавливали другъ друга, если кто начиналъ шумѣть: „Чего ты? Развѣ не понимаешь? Серьезное дѣло, а ты смѣешься!“ Шалунъ дѣлалъ виноватое лицо и умолкалъ.

Такимъ образомъ мѣсяца черезъ полтора стали укореняться новый порядокъ. Кстати, можно замѣтить, что интересъ къ „сходкѣ“ и авторитетъ ея былъ показателемъ того, какъ начинается уничтожаться право сильнаго, которое,—въ видѣ угрозы или побоевъ,—такъ часто проявлялось раньше. Любопытно, что дѣти наиболѣе эгоистичныя, не желавшія подойти подъ общій судъ и считаться съ волею слабѣйшихъ себя, стали теперь протестовать, выражая свое недовольство тѣмъ, что „нѣтъ настоящихъ наказаній“, и въ срединѣ лѣта нашли болѣе удобнымъ для себя уѣхать домой. Это были послѣдніе бѣглецы изъ колоніи. Ихъ было двое, и у нихъ, впрочемъ, имѣлись въ Москвѣ коммерческія дѣла, въ видѣ продажи бабокъ, голубей и „экстренныхъ телеграммъ“.

Конечно, новое „правило“ не измѣнило сразу привычекъ ребятъ. Скоро нашлось нѣсколько виновныхъ въ нарушеніи правилъ. Одинъ побилъ,

другой выругался „по уличному“, третій не выполнилъ, какъ слѣдуетъ, своего дежурства. Собралась сходка, гдѣ разбирался, главнымъ образомъ, вопросъ, стоитъ ли ихъ наказывать, или положиться на ихъ совѣсть.

Рѣшили въ концѣ концовъ дать всѣмъ недѣлю на исправленіе, а послѣ ужъ наказать.

Когда уже было покончено со всѣми дѣлами, то сотрудникъ попросилъ всѣхъ повременить немного, такъ какъ онъ хочетъ задать товарищамъ-колонистамъ одинъ вопросъ.

— „Задавай, задавай!“ слышались голоса.

— „Я хочу спросить вотъ что: не дѣлалъ ли кто-нибудь изъ васъ чего-нибудь такого, что всѣми считается нужнымъ скрывать отъ сотрудниковъ? Я не спрашиваю, кто это сдѣлалъ, это все равно; мнѣ только хочется узнать, считаете ли вы насъ своими товарищами или начальствомъ, какъ раньше, когда вы приходили постоянно жаловаться другъ на друга?“

Послѣдовало молчаніе.

— „Ну, значить, если никто не говоритъ, то я буду считать, что у насъ въ колонии все дѣлается открыто; такъ и тѣмъ могу сказать, кто спросить у меня про колонию?“

Послѣ нѣкотораго колебанія, одинъ рѣшился сказать про себя: „Я кружку разбилъ, да не сказалъ“.—„Ну, а еще?“—„А я сахаръ бралъ“.—„И я, и я!“—„Ну, а ты чего же молчишь? Вѣдь ты куриль“ Всѣ видали“...—„Куриль, да вѣдь теперь бросилъ. Чего же ты лѣзешь?“ Ребята сразу оживились, и признанія сыпались одно за другимъ. Еще одинъ оказался виновнымъ въ

томъ, что въ отсутствіе сотрудниковъ зажигалъ въ ихъ комнатѣ паяльную лампу и гнулъ стеклянные трубки на огнѣ.

— „Ребята, вотъ что я скажу вамъ на это,—сказалъ Ш.:—напрасно никто изъ васъ не спрашивалъ прямо. Я думаю, что сахаръ, наприимѣръ, можно было брать и такъ, только у насъ его мало, чуть-чуть хватить на все время, а больше покупать денегъ нѣтъ. Поэтому тѣ, кто будетъ брать сахаръ не для чаю, можетъ оставить и себя и другихъ со всѣмъ безъ сахару. Про куренье можно сказать, что очень вредно оно, въ особенности для дѣтей; но, если кто хочетъ курить, пусть ужъ курить при всѣхъ, а не тайкомъ. А еще Сережа гнулъ стеклянные трубки; да вѣдь совсѣмъ странно, что онъ не сказалъ объ этомъ: мы были бы очень рады, что, онъ и самъ хочетъ подѣлать то, что вамъ показывается на занятіяхъ*). Чего бояться: наказаній у насъ нѣтъ“.

— „Наказаній-то нѣтъ, а все какъ-то стыдно сказать“.

— „А не стыдно будетъ, если всѣ стануть думать на того, кто совсѣмъ не виновать?“

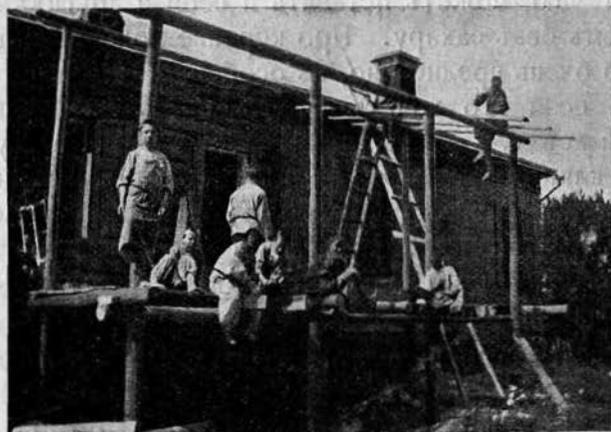
И такимъ образомъ было постановлено, чтобы всякій говорилъ о томъ, что сдѣлалъ, на сходкѣ. Это исполнялось довольно часто. И ложь, понемногу, стала уступать мѣсто искренности.

*) Въ колоніи былъ сдѣланъ опытъ занятій химіей въ крошечной лабораторіи, устроенной въ комнатѣ сотрудниковъ.

III.

Трудовая жизнь.

Параллельно съ ходомъ общей жизни разрасталась и трудовая. Работы по уборкѣ комнатъ и по кухнѣ сдѣлались уже привычной общественной повинностью, и большинство ребятъ умѣли варить пищу самостоятельно.

Во вторую половину лѣта стало процвѣтать плотничье ремесло. Сперва сооруженъ былъ деревянный клозетъ, а послѣ, съ общаго согласія, приступили къ болѣе серьезному дѣлу—постройкѣ террасы. И эта работа очень оживила и сплотила дѣтей. Здѣсь уже не было опредѣленныхъ часовъ, а всякій дѣлалъ, когда хотѣлъ; доходило до того, что повара даже, на короткое время освободившись отъ кухни, выбѣгали на работу, чтобы вбить лишній гвоздь, прострогать

доску и т. д. Еще до начала постройки дѣти мечтали о томъ, какъ они будутъ пить чай, обѣдать на „своей“ террасѣ, какъ прїѣдутъ гости и станутъ удивляться на ихъ работу. Можно себѣ представить, съ какимъ торжествомъ пили на этой террасѣ въ первый разъ чай.

Что касается до другихъ занятій, то большой помѣхой было недостаточное количество времени у обоихъ руководителей, стоявшее въ связи съ условіями ихъ личной жизни. Многого не удалось осуществить. Тѣмъ не менѣ, нѣкоторыя попытки дали возможность сдѣлать интересныя наблюденія.

Можно прямо сказать, что все, напоминавшее школу, даже и не вспоминалось. Читали дѣти очень мало.

Былъ сдѣланъ опытъ занятій по химіи, и ребятъ достаточно занимали опыты, или „фокусы“, какъ говорили нѣкоторые изъ нихъ. Бывало дѣти про-

сживали въ комнатахъ часа по два, по три, наблюдая за тѣмъ, какъ перегоняется вода или окисляется цинкъ. Попутно шли всевозможные разговоры на разныя темы; тѣсный кружокъ, образующийся во время такихъ занятій, свобода, непринужденность и возможность самимъ произвести какой-либо опытъ, вмѣстѣ съ новизной дѣла—вѣроятно, особенно привлекали дѣтей къ скромной лабораторіи. За мѣсяць узнали составъ воздуха, воды, добывали кислородъ, водородъ, углекислоту и знакомились съ ихъ свойствами. Нѣкоторые сами добывали эти газы.

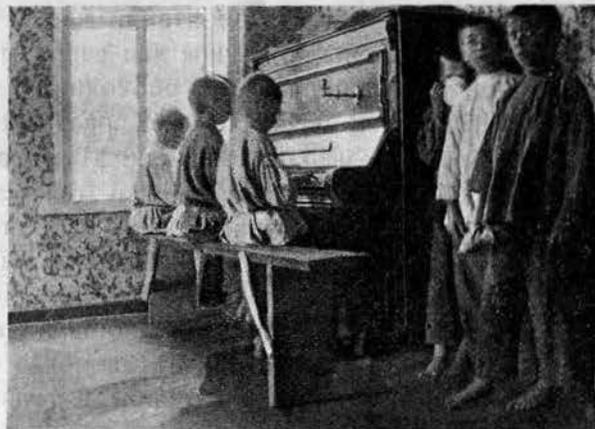
Познаніями дѣти, конечно, слегка гордились.

Одинъ разъ въ колонію пріѣхали ученики и ученицы одной изъ воскресныхъ школъ на экскурсію и попросили рассказать имъ о воздухѣ. Ш. пригласилъ колонистовъ помочь ему наладить опыты. Двое или трое согласились и очень серьезно выполняли свое дѣло. Послѣ же лекціи они выразили свое неудовлетвореніе слушателями: „Ничего не знаютъ; говоришь-говоришь, а, должно быть, мало они поняли...“

Музыка.

Большое мѣсто занимала въ жизни колоніи музыка. О правильныхъ занятіяхъ не могло быть рѣчи, хотя бы потому, что оба сотрудника были лишь простыми любителями этого искусства. Все же хотѣлось ввести въ общую жизнь нѣкоторую долю эстетическаго элемента. Изъ ребятъ составилъ хоръ, часто распѣвавшій по вечерамъ подъ аккомпаниментъ піанино. Нашлось нѣсколь-

ко колонистовъ, которые быстро научились подбирать кое-какія пѣсни на инструментъ, разыгрывали ихъ вмѣстѣ съ сотрудниками и до того увлекались своими успѣхами, что употребляли почти все свободное время на безконечное повтореніе одной и той же пѣсни, которую удалось подобрать на піанино.

Интересны были тѣ моменты, когда играть хотѣлось сразу нѣсколькимъ. Тогда къ инструменту придвигалась лавка, музыканты—три, а то и четыре—усаживались рядомъ, и каждый, отмежевывая себѣ опредѣленную часть клавиатуры, игралъ свое, не стѣняясь музыкой сосѣдей. Бывало, что по клавишамъ, вмѣсто рукъ, ударяли ноги; это считалось неуваженіемъ къ музыкѣ и инструменту, и виновные лишались, съ общаго согласія, права играть на нѣсколько дней.

Дѣти и взрослые.

Всѣ работы, занятія, игры, прогулки для обоихъ сотрудниковъ, жившихъ вмѣстѣ съ дѣтьми, были драгоценнымъ средствомъ сблизиться съ ними. Немного нужно было пожить съ дѣтьми, чтобы убѣдиться въ полной непригодности тѣхъ способовъ обращенія съ ребятами, какіе въ большинствѣ случаевъ привычны для взрослыхъ. Правоученія, хорошія слова въ спокойномъ состояніи, выговоры и наказанія—въ раздраженномъ достигаютъ только одной цѣли: дѣти замыкаются въ себѣ и постепенно образуется осторожное, недовѣрчивое отношеніе ихъ къ „опытнымъ воспитателямъ“, вырастаетъ стѣна взаимнаго отчужденія и непониманія. Все это пришлось испытать на себѣ руководителямъ колоніи; и только искреннее участіе въ жизни дѣтей могло создать ту атмосферу довѣрія, дружбы и товарищества, которая ясно чувствовалась въ колоніи въ концѣ лѣта.

Иногда отношеніе дѣтей къ новой для нихъ жизни, къ товарищамъ и сотрудникамъ сказывалось особенно ясно.

Прогулки.

Однажды вся колонія отправилась пѣшкомъ въ прогулку верстъ за двадцать. Дорога шла лѣсомъ. Увидали сторожку и рѣшили остановиться передохнуть и позавтракать. Старуха-сторожиха дала самоваръ, хлѣба и молока, и молодая ком-

панія со смѣхомъ и шумомъ усѣлась за столикъ подъ деревьями. „А это кто же съ вами: учителя, что ли?“ спросила старуха, неодобрительно глядя на то, какъ попросту ребята обращаются со старшими. „Не учителя, а товарищи, только старшіе“, отвѣтилъ одинъ. Другой нашелъ нужнымъ поправить своего товарища: „Учителя жизни“, сказалъ онъ. И, обратившись къ З., прибавилъ тихо: „Да развѣ она пойметъ?!“

Изъ разговоровъ, которые приходилось вести съ дѣтьми, можно было вынести впечатлѣніе, что дѣти очень чутко относятся къ тому, когда взрослые, называющіе себя „товарищами“, допускаютъ въ обращеніи съ ними покровительственный или начальственный тонъ.

Разъ колонисты во время прогулки сдѣлали привалъ около полотна желѣзной дороги. Шель поѣздъ, и одинъ изъ мальчиковъ побѣжалъ къ рельсамъ и передъ самымъ почти паровозомъ перебѣжалъ черезъ нихъ. З., въ страхѣ за мальчика, бросился къ нему, схватилъ за руку и нервнымъ тономъ сталъ упрекать его за шалость, объявивъ, что послѣ этого онъ никогда не станетъ брать его съ собою, а теперь не отпуститъ отъ себя ни на шагъ. Нужно было видѣть, какъ это подѣйствовало на ребенка. Онъ отказался идти вмѣстѣ съ другими, горько плакалъ и твердилъ, что онъ думалъ, что здѣсь лучше обращаются, а на самомъ дѣлѣ—„какъ съ собакой“; что, если на то пошло, то онъ лучше уйдетъ пѣшкомъ въ Москву, а не останется здѣсь, въ колоніи. „Начали ругать,—говорилъ онъ:—а тамъ и бить стануть“. Онъ долго не могъ успокоиться,

пока не прошло острое чувство обиды и не состоялось полное примирение съ З.

Мальчикъ поступилъ въ колонію изъ пріюта, гдѣ режимъ былъ установленъ далеко не мягкій и во всякомъ случаѣ не развивалъ въ дѣтяхъ чувства собственнаго достоинства. Вообще, всѣ пріютскіе сильно отличались отъ „свободныхъ“ дѣтей. На нихъ лежалъ какой-то отпечатокъ приниженности, неискренности. Они никогда не глядѣли прямо въ глаза и говорили какимъ-то страннымъ, жалобно-лицемѣрнымъ тономъ. И вотъ этого самаго Илюшу, который былъ такъ сильно обиженъ рѣзкимъ тономъ З., пришлось встрѣтить осенью въ Москвѣ на улицѣ. И сразу было видно, что Илюша сильно измѣнился съ того времени, какъ уѣхалъ изъ колоніи. Такъ же, какъ и раньше, смотрѣлъ онъ въ сторону и говорилъ прежнимъ унылымъ тономъ.

— „Что же, Илюша, какъ тебѣ живется?“— „Да ничего, слава Богу!“— „А попадаетъ часто?“— „Нѣтъ, только разъ за волосы оттащали.“— „Ну, а ты что же?“— „Ничего, надо же привыкать.“— „А какъ же ты раньше въ колоніи: обижался на выговоръ?“— „Да то въ колоніи, а здѣсь— Москва“.

И это все было сказано такимъ спокойно-равнодушнымъ тономъ, какъ будто пинки и колотушки должны быть присвоены его существу какъ необходимое условіе жизни.

Въ концѣ лѣта сотрудники попробовали оставить колонистовъ однихъ и уѣхали, З. въ Нижній-Новгородъ, а Ш. въ Москву, съ тѣмъ, чтобы вернуться назадъ черезъ три дня. Когда они

вернулись, то были встрѣчены дѣтьми, которыя, какъ бы успокаивая, наперерывъ старались объяснить, что все было, какъ слѣдуетъ: „Пріѣзжали двѣ барыни въ гости, мы ихъ угощали, водили гулять и даже проводили на станцію. А небось, боялся за насъ Ш., а мы и ничего. Только скучно было, а то совсѣмъ ничего“.

Послѣдніе дни.

Въ теченіе послѣднихъ дней жизни въ колоніи сотрудники вели съ дѣтьми долгія бесѣды о томъ, какъ всѣмъ товарищамъ встрѣчаться зимой въ Москвѣ. З. предложилъ дѣтямъ устроить дѣло такъ: пусть они по извѣстнымъ днямъ приходятъ къ нему на квартиру и зовутъ съ собой товарищей и знакомыхъ мальчиковъ. Когда соберется народу много, то можно будетъ сообщать и обсуждать, что дѣлать, по какимъ днямъ приходитъ и т. д. Потомъ можно будетъ нанять и отдѣльную квартиру и наладить какія-нибудь игры или занятія, какъ въ колоніи. При этомъ З. разсказывалъ ребятамъ, какъ живутъ американскіе мальчики, какъ они устраиваютъ клубы, прогулки, игры, гимнастику. И просилъ колонистовъ, если имъ это нравится и если они думаютъ, что устройство такихъ „клубовъ“ можетъ быть полезно для нихъ самихъ и ихъ товарищей, то помочь ему и Ш.

Дѣти очень оживленно обсуждали новую мысль и рѣшили приложить всѣ усилія къ тому, чтобы привлечь другихъ мальчиковъ и даже дѣвочекъ въ свое учрежденіе.

Передь самымъ отъездомъ изъ колоніи сотрудники предложили дѣтямъ отвѣтить на вопросы, касающіеся различныхъ сторонъ минувшей жизни лѣтомъ. Вопросовъ было составлено 35; колонисты съ большимъ интересомъ и серьезностью бесѣдовали съ сотрудниками, старательно заботясь о томъ, чтобы никто другой не слушалъ ихъ „исповѣди“, какъ называли они этотъ опросъ. Многие въ жизни колоніи было подвергнуто критикѣ, иногда даже неожиданной; и нѣсколько разъ и Э. и Ш. были уличены въ прямой неопослѣдовательности, въ ошибкахъ и въ проявленіи собственнаго авторитета, чего такъ хотѣлось избѣгнуть. Напримѣръ на вопросъ: „Какъ колонисты относились къ выговорамъ?“ большинство отвѣтило, что получать ихъ было очень обидно. Но ужъ если сотрудникъ былъ недоволенъ чѣмъ-нибудь, то долженъ былъ не самъ распоряжаться, а жаловаться „сходкѣ“.

Такъ, въ общемъ, прошла жизнь колоніи. Чтобы создать это примитивное общество съ извѣстной стройностью организациі, общество, гдѣ маленькіе члены начинали уже сознать выгоды взаимнаго общенія, нужно было пройти черезъ много ошибокъ, потратить много силъ. Дѣти многому выучили взрослыхъ; и эти взрослые увидѣли ясно, что работа съ дѣтьми не можетъ опираться на какіе-нибудь приемы, не можетъ быть ограничена заранѣе намѣченными рамками; что эта работа должна быть самою жизнью, гдѣ дѣти вносятъ свою инициативу, свои запросы, гдѣ ихъ желанія, мысли, особенности ихъ склада играютъ огромную роль, гдѣ у взрос-

лыхъ должно стоять на первомъ планѣ уваженіе къ дѣтской жизни, гдѣ, словомъ, все, что могутъ дать дѣти, является основнымъ матеріаломъ для продуктивной, жизненной работы. Въ этой работѣ нѣтъ мѣста проявленію личнаго авторитета со стороны старшихъ и робкой подчиненности со стороны младшихъ; это должна быть общая жизнь, гдѣ дѣятельность руководи-

Въ Москвѣ!

телей, воспитателей и учителей сводится къ тому, чтобы давать матеріалъ, надъ которымъ могли бы мыслить и работать дѣти.

IV. Начало работы въ Москвѣ.

Въ Москвѣ работа кружка могла быть начата лишь въ началѣ сентября. Къ этому времени къ прежнимъ сотрудникамъ прибавилось нѣсколько новыхъ членовъ.

Прошелъ почти мѣсяць, какъ дѣти оставили колонію, они приходили раза два въ недѣлю въ помѣщеніе, нанятое для будущихъ „клубовъ“, играли и помогали немного сотрудникамъ устраиваться на новомъ мѣстѣ.

Ребятъ приходило семь—восемь; но на нихъ уже сказывалось вліяніе городской обстановки, и вели они себя не такъ просто и непринужденно, какъ лѣтомъ. Иногда приходилось съ грустью убѣждаться, что условія ихъ обычной жизни стали стирать понемногу то новое, что начинало прививаться въ колоніи. Сильнѣе стала сказываться разница возрастовъ, семейной обстановки; даже игры шли вяло.

При каждой встрѣчѣ дѣти спрашивали: „Когда же вы народъ соберете?“ Приходилось отвѣчать, что это зависитъ отъ нихъ самихъ, такъ какъ сотрудники никого кругомъ не знаютъ.

Впрочемъ, понемногу „народъ“ сталъ собираться и самъ: при играхъ всегда были любопытные, которые могли видѣть нашихъ дѣтей съ улицы или сквозь заборъ. Обыкновенно ихъ приглашали въ игру, и такимъ образомъ завязывалось первое знакомство.

Первое собраніе.

Къ концу августа помѣщеніе было приведено въ порядокъ. Дѣтямъ предложено было собраться въ опредѣленный день и пригласить на это первое собраніе своихъ товарищей. Пришло дѣтей пятнадцать, преимущественно стар-

шихъ мальчиковъ, товарищей по классу нашего колониста, Сережи С.

Кстати, въ это время поддерживали сношенія съ кружкомъ только четверо изъ прежнихъ колонистовъ: изъ пріюта ребятъ совсѣмъ перестали пускать „за вольный духъ“, а остальные отстали изъ-за того, что далеко было ходить.

Нужно сказать, что нашъ кружокъ былъ далеко отъ мысли предлагать дѣтямъ какое-либо опредѣленное дѣло, вводить какой-либо опредѣленный порядокъ въ отношенія къ нимъ или указывать на то или другое, что могло бы быть полезнымъ, по нашему мнѣнію, для нашихъ новыхъ товарищей. Хотѣлось только указать имъ, какъ можно проще, что здѣсь, въ нашемъ домѣ, они могутъ возможно шире выяснять свои запросы и устраиваться, какъ имъ самимъ покажется лучше.

На собраніи, естественно, возникъ вопросъ о томъ, съ какой цѣлью будутъ собираться у насъ дѣти.

— „А вы какъ думаете?“ спросилъ З.

— „Мы ничего не знаемъ, намъ вотъ Сережа рассказалъ про колонію, про то, что будутъ клубы. Вы, говорятъ, были въ Америкѣ, видали тамъ, что дѣлается; вы и расскажите про американцевъ; можетъ-быть, мы что-нибудь и переймемъ“.

З. началъ рассказывать. Дѣти слушали съ большимъ интересомъ, и быстро завязался живой разговоръ, въ концѣ котораго вопросъ, какъ поставить свой клубъ, рѣшенъ былъ безъ особенныхъ размышленій: „Самостоятельно“. — „Чѣмъ же вы хотите заниматься?“ — „Мы рѣшили уже: физикой и химіей?“ — „Да развѣ вы знаете что-

нибудь про физику и химию?— „У насъ въ школѣ (четырёхклассное городское училище) физика преподается, только опыты такіе показываютъ, что смотрѣть нечего: приборы, вѣроятно, еще со временъ Петра Великаго; химіи не проходитъ, но хочется узнать что-нибудь и про нее“.

— „Видите ли,—сказалъ сотрудникъ:—хотѣлось бы, чтобы занятія были для васъ не пустымъ дѣломъ. А это можетъ быть тогда, когда они будутъ интересовать васъ. Поэтому мы предлагаемъ вамъ такъ сдѣлать, ужъ если пошло на самостоятельность: пусть каждый изъ васъ напишетъ вопросы по физикѣ и химіи, которыя интересуютъ васъ. Мы послѣ разберемъ и во время занятій будемъ отвѣчать на нихъ“.

Двое сотрудниковъ Ф. и Ш. взяли въ вѣдѣніе занятія по химіи и физикѣ.

Къ слѣдующему собранію вопросы были составлены. Всего съ тѣми, которые задавались тутъ же, ихъ набралось до семидесяти. Большинство было самаго житейскаго свойства: какъ идетъ трамвай, паровозъ? Что такое электрическій звонокъ? Почему велосипедъ не падаетъ при движеніи? Что такое горѣніе? Отчего получается копоть? Изъ чего состоитъ воздухъ? Что такое порохъ, мина, отчего бываютъ взрывы? и т. д. Такимъ образомъ первый клубъ намѣтилъ матеріалъ для своихъ собраній.

Клубы.

Немного спустя, одинъ изъ членовъ этого клуба зашелъ на квартиру къ З. и Ш., поселив-

шимся вмѣстѣ неподалеку. Среди разговора выяснилось, что онъ не изъ того класса, въ которомъ учатся его товарищи по клубу и что физикой онъ не интересуется.

— „А вы что хотѣли бы дѣлать?“— „Да я больше рисовать люблю“.— „Ну, такъ что же? Собирайте свой клубъ рисовальщиковъ“.— „Какъ же сдѣлать, а то я бы собралъ? У меня и товарищи есть“.— „Вывѣшивайте объявленіе въ клубѣ о томъ, что предлагается собрать новый клубъ—вотъ и все“.

Объявленіе было вывѣшено, и черезъ нѣсколько дней образовался другой клубъ,— „Художественный“, къ которому присоединилось нѣсколько членовъ изъ перваго — „Арбатскаго“ клуба.

Немного спустя одинъ изъ маленькихъ колонистовъ объявилъ, что онъ приведетъ съ собою мальчиковъ изъ своего училища и устроить свой клубъ; къ нимъ присоединились нѣсколько ребятъ изъ другого городского училища и трое, приглашенныхъ одной изъ сотрудницъ кружка. Клубъ этотъ быстро распался на двѣ группы; каждая группа пополнилась еще новыми членами, и, такимъ образомъ, къ двумъ старшимъ клубамъ прибавилось два младшихъ.

Дѣвочки.

Въ началѣ сентября стали образовываться и клубы дѣвочекъ. Сотрудница (учительница въ земской школѣ) рассказала про клубы нѣсколькимъ своимъ ученицамъ. Тѣ и составили ядро новаго клуба. Порядокъ привлеченія новыхъ членовъ былъ такой же, какъ у мальчиковъ.

Черезъ недѣлю дѣвочекъ, желавшихъ участвовать въ клубѣ, нашлось такъ много, что изъ одного клуба выросло уже два, да и къ тому же одинъ изъ нихъ раздѣлился на двѣ части по любопытному поводу: одна дѣвочка, очень живая и любительница поспорить, не понравилась подругамъ, среди которыхъ, впрочемъ, много было ей незнакомыхъ. Она привела въ клубъ свою младшую сестру; но та не была принята, такъ какъ была „очень маленькая“. Кстати же клубъ рѣшилъ избавиться отъ своего слишкомъ безпокойнаго и задорнаго члена и исключилъ ее изъ своей среды.

Объ—исключенная и непринятая—были чрезвычайно обижены и выражали свою обиду горькими слезами. И утѣшить ихъ могли только тѣмъ, что предложили имъ составить свой клубъ изъ товарищеского по училищу. Такимъ образомъ появился еще новый клубъ, назвавшій себя—„Клубомъ друзей“.

Дѣвочки организовались отдѣльно отъ мальчиковъ; и это зависѣло исключительно отъ самаго порядка возникновенія клуба, такъ какъ каждый мальчикъ или дѣвочка приводятъ съ собою своихъ товарищей, подругъ, съ которыми они болѣе или менѣе близки. Понятно, что при тѣхъ условіяхъ, которыя окружаютъ нашихъ дѣтей, мальчикъ приведетъ только мальчика, дѣвочка—только дѣвочку.

Въ школѣ, въ семьѣ, на улицѣ или въ общей жизни двора мальчики и дѣвочки образуютъ обособленныя группы, относящіяся часто даже враждебно другъ къ другу. Такимъ образомъ жизненные отношенія дѣтей переносятся въ клубы, и съ этимъ до поры, до времени приходится примириться.

Правила.

Во всѣхъ клубахъ во время первыхъ собраній обсуждались какія-нибудь „правила“ клуба. „Правила“ эти составлялись не сразу, но измѣнялись и съ теченіемъ времени дополнялись. Каждый клубъ находился подъ руководствомъ одного сотрудника, роль котораго въ данномъ случаѣ ограничивалась только указаніемъ на то, что нуженъ въ клубѣ какой-либо порядокъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, они не мѣшали другимъ. Обыкновенно выбирался кто-нибудь слѣдить за порядкомъ во время собранія и другой, который записывалъ бы все, что рѣшено клубомъ, т.-е. „предсѣдатель“ и „секретарь“. Разумѣется, эта организація,—выборы предсѣдателей и секретарей носили характеръ игры, весьма интересной,—особенно въ началѣ очень занимала дѣтей.

Постепенно писанныя „правила“ появились во всѣхъ клубахъ. Всѣ они имѣютъ очень много общаго между собой, хотя въ нѣкоторыхъ клубахъ существуютъ правила, специально относящіяся къ отдѣльнымъ происшествіямъ, имѣвшимъ тамъ мѣсто. Въ каждомъ клубѣ существуетъ тетрадь, куда записываются постановленія, гдѣ ведется списокъ членовъ и кандидатовъ. Эти тетради не подвергаются никакому контролю съ стороны сотрудниковъ, и порядокъ, количество записей, аккуратность—все зависитъ, главнымъ образомъ, отъ той охоты, которую проявить къ письму „секретарь“.

Вотъ тѣ „правила“, которыя можно встрѣтить во всѣхъ тетрадяхъ:

1) Рѣшать вопросы нужно большинствомъ голосовъ.

2) Предсѣдатель и секретарь избираются на одинъ мѣсяць.

3) Назначаются дни, по которымъ происходятъ собранія.

4) Число членовъ ограничивается пятнадцатью (такъ какъ больше не позволяетъ помѣщеніе).

5) Кандидаты принимаются въ члены послѣ четырехъ посѣщеній.

6) Кандидаты не имѣютъ „права голоса“.

Частности „правилъ“ разнятся въ зависимости отъ большей или меньшей индивидуальности клуба. Напримѣръ, у дѣвочекъ встрѣчаются такія: „Рѣшили, что которые члены не будутъ дружны, то ихъ выключать; кто играетъ, то долженъ убирать самъ свою игру; кто не ходитъ въ клубъ, не можетъ ходить въ театръ; предсѣдательницу рѣшили избирать на двѣ недѣли“.

Въ одномъ случаѣ число членовъ ограничено десятью. Въ нѣкоторыхъ вводятся и наказанія за проступки противъ общественности: „кто будетъ баловаться послѣ трехъ замѣчаній предсѣдателя, того не водить въ театръ“. Въ томъ же клубѣ: „рѣшили, кто будетъ мѣшать другимъ клубамъ, то будетъ просить у нихъ прощенія“.

V.

Клубный день.

Какъ идетъ жизнь въ клубахъ?

Дѣти собираются къ пяти часамъ. Передъ дверями обыкновенно уже толпится небольшая ихъ кучка въ ожиданіи сотрудника. Въ пять часовъ

приходятъ сотрудники; дѣти входятъ, раздѣваются и дѣлаютъ, что имъ нравится. Часть идетъ къ шкапу, вытаскиваетъ шашки, шахматы и усаживается играть. Другіе бѣгаютъ вокругъ столовъ и по всѣмъ комнатамъ другъ за другомъ, а то устраиваютъ пирамиду изъ табуретокъ и скамеекъ, которая скоро рушится къ великому удовольствію строителей; нѣкоторые читаютъ или разсматриваютъ картинки, присосѣдившись гдѣ-нибудь около окна, если свѣтло еще, или лампы. Тутъ же идутъ оживленные разговоры съ сотрудниками, выдаются книги изъ нашей библіотеки. Къ половинѣ шестого почти всѣ въ сборѣ. Раздаются голоса: „Американцы—на засѣданіе“.— „Дѣвочки—на засѣданіе“.— Это собираются члены клубовъ въ свои комнаты. Еще нѣсколько минутъ, и возня и шумъ мало-по-малу утихаютъ, развѣ двое кто-нибудь еще не могутъ сразу бросить игру и, торопясь, двигаютъ шашками по доскѣ, или зачитавшійся мальчуганъ, вставъ уже съ своего мѣста, медленно идетъ на зовъ, держа книжку передъ глазами.

Самыя „засѣданія“ идутъ по-разному въ отдельныхъ клубахъ. Сначала, обыкновенно, выбираютъ новыхъ членовъ, или, если приходитъ срокъ, предсѣдателя и секретаря. Всѣ дѣла рѣшаются поднятіемъ рукъ, но въ особо важныхъ случаяхъ, въ большомъ почетѣ „тайное голосованіе“ по запискамъ. Послѣ выборовъ начинаются разговоры о томъ, чѣмъ заниматься сегодня. Въ болѣе организованныхъ клубахъ занятія назначаются на предыдущемъ засѣданіи.

Занятія и игры.

Изъ занятій пользовались сравнительнымъ успѣхомъ физика и химія, которыя обошли почти всѣ клубы, затѣмъ рисованіе, выклеиваніе картонажей, пѣніе, танцы, туманныя картины, чтеніе вслухъ и рукодѣліе.

Въ устройствѣ игръ дѣти были вполне самостоятельны. Но небольшіе размѣры помѣщенія сильно мѣшали такимъ играмъ, гдѣ можно было бы вдоволь побѣгать, не мѣшая другъ другу. Поэтому въ этомъ отношеніи были болѣе счастливы дѣвочки, которыя обыкновенно затѣвали хороводы, игры съ пѣніемъ на двѣ партіи, въ родѣ: „а мы просо сѣяли“ и т. д.

Сотрудники прилагали большія старанія къ тому, чтобы побольше соединять между собою мальчиковъ и дѣвочекъ изъ разныхъ клубовъ, чтобы развивалась общая жизнь съ ея товарищескими началами и сознаніемъ взаимной солидарности. Для этого устраивались совмѣстные прогулки, экскурсіи, посѣщеніе театровъ по воскресеньямъ, общія засѣданія и, наконецъ, вечеринки.

Здѣсь пришлось столкнуться съ огромными трудностями, главнымъ образомъ, зависѣвшими отъ такихъ причинъ, которыя были внѣ сферы дѣятельности сотрудниковъ.

Въ сущности, причина одна — это отсутствіе общественной жизни, общественныхъ привычекъ и солидарности въ той средѣ, которая окружаетъ нашихъ дѣтей. И препятствія, о которыхъ было упомянуто выше, толкали все небольшое общество, работавшее съ дѣтьми, къ тому, что ограни-

чаться тѣми часами, которые отдаются учрежденіемъ дѣтямъ, слишкомъ мало, что нужно итти и работать въ семьи, къ отцамъ, матерямъ, сестрамъ и братьямъ нашихъ „клубистовъ“. И вотъ, такимъ образомъ, упорная работа съ дѣтьми и искреннее желаніе помочь имъ, сплотить, организовать ихъ, неизбѣжно приводили къ углубленію и расширенію нашей дѣятельности, т.-е. постепенно изъ самой жизни назрѣвала та идея „сетлемента“, о которой говорилось въ первой части настоящей статьи.

Внутренняя жизнь.

Необходимо было внести извѣстную стройность въ общую жизнь дѣтей, приходившихъ къ намъ. Разумѣется, не придавалось никакой цѣны внѣшнему порядку, какъ бы заманчивъ онъ ни былъ. Хотѣлось создать живую, дѣятельную атмосферу въ нашемъ домѣ. Поэтому сотрудники, главнымъ образомъ, могли вліять на дѣтей, лишь какъ люди, которые искренно и прямо высказываютъ свои мнѣнія наравнѣ со всѣми членами клуба.

Ни одинъ клубъ не живетъ сколько-нибудь постоянной жизнью. Здѣсь, разумѣется, играютъ большую роль особенности дѣтскаго склада, дѣтскаго темперамента: то бываютъ полосы дружной, оживленной работы, а то наступаетъ (и какъ разъ послѣ періодовъ наибольшаго оживленія) шумная, безпорядочная реакція.

Въ такіе моменты дѣлалось сотрудниками много ошибокъ, вызванныхъ желаніемъ прекратить, какъ можно скорѣе, начинающийся разладъ и, взявъ

на себя неблагодарный труд „безпристрастнаго“ судьи, самимъ опредѣлить правыхъ и виновныхъ, употребивъ на это всю свою энергію и авторитетъ взрослога. Во многихъ случаяхъ и удавалось достигнуть извѣстнаго успѣха и, пожалуй, даже удовлетвориться имъ. Но все же это былъ успѣхъ, достигнутый „взрослымъ“, а не собственными мыслями и желаніями дѣтей, успѣхъ, на который нельзя было положиться, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ дѣти были оживлены только тогда, когда среди нихъ находился сотрудникъ. Безъ него же „было скучно, нечего дѣлать“. И вотъ приходилось бороться съ дѣтьми за ихъ самостоятельность, бороться въ особенности противъ привычки, созданной условіями ихъ жизни въ семьѣ и въ школѣ,—видѣть въ каждомъ взросломъ надзирателя или опекуна.

Во вторую половину года къ прежнимъ двумъ клубамъ прибавилось два новыхъ: „Англійскій“, образовавшійся незадолго передъ Рождествомъ, и „Тихвинскій“. Такимъ образомъ составилось всего девять клубовъ, каждый изъ которыхъ имѣлъ свое названіе, придуманное, конечно, самими дѣтьми: „Товарищи“, „Кушнеревскій“, „Англійскій“, „Американскій“, „Австралийскій“ (клубы мальчиковъ); „Заря“, „Серебристый Ландышь“ и „Друзья“ (клубы дѣвочекъ). Клубъ „Товарищей“ образовался изъ двухъ первыхъ „Арбатскаго“ и „Художенственнаго“. Сначала они рѣшили устраивать общія засѣданія „для бесѣдъ по литературѣ“, которыя вошли въ обычай и бывали каждую недѣлю, а затѣмъ объединились въ одинъ клубъ „Товарищей“.

Общественныя дѣла. Катокъ. Вечеринки.

Когда жизнь въ клубахъ болѣе или менѣе наладилась, то явилась, естественно, мысль о томъ, что можно попробовать объединять всѣхъ дѣтей, посѣщавшихъ клубы, на почвѣ какого-либо общаго дѣла, интереснаго для всѣхъ. Въ этомъ направленіи было сдѣлано нѣсколько попытокъ, которыя въ большинствѣ случаевъ были не особенно удачны, — такъ какъ дѣти не могли еще настолько привыкнуть къ новымъ для нихъ порядкамъ, не могли еще смотрѣть на нашъ домъ, какъ на нѣчто свое, близкое и понятное имъ. Наши неудачи только лишній разъ подтверждали, что энергія взрослыхъ въ дѣлѣ воспитанія всегда можетъ быть одинокой, безуспѣшной, если не будетъ создано такихъ условій, когда дѣти сами придутъ ей на помощь.

Проще всего было привлечь дѣтей къ участию въ устройствѣ игръ, вечеринокъ, прогулокъ, катка зимой и т. д. Но нельзя сказать, чтобы „клубисты“ съ большимъ стараніемъ заботились о своихъ удовольствіяхъ. О каткѣ, напримѣръ, говорили очень много, собирались въ свободное время выравнивать площадку, дѣлать гору, возить воду для поливки; дѣти приходили работать, сотрудники усердно дѣйствовали своимъ примѣромъ, а между тѣмъ работа не спорилась, и дѣло не подвигалось впередъ. Пришлось, наконецъ, нанять людей, которые сдѣлали то, что „должны“ были сдѣлать дѣти.

Не наладился также и порядокъ на каткѣ: хотя

дѣтьми были выбраны дежурные, которые должны были слѣдить за выдачей коньковъ и улаживать всякія недоразумѣнія, тѣмъ не менѣе, стычки и ссоры между дѣтьми происходили постоянно, коньки иногда исчезали на нѣсколько дней, и порядокъ устанавливать приходилось, въ сущности, самимъ сотрудникамъ.

Болѣе удачнымъ средствомъ для того, чтобы перемѣшать, познакомить между собою отдѣльныя группы дѣтей и возможно проще сблизить ихъ между собою, были „вечеринки“, которыя обыкновенно устраивались слѣдующимъ образомъ: какой-нибудь клубъ рѣшалъ устраивать свою вечеринку и заявлялъ объ этомъ сотрудникамъ. Сообща назначался день, когда могло совершиться маленькое „общественное дѣло“, и дѣти принимались готовиться. Во время собраній въ клубѣ желающіе исполнить что-нибудь на вечеринкѣ должны были предварительно выступить передъ товарищами, которые или одобряли выборъ и исполненіе вещи, или предлагали „повторить еще разъ“, или совсѣмъ не допускали въ „исполнители“. Если клубъ затѣвалъ поставить спектакль, то собранія обращались въ репетиціи пьесъ. Въ то же время выискивались охотники-музыканты или, если не было своихъ, то они приглашались изъ другихъ клубовъ. Затѣмъ, когда дѣло болѣе или менѣе слаживалось, клубъ вывѣшивалъ объявленіе о своей вечеринкѣ съ приглашеніемъ какихъ-либо двухъ клубовъ (больше нельзя было помѣстить въ нашемъ маленькомъ помѣщеніи).

На вечеринкахъ читались стихи или рассказы,

играли на балалайкахъ и пѣли, въ заключеніе же устраивались общія игры и танцы, въ которыхъ большое участіе принимали и сотрудники, приглашаемые тоже какъ гости. Иногда на общія средства клуба покупалось непрехотливое угощеніе въ видѣ яблокъ, сластей и орѣховъ. Вечеринки въ общемъ проходили очень оживленно, въ особенности у болѣе организованныхъ клубовъ, и много помогли работѣ сотрудниковъ, такъ какъ и до вечеринокъ и послѣ нихъ возникало много „общественныхъ“ вопросовъ по поводу всего, что относилось къ устройству, порядку и отношеніямъ дѣтей другъ къ другу. И когда на Рождествѣ устраивалась елка для всѣхъ клубовъ, то нѣсколько старшихъ мальчиковъ съ большой охотой взялись помогать сотрудникамъ и внесли большое оживленіе и веселье въ среду дѣтей во время игръ, пѣсень, танцевъ и т. д.

Комиссіи.

Къ веснѣ возникло въ клубахъ цѣлыхъ два выборныхъ учрежденія—„музыкальная“ и „журнальная“ комиссіи. Первая составила изъ нашихъ музыкантовъ для того, чтобы устроить постоянный оркестръ изъ балалаекъ, мандолинъ и гитаръ для дѣтскихъ вечеринокъ, вторая же создалась по слѣдующему поводу: редакція журнала „Другъ Дѣтей“ выразила согласіе на просьбу кружка помѣщать отъ времени до времени произведенія нашихъ „клубистовъ“. Это было сообщено всѣмъ клубамъ, которые и рѣшили выбрать изъ своей среды по два члена въ спе-

ціальное собраніе для обсужденія этого вопроса; это собраніе избрало изъ своей среды уже „журнальную комиссію“, которая должна была разсматривать всѣ произведенія, доставленныя ей членами клубовъ, и рѣшать, можно ли его помѣстить въ журналъ. Въ комиссіи принималъ участіе и З. по выбору дѣтей. Членами ея были исключительно старшіе мальчики. Результатами ея дѣятельности явились пока статья и стихотвореніе о жизни въ клубахъ, помѣщенные въ № 20 „Друга Дѣтей“ за 1906 годъ.

Тяжелыя времена.

Какъ было сказано выше, жизнь дѣтей въ клубахъ не имѣла (и не могла имѣть) опредѣленнаго, устойчиваго характера; и на ряду съ тѣми прелестными моментами, когда ясно чувствовалась живая связь между дѣтьми, бывали времена, когда начинался полный разладъ, когда въ дѣтяхъ проявлялись дикіе инстинкты улицы; когда казалось, что наша напряженная, упорная работа остается безплодной и наши отношенія къ дѣтямъ только развиваютъ въ нихъ сознаніе безнаказанности и возможности дѣлать что угодно, не считаясь ни съ чѣмъ; въ такія минуты съ ихъ стороны выказывалась удивительная требовательность и насмѣшливое отношеніе къ „слабой волѣ“ сотрудниковъ. Особенно плохой примѣръ другимъ подавала старшая группа мальчиковъ-учениковъ машиностроительнаго завода. Они являлись на всѣ вечеринки, требовали, чтобы ихъ пустили, грозили выбить стекла, устраивали „баррикады“,

т.-е. заваливали двери досками, бочками и полѣньями, которыя валялись на дворѣ, и навели панической страхъ на маленькихъ своихъ товарищей. Но въ то же время они регулярно являлись въ свои дни въ клубъ, оправдывались тѣмъ, что это „простая шутка“, и объясняли свое поведение тѣмъ, что „ихъ обидѣли, не дали вечеринки въ началѣ“, а „отвели ихъ на самый конецъ, какъ нищихъ“. Кромѣ того, они постоянно представляли на видъ, что на нихъ смотрятъ не такъ, какъ на другихъ клубистовъ, которые не приглашаютъ ихъ совсѣмъ на вечеринки. Дѣйствительно, дѣти были такъ напуганы образомъ дѣйствій этого клуба, что скорѣе соглашались отказаться отъ вечеринки, чѣмъ увидать ихъ у себя гостями.

Однажды Ш. при выходѣ изъ клуба услышалъ безобразное ругательство по своему адресу. Обернувшись, онъ увидѣлъ кучку клубистовъ; они громко смѣялись, кричали что-то вслѣдъ Ш., бросали комья снѣгу ему въ спину и свистали. Ш. молча ушелъ. На слѣдующій день былъ ихъ очередной день. Они собрались всѣ и, очевидно, къ чему-то уже готовились,—это было видно по ихъ любопытно-ожидаящимъ лицамъ и сдержанному настроенію. Ш. пригласилъ ихъ въ комнату. Они быстро усѣлись вокругъ стола и ждали, что скажетъ имъ Ш.

— „Слушайте, господа,—сказалъ онъ,—я хочу спросить васъ: хотите вы бывать въ клубѣ или вамъ все здѣсь такъ ужъ не нравится, что вы хотите, во что бы то ни стало, мѣшать сотрудникамъ работать здѣсь?“

— „Ходить мы желаемъ, да только тутъ съ нами обращаются плохо: что ни сдѣлаешь, все не такъ“.

— „А развѣ вы считаете, что вы поступали съ нами хорошо?“

— „Да, шалили, слова нѣтъ,—что же тутъ такого? Повеселились, вотъ и все, а больше ничего не было“.

— „Это вамъ такъ кажется, что ничего; а намъ ваши поступки ужасно мѣшаютъ; вѣдь мы работаемъ, все равно, какъ ваши слесаря работаютъ; и развѣ хорошо было бы, если кто-нибудь станетъ васъ толкать во время вашей работы? А у насъ такая же работа... Поэтому, если вы ничего не имѣете противъ клуба, то я совѣтую вамъ серьезно подумать о томъ, какъ приходить сюда и никому не мѣшать“.

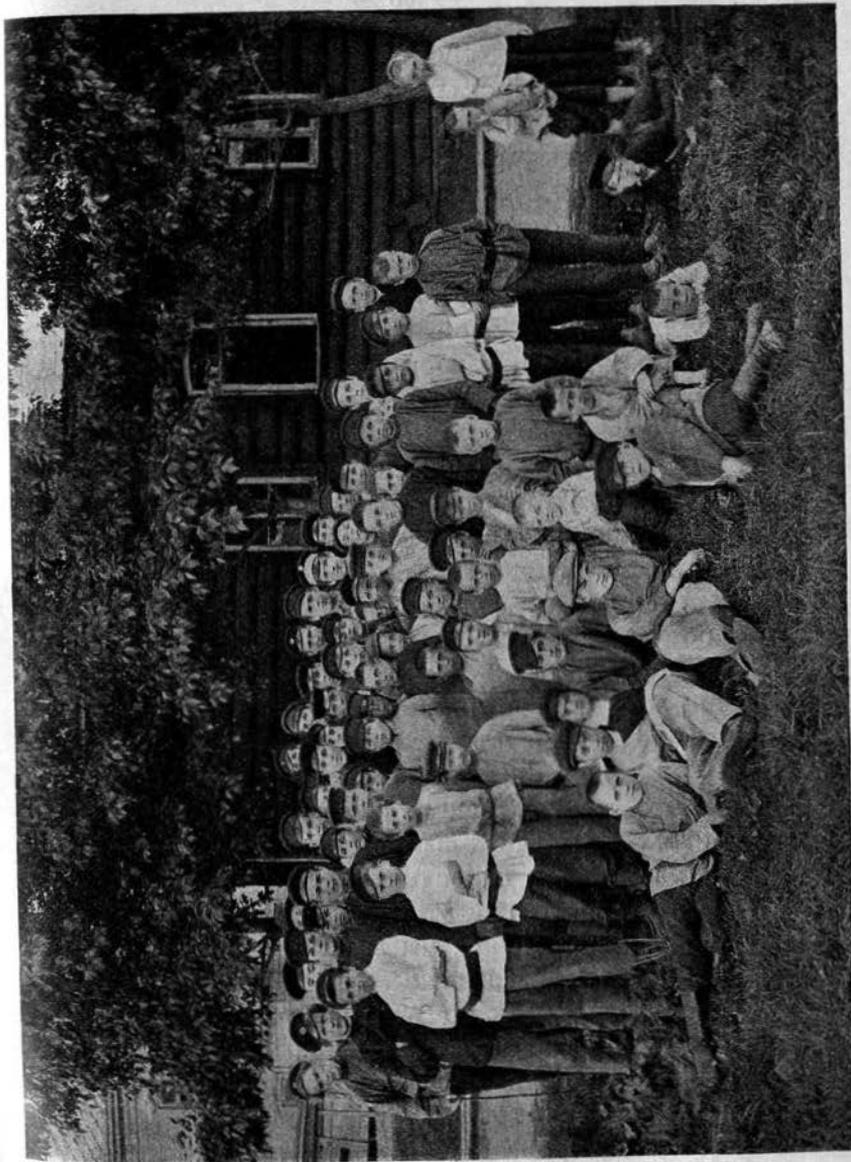
— „Да вы составьте для насъ правила, чтобы мы знали, чего намъ нельзя дѣлать, а мы ихъ выучимъ...“

Это предложеніе и вообще довольно мирный тонъ бесѣды показывали, что наши буйные „клубисты“ уже сознавали, что зашли слишкомъ далеко и чувствовали себя нѣсколько неловко.

— „Какія же мои правила: не браниться, не курить въ клубѣ, не мѣшать другимъ и ходить въ свои дни и часы“...

— „А вы напишите ихъ; мы и подпишемся, а кто не хочетъ подписаться, тотъ пусть не ходитъ въ клубъ“.

— „Ладно,—согласился Ш.,—мы на этомъ и закончимъ пока. А потомъ я еще хотѣлъ васъ спросить, за что вы меня вчера всѣ выругали?“—„Да это

Дѣти—работники будущаго.

Петька, а не мы"... „А я думаю, что всё, потому что всё смѣялись; стало-быть, считали, что такъ и надо".— „Да что вы: вѣдь это вамъ только чудно кажется, а у насъ уже привыкли; вы бы пожили побольше съ нами и тоже смѣялись бы, когда ругаются. Мы такъ и смотримъ, какъ на шутку, а вы въ серьезъ принимаете"...—утѣшил Ш. одинъ изъ мальчиковъ нѣсколько снисходительнымъ тономъ.

Въ результатъ этой мирной бесѣды и явились „правила", подъ которыми всё члены, кромѣ одного, и подписались: „На правила согласенъ".

Правила дѣйствовали довольно удовлетворительно нѣкоторое время; но и послѣ, когда они позабылись, этотъ клубъ сталъ вести себя довольно скромно, насколько вообще это было въ силахъ его членовъ.

Для борьбы съ подобными рѣзкими выходками, грубостью, драками и бранью у насъ были только такія средства, какъ слово и товарищескія отношенія къ дѣтямъ; они могли вліять на нихъ и вліяли болѣе или менѣе успѣшно; но ясно было, что болѣе сильное воздѣйствіе долженъ указать тотъ духъ учрежденія, та внутренняя жизнь его, которая всегда складывается изъ отдѣльныхъ отношеній дѣтей и взрослыхъ между собою. Трудно было достигнуть этого въ короткое время; но, во всякомъ случаѣ, мы видѣли, что, несмотря на многіе непорядки, на ссоры, драки, на кражи, которыя случались по временамъ, дѣти упорно продолжаютъ ходить къ намъ и крѣпко держатся за тѣ небольшіе интересы, которые проявились у нихъ, благодаря клубамъ.

Съ этой стороны огромный интересъ представ-

лялъ для сотрудниковъ опросъ всѣхъ дѣтей, произведенный весной.

VI.

Анкета.

Предварительно составленъ былъ рядъ вопросовъ, которые могли болѣе или менѣе указать на то, какъ живутъ наши клубисты дома и какіе интересы привлекаютъ ихъ въ клубы. Большое количество вопросовъ касалось клубныхъ порядковъ, игръ, занятій и т. д. Подробная разработка опроса будетъ составлять предметъ слѣдующаго очерка нашего дѣла, теперь же мы хотимъ отмѣтить тѣ отвѣты дѣтей, которые указываютъ на ихъ отношеніе къ клубамъ. Всего было получено отвѣтовъ отъ 98 дѣтей—26 дѣвочекъ и 72 мальчиковъ. По возрасту дѣти распредѣлились такъ: 9 лѣтъ—1, 10 л.—5, 11 л.—10, 12 л.—18, 13 л.—19, 14 л.—5, 15 л.—13, 16 л.—12 и 17 л.—5.

На вопросъ, довольны ли члены своимъ клубомъ, 22 дѣвочки и 29 мальчиковъ отвѣтили, что довольны, недовольныхъ же оказалось 3 дѣвочки и 35 мальчиковъ; недовольство мальчиковъ объясняется тѣмъ, что въ ихъ средѣ и было наибольшее количество весьма безпокойныхъ членовъ, которые весьма часто мѣшали занятіямъ своего клуба. Въ связи съ порядками въ клубахъ стояло вмѣшательство въ той или другой формѣ сотрудниковъ въ ихъ жизнь, и поэтому было очень интересно знать, какъ сами дѣти относятся къ тому, что они сами могутъ рѣшать свои дѣла и сами наказываютъ за провинности своихъ товарищей.

25 дѣвочекъ и 56 мальчиковъ сказали, что луч-

ще рѣшать дѣла клуба самимъ; при этомъ дѣвочки затруднялись объяснить, почему они такъ думаютъ. Мальчики дали болѣе подробные отвѣты: много отвѣтило, что „сотрудники рѣшили бы не такъ, какъ намъ хочется“, „они будутъ мѣшать клубистамъ заниматься, чѣмъ они хотятъ“, да и къ тому же „мало ли какія строгости могутъ сотрудники выдумать“; нѣкоторые находили, что „нельзя же, чтобы все сотрудники, надо и намъ самимъ“, потому что такая самостоятельность полезна для нихъ: „у насъ голова развивается“. 12 мальчиковъ были другого мнѣнія: самимъ рѣшать плохо, потому что мальчики „вольничаютъ“, а съ другой стороны „сотрудники старше, больше знаютъ“.

Болѣе обстоятельны были отвѣты дѣтей относительно наказаній. 18 дѣвочекъ и 47 мальчиковъ высказались за то, что лучше самимъ наказывать: „мы хозяева своего клуба“ и „сами лучше всѣ рѣшимъ и наказаніе попроще будетъ—выгонимъ за дверь—и только,“ да и „не обидно, если по-друга накажетъ“, а сотрудникамъ трудно разобратъся: „накажутъ очень строго или очень мало“; иногда сотрудникъ „можетъ заступиться“, когда не слѣдуетъ, а иногда они могутъ оказаться „сердитѣ“, чѣмъ клубисты (отвѣты дѣвочекъ). Мальчики были того же мнѣнія: „сотрудники меньше знаютъ, кто больше балуется“, да и „если сотрудникъ накажетъ, то имъ можетъ быть неприятно“, а „на товарищей обижаться нельзя“, они „лучше могутъ войти въ положеніе, наказаніе остается между товарищами“. Бываетъ и такъ, что „клубисты накажутъ, а сотрудники

могутъ пожалѣть“. Вообще „сотрудники тутъ рѣшительно ни при чемъ“. Одинъ выразилъ недоумѣніе: „зачѣмъ вамъ-то вмѣшиваться?“

Недовольны были самостоятельностью клубовъ 12 дѣвочекъ и 19 мальчиковъ. Дѣвочки находили, что „товарищи могутъ рѣшать несправедливо“, а „сотрудники старше, на нихъ бы „не обижались“, а сами они „часто врутъ, не слушаются другъ друга“.

Мальчики указывали на то, что „сотрудники больше понимаютъ во всемъ“, а товарищи „могутъ наказать по злобѣ“. Двое давали одинаковыя права и членамъ клуба и сотрудникамъ. Были мнѣнія, „что товарищи не могутъ имѣть права наказывать“. Одинъ отвѣтъ касался уже этической стороны наказаній: „тяжело на душѣ бываетъ наказывать“.

Опредѣленно дѣти высказались по поводу того, чтобы въ каждомъ клубѣ могли быть вмѣстѣ мальчики и дѣвочки. 21 дѣвочка рѣшительно были противъ мальчиковъ: „они озорничаютъ“, „мы хотимъ одного, а они другого“. Болѣе примирительно были настроены 4, изъ которыхъ одна ничего не имѣла бы противъ мальчиковъ, „если бы они были лучше“, другая видѣла возможность помощи съ ихъ стороны: „чего мы не знаемъ, можетъ, они знаютъ“. Двѣ остальныхъ считаютъ, что „тогда съ мальчиками были бы дружнѣе“.

Мальчики смотрѣли на дѣло не такъ безнадежно и 19 изъ нихъ (12 старшихъ) надѣялись на то, что дѣвочки могутъ оказать хорошее вліяніе на мальчиковъ: „можетъ, дѣвочки умнѣе насъ; будутъ останавливать“, да и мальчики „не будутъ

баловаться“, такъ какъ „совѣстно передъ ними“; если дѣвочки и мальчики будутъ почаще вмѣстѣ, то они „лучше поймутъ другъ друга“ и „дѣвочки не такъ бы пугались“.

Много разнообразныхъ отвѣтовъ получилось на вопросъ, чѣмъ отличается школа отъ клуба.

II дѣвочекъ указало на то, что „въ школѣ учатся, а здѣсь играютъ, отдыхаютъ и веселятся“; б нашли, что „въ школѣ учатъ только грамотѣ, а здѣсь есть и другія занятія“; много отвѣтовъ давали понять, что дѣти довольно ясно видятъ разницу въ самомъ духѣ клуба и школы: тамъ строго, принуждаютъ, а здѣсь вольно, и дѣлаешь, что хочешь (9 отвѣтовъ); трое объявило, что отношенія съ сотрудниками лучше, чѣмъ съ учителями; двѣ дѣвочки указали на то, что у насъ „дружнѣе“, что „здѣсь дѣла сами рѣшаемъ, а тамъ, какъ учитель“. Одна не могла не вспомнить мальчиковъ: „тамъ безъ мальчиковъ, а здѣсь съ ними: они безобразничаютъ“.

Такіе же отвѣты дали и мальчики; одинъ изъ нихъ нашель, что, „здѣсь можно бы было занять больше, чѣмъ въ школѣ“; другой объясняль, что, наоборотъ, „въ школѣ серьезное ученье, а здѣсь нѣтъ“; нѣкоторые были того мнѣнія, что „здѣсь многое лучше разясняютъ“; „въ школѣ учатся, а здѣсь развиваются“; „въ клубѣ весело, а тамъ скучно“; „тамъ чувствуешь себя забытымъ, а здѣсь человѣкомъ“; „въ клубѣ занимаешься для себя“. Двое мальчиковъ стояли на совершенно противоположныхъ точкахъ зрѣнія: одинъ считаль, что въ клубѣ и въ школѣ—„все равно“, а другой—„отличаются, какъ небо и земля“.

Сосѣди.

Серьезная сторона нашего дѣла—это отношеніе къ намъ окружающаго населенія. Можно сказать съ увѣренностью, что мы были встрѣчены съ большимъ недоувѣремъ, бороться съ которымъ приходится въ высшей степени медленнымъ и осторожнымъ путемъ. Многие родители боялись пускать дѣтей, и они прибѣгали тайкомъ, какъ мы узнали послѣ. Кругомъ насъ распространялись различныя легенды съ политической окраской; были предположенія, что дѣти собираются у насъ „для отводу глазъ“; были слухи, что и насъ и родителей, которые пускаютъ въ клубы дѣтей, будутъ разстрѣливать.

Въ соотвѣтствующихъ отвѣтахъ дѣтей сквозить нѣкоторая неопредѣленность, которая иногда объясняется тѣмъ, что родители ихъ часто почти не интересуются жизнью своихъ дѣтей. Наиболѣе обычная фраза: „говорять, чтобы ходилъ, дѣлать-то тебѣ нечего“, „это во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ дома болтаться цѣлый день“; большую роль при сужденіи о клубахъ играетъ то, что они существуютъ подъ вывѣской Городского попечительства о бѣдныхъ: „отецъ доволенъ, знаетъ, что при попечительствѣ“, а то пока еще не было вывѣски, „родители были недовольны, боялись, что заберутъ, а потомъ ничего“. Единичные отвѣты указываютъ, впрочемъ, на болѣе опредѣленное мнѣніе: „Хорошо,—нашлись такіе люди, что устроили“ такое „очень полезное заведеніе“. Неодобрительные отзывы болѣе рѣшительны: „Все это пустяки, лучше бы дѣломъ занялись“; „зря

вы туда ходите, ничему не научитесь хорошему“; „все балуетесь, учились бы лучше крючкомъ вязать“. Одни „пускать пускаютъ, но совѣтуютъ не ходить“, другіе увѣрены, что у насъ „приготовляютъ къ забастовкѣ“, а большинство держатся такого мнѣнія: „Можетъ, хорошо, можетъ, нѣтъ,—ходи пока“.

Сотрудники старались, насколько возможно, часто даже по просьбѣ дѣтей, посѣщать ихъ семьи и объяснять родителямъ, для чего мы собираемъ дѣтей и что они у насъ дѣлаютъ. Впечатлѣнія отъ этихъ посѣщеній бывали разныя: многіе родители очень благодарили за тѣ свѣдѣнія, которыя сообщались имъ, приходили посмотреть, приглашали сотрудниковъ заходить къ нимъ, совѣтовались относительно своихъ дѣтей; иногда бывало и такъ, что подозрительность родителей еще больше усиливалась послѣ разговоровъ съ сотрудникомъ. Такъ случилось съ семьями служащихъ въ тюрьмѣ, расположенной близко отъ насъ: „приходилъ забастовщикъ насъ на забастовку подымать“.

Неясно отношеніе къ хожденію дѣтей въ клубы и преподавательскаго персонала училищъ, которыя находятся въ болѣе или менѣе близкомъ соудствѣ съ нами. Нѣкоторые знаютъ про клубы и позволяютъ посѣщать ихъ, другіе отговариваютъ, запрещаютъ. Намъ пришлось услышать при личномъ объясненіи, что наше учрежденіе вредно для школы: дѣти не готовятъ уроковъ, не читаютъ школьныхъ книжекъ, предпочитаютъ тѣ, которыя выдаются нашей библіотечкой.

Нѣкоторые родители получили изъ одной шко-

лы письма, предостерегавшія ихъ противъ какихъ-то клубовъ, гдѣ дѣтямъ набиваютъ головы „свободнымъ духомъ“. И дѣйствительно, шесть дѣвочекъ перестали ходить къ намъ. Было два случая, когда въ клубъ приходили родители и уводили съ собой своихъ дѣтей, рѣшительно отказавшись дать какія-нибудь объясненія. Одного изъ мальчиковъ опять стали пускать къ намъ, когда была повѣшена вывѣска, а другой привелъ своихъ отца и мать на одинъ изъ спектаклей, во время котораго удалось разговаривать съ ними о нашемъ дѣлѣ, и мальчикъ сталъ опять ходить въ клубъ.

Всѣ случаи, которые давали возможность подойти поближе къ людямъ, среди которыхъ нашему кружку пришлось работать, постепенно уясняли для кружка трудности его работы. Наши неудачи только помогали намъ смотрѣть на дѣло открытыми глазами и не полагаться на минутные успѣхи. Поэтому серьезнымъ успѣхомъ было то, что нашему кружку удалось завязать простыя товарищескія, а во многихъ случаяхъ и дружескія отношенія съ дѣтьми. Было среди нихъ нѣсколько такихъ, которые опредѣленно почувствовали нашей работѣ и во многихъ случаяхъ являлись для насъ хорошими помощниками въ своей средѣ.

VII.

Въ началѣ второго лѣта.

Съ наступленіемъ весны, дѣти уже не могли конечно, сидѣть въ тѣсныхъ комнатахъ, проводили большую часть времени на площадкѣ около нашей квартиры; бѣгали, играли, занимались ги-

мнастикой и т. д. Лѣтомъ были организованы экскурсіи для небольшихъ группъ въ окрестности Москвы подъ руководствомъ сотрудниковъ. Эти экскурсіи бывали раза по два каждую недѣлю, и на нихъ могли записываться всѣ желающіе.

Новая колонія.

Около семидесяти дѣтей провели часть лѣта въ колоніи, которая явилась, такимъ образомъ, прямымъ продолженіемъ общей жизни дѣтей и взрослыхъ, создававшейся въ теченіе минувшаго года.

Намъ хотѣлось бы остановиться на нѣкоторыхъ чертахъ жизни новой колоніи, такъ какъ и внѣшнія условія и внутренній строй ея во многомъ отличался отъ прошлаго года; во-первыхъ—новые колонисты были уже нашими старыми знакомыми, а во-вторыхъ, въ колоніи появился новый элементъ—дѣвочки.

Относительно послѣднихъ существовали нѣкоторыя опасенія: ихъ консервативность и обособленность отъ мальчиковъ могли помѣшать имъ участвовать въ общей жизни колоніи. Но дѣйствительность показала иное: дѣвочки, какъ мы увидимъ ниже, не только не помѣшали созданію маленькаго общества, но и оказали весьма благотворное вліяніе на многихъ колонистовъ. Дѣвочекъ было немного—восемь, и онѣ прожили въ колоніи все лѣто. Мальчиковъ родители отпускали гораздо охотнѣе; они были распределены на нѣсколько группъ, и каждая группа провела въ колоніи 5—6 недѣль.

Дѣти пріѣхали въ первой половинѣ мая. Первые

два-три дня пошло на устройство кровати, лавокъ, полочекъ, и всѣ спѣшили какъ можно скорѣе покончить съ этими дѣлами, чтобы послѣ приняться за „настоящее дѣло“. А „настоящаго дѣла“ имѣлось въ виду много: нужно было развести огородъ, вычистить дворъ, заваленный всякимъ мусоромъ, поставить изгородь кругомъ сада, сдѣлать плотъ для купанья, разбить дорожки по саду, устроить цвѣтникъ и т. д.

Собраніе.

На слѣдующій день по пріѣздѣ всѣхъ колонистовъ было созвано первое собраніе ихъ, на которомъ обсуждались общія основанія жизни въ колоніи.

Предсѣдателемъ былъ избранъ сотрудникъ Ш., который обратился къ собранію съ вопросомъ: „Какъ колонисты думаютъ про сотрудниковъ, чѣмъ они должны быть здѣсь?“

— „Что жъ? Вы хозяева, должны распоряжаться всѣмъ“, раздалось нѣсколько нерѣшительныхъ голосовъ.

— „Хорошо; но если мы здѣсь хозяева, то мы и будемъ всѣмъ распоряжаться и приказывать, а вы должны будете исполнять наши приказанія. Кто не будетъ слушаться, то того накажемъ, а то и вовсе отправимъ назадъ изъ колоніи“.

Всѣ смущенно молчали; только одинъ изъ маленькихъ не выдержалъ и буркнулъ про себя: „Что ужъ больно строго“.—„Что же, хорошо будетъ такъ?“—„Чего тутъ хорошо... совсѣмъ плохое дѣло... никуда не годится“...—посыпались заявленія съ разныхъ сторонъ.

— „Тогда я предлагаю вамъ такъ: пусть хозяевами будутъ всѣ колонисты вмѣстѣ съ сотрудниками, т.-е. распорядиться будетъ общее собраніе, такое, какъ теперь, а сотрудники будутъ на немъ имѣть такой же голосъ, какъ и всѣ остальные“. Собраніе сразу оживилось, и предложеніе было принято единогласно.

Кто-то замѣтилъ при этомъ: „Ну, вотъ объяснилъ,—такъ и всѣ хотятъ, а то „хозяева“...“

Затѣмъ рѣшался вопросъ о томъ, когда созывать собранія. По предложенію двоихъ старшихъ колонистовъ, собранія должны были быть двухъ родовъ—обыкновенныя по субботамъ и спѣшныя, когда объ этомъ заявятъ пять членовъ. Были выбраны „должностныя“ лица для завѣдыванія инструментами, хлѣбомъ и сахаромъ, установленъ порядокъ дня и распределены дежурства и работы. Такимъ образомъ составилъ рядъ „правилъ“, обязательныхъ для всѣхъ членовъ колоніи.

Вотъ этотъ „уставъ“.

1) Всѣми дѣлами распорядается общее собраніе колонистовъ.

2) Общее собраніе происходитъ каждую субботу.

3) Кромѣ того, неочередное собраніе можетъ быть тогда, когда объ этомъ заявятъ не менѣе пяти членовъ.

4) Для завѣдыванія деньгами выбирается комиссія изъ четырехъ членовъ.

5) Завѣдующій инструментами выбирается на 1 недѣлю.

6) Дежурные на каждый день: 1) повара—трое, 2) уборщики—трое.

7) Обязанности поваровъ: варить пищу, мыть кухонную посуду, убирать кухню и раздавать порціи. Повара топятъ за часъ до утренняго чая.

Обязанности уборщиковъ—убирать общественныя комнаты, ставить самоваръ, готовить къ чаю и къ обѣду и убирать чайную и обѣденную посуду.

8) Порядокъ дня—вставать въ 7 час., въ 8 час.—чай, до 12—общественныя работы, до 4-хъ—частныя, если кто захочетъ въ 4 ч.—чай, въ 8 час. ужинъ.

„Уставъ“ былъ вывѣшенъ на стѣну.

Правила исполнялись довольно плохо. Вставали поздно, повара не успѣвали готовить обѣдъ во-время, чай и ужинъ постоянно запаздывалъ. Вяло шли и общественныя работы на огородѣ, за исключеніемъ развѣ первыхъ двухъ-трехъ дней, когда дѣти набрасывались на все новое.

Первыя настроенія.

Какъ мы сказали раньше, мальчики пріѣзжали и жили въ колоніи нѣсколькими группами. И въ жизни отдѣльныхъ группъ можно было подмѣтить нѣчто общее: въ первые дни дѣти устраивались, прилаживали кровати, полки, знакомились съ мѣстностью, мечтали о томъ, что у насъ можно устроить (обыкновенно, это было очень много); такой первый періодъ отличался особо беспорядочнымъ оживленіемъ. Затѣмъ начиналось приглядываніе къ новымъ порядкамъ, въ которыхъ было много непонятнаго имъ,—и оживленіе падало, начиналась скука и недовольство. Главную

роль въ этомъ настроеніи дѣтей играла регулярная физическая работа, совершенно непривычная для огромной части нашихъ ребятъ. Мало-помалу, жизнь все-таки завлекала ихъ и становилась все болѣе и болѣе живой и опредѣленной. И это время, въ особенности отдѣльные моменты его, были часто исполнены той прелести и глубокаго смысла, которые даетъ сознательная дѣтская жизнь.

То же случилось и съ первыми колонистами. Они пріѣхали, смутно надѣясь на то, что въ колоніи уже все приготовлено для нихъ, что существуютъ лица, которыя обо всемъ позаботятся. На дѣлѣ же оказалось, что ничего не устроено и что никто не хочетъ распорядиться.

И на самомъ дѣлѣ, мальчики постоянно обращались къ сотрудникамъ за разрѣшеніемъ, если имъ хотѣлось сдѣлать что-нибудь.

Намъ припоминается одинъ изъ такихъ случаевъ.

Какъ-то разъ вечеромъ къ сотруднику является мальчикъ и говоритъ нерѣшительнымъ тономъ: „позвольте намъ ночевать въ паркѣ и зажечь костеръ“.

— „Почему вы меня спрашиваете?“

— „Да наши всѣ послали къ вамъ“.

— „А гдѣ ваши?“

— „Тамъ, у крыльца“.

Сотрудникъ пошелъ къ крыльцу, гдѣ сидѣла большая группа мальчиковъ (среди нихъ было много старшихъ).

— „Господа, почему вы спрашиваете у меня позволенія?“

— „Мы не знаемъ, можетъ-быть, нельзя. Какъ же безъ васъ?“

— „Ну, вы смотрите только, что выходить: начальства вы не любите, также и выговоры, приказанія; сотрудники тоже не любятъ начальствовать и отказываются отъ этого. И вы свободны дѣлать, что хотите, а между тѣмъ сами всѣми силами стараетесь сдѣлать изъ насъ начальство для себя“. Всѣ засмѣялись.

— „А теперь какъ же быть намъ?“

— „Какъ хотите; вѣдь васъ большинство. А только позволять или запрещать,—это дѣло не мое“.

Сотрудникъ ушелъ. Мальчики помялись, пошептались. Въ концѣ концовъ потянулись въ паркъ одна за другой странно обрисовывавшіяся въ сумеркахъ фигуры ребятъ съ одѣялами и подушками. Тамъ на лужайкѣ, со всѣхъ сторонъ закрытой кустами орѣшника, всѣ расположились кругомъ, головами вмѣстѣ. Посреди горѣлъ костеръ, и долго слышались тихіе разговоры.

И пока длился такой періодъ нерѣшительности и неловкости, сотрудникамъ часто приходилось вызывать къ самостоятельности колонистовъ, указывать постоянно, что все хорошее и дурное въ колоніи зависитъ, главнымъ образомъ, отъ нихъ самихъ, что сотрудники готовы во всемъ помогать, совѣтовать имъ, но ни въ какомъ случаѣ не берутъ на себя обязанности учить ихъ тому, что хорошо и что плохо.

Были среди нихъ попытки внести серьезный элементъ въ общую жизнь: одинъ колонистъ, большой любитель писать стихи и рисовать, въвѣсилъ объявленіе, въ которомъ приглашалъ желающихъ устроить „образовательныя“ чтенія.

Подписей набралось семь, но объявленіе скоро

исчезло, и дальше подписей дѣло не пошло. Были голоса, даже громко протестовавшіе противъ занятій: „Мы сюда гулять пріѣхали, а не учиться“.

Общественныя работы давали много матеріала для засѣданій. Сотрудники отказывались руководить ими, хотя фактически это было очень трудно—такъ сильно сказывалось неумѣнье городскихъ жителей дѣйствовать лопатой и граблями на огородѣ, топоромъ и пилой у верстака и варить и жарить на кухнѣ. Все же за недѣлю успѣли раздѣлать гряды, посадить разсаду, посеять огурцы, горохъ, бобы, картофель, морковь, редиску, надѣлали достаточное количество кроватей для себя и дѣвочекъ, которыя пріѣхали недѣли черезъ полторы послѣ мальчиковъ, и оклели для нихъ комнаты въ маленькомъ домикѣ, стоявшемъ рядомъ съ дачей, гдѣ жили мальчики.

За эту же недѣлю и общественные порядки болѣе или менѣе наладились, работы рѣшили назначать наканунѣ вечеромъ и вывѣшивать распisanіе ихъ на стѣну. Къ должностнымъ лицамъ прибавилась еще должность эконома, который былъ долженъ провѣрять провизію, доставляемую изъ лавки, и заботиться о томъ, чтобы всегда былъ налицо необходимый запасъ крупы, муки, сахару, хлѣба, молока и другихъ продуктовъ, нужныхъ для кухни. Въ его распоряженіе было предоставлено двое посыльныхъ, назначаемыхъ по очереди; они ходили по порученію эконома за разными мелкими покупками.

Но все же не было среди колонистовъ той объединяющей цѣли общаго дѣла, которая превра-

щаетъ толпу въ разумное, живое общество людей. Нужны были толчки, которые заставили бы нашу маленькій мірокъ оглянуться на себя, нужны были моменты, которые простымъ, яснымъ путемъ вытекли бы изъ нашей жизни и такъ же просто соединили бы всѣхъ.

Въ этомъ дѣлѣ большую помощь оказали дѣвочки.

VIII.

Дѣвочки.

Съ самаго начала отношенія между колонистками и колонистами носили не очень дружелюбный характеръ. Мальчики, какъ это обыкновенно бываетъ, смотрѣли на дѣвочекъ свысока, а тѣ, въ свою очередь, побаивались и сторонились своихъ буйныхъ товарищей.

— „Что какіе колонисты—все большіе да озорники, мы съ ними не будемъ водиться, а лучше такъ: они сами по себѣ, и мы тоже“, заявила одна изъ дѣвочекъ сотрудницѣ.

Имъ не нравилось и то, что мальчики совершенно не слѣдили за чистотой и порядкомъ у себя въ комнатахъ:

„Имъ все равно: они и обѣдать согласны хоть на полу; какъ спать, какъ чай пить—все кое-какъ—и ни о чемъ не думаютъ. Вотъ у насъ будетъ совсѣмъ по-другому“.

Впрочемъ, одна двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, въ первые же дни попавшая въ поварихи, не смутилась своихъ большихъ товарищей, а храбро и дѣловито, какъ болѣе опытная въ поварскомъ

искусствѣ, распорядилась ими и заставляла дѣлать различныя работы по кухнѣ.

Черезъ четыре дня послѣ ихъ прїѣзда, въ субботу, должно было быть обыкновенное собраніе колонистовъ.

Наканунѣ дѣвочки позвали къ себѣ сотрудницу для переговоровъ объ „очень важномъ дѣлѣ“. Дѣло это состояло въ томъ, что онѣ замѣтили нѣкоторыхъ мальчиковъ, которые очень нехорошо бранятся; и имъ хотѣлось посоветоваться, могутъ ли онѣ сказать объ этомъ на собраніи. Сотрудница предложила имъ не ждать субботы, а созвать собраніе сейчасъ же: „Вы имѣете полное право, нужно для этого пять человекъ, а васъ больше“.

Дѣвочки, выбравъ изъ своей среды одну подружку, „чтобы говорить на засѣданіи“, стали созывать колонистовъ: „Мальчики, на собраніе!“ Стали собираться. Всѣ приходили и съ любопытствомъ спрашивали: „Кто собралъ?“ — „Да вотъ все дѣвочки мутятъ чего-то“.

— „Ну что жъ, всѣ собрались?“ — „Предсѣдателя, предсѣдателя!“ — „Василія Николаича въ предсѣдатели!“ — „Ш—ина!“ „Василія Николаича!“ — „Ш—ина, Ш—ина!“ „Кто за Василія Николаича, подымай руки!“ Большинство за него, и Василій Николаичъ, юноша лѣтъ шестнадцати, очень подвижной и насмѣшливый, начинаетъ засѣданіе:

— „Дѣвочки собрали засѣданіе: а есть у васъ пять, которыя могутъ собирать?“

— „Насъ восемь, и мы всѣ согласны“.

— „Ну, говорите, въ чемъ дѣло“.

Представительница дѣвочекъ, сильно волнуясь, стала говорить свое „дѣло“:

— „Мальчики у васъ ругаются всякими нехорошими словами, такъ что совѣстно намъ говорить. Сегодня у насъ двѣ дѣвочки хотѣли войти на кухню, а тамъ были повара и ругались. Онѣ и убѣжали, потому что стыдно стало. Если такъ будетъ, то дѣвочки рѣшили, что въ колоніи жить не могутъ“.

Василій Николаевичъ былъ замѣтно сконфузень. Онъ заявилъ, что ему и одному его товарищу особенно тяжело выслушивать такія обвиненія, потому что въ кухнѣ былъ онъ. „А ругался или нѣтъ, я не помню, потому что такъ привыкъ ко всякимъ словамъ, что этого не могу за собой замѣтить“.

Все-таки ему хотѣлось какъ-нибудь вывернуться: „Вотъ что чудно: раньше дѣвочекъ у насъ не было, и никто не жаловался на то, что ругаются; а теперь вотъ и пошли жалобы“. Ему отвѣтилъ другой колонистъ: „Что жъ тутъ такого: мальчики всѣ ужъ привыкли къ брани, и сами постоянно ругаются—тутъ ужъ скриваться нечего, а дѣвочки не привыкли“.

Особенно интересно было заявленіе мальчика, единственнаго у насъ, ученика такъ называемаго „средняго учебнаго заведенія“:

— „Мы жили раньше и ничего за собой не замѣчали, и не обращали вниманія на то плохое, что въ насъ есть, а пріѣхали дѣвочки, и мы увидали себя въ зеркало, какіе мы. По-моему, надо благодарить ихъ за то, что онѣ не побоялись говорить правду въ глаза“.

Но съ такимъ мнѣніемъ далеко не всѣ были согласны: „Вотъ развелись у насъ жалобщицы: теперь и повернуться не смѣй—начали съ одного,

пойдутъ звонить про всякую малость“.—„Лучше не связываться съ ними; а то какъ разъ бѣды наживешь“, слышались недовольные голоса. Поднялся большой шумъ.

— „Предсѣдатель, рѣшай скорѣй, а то всѣ галдятъ, и ничего не разберешь“.

— „Господа, тише, тише! Дѣвочки, вы чего же хотите? Мы извиняемся, а вы какъ?“

Дѣвочки заявили, что извиненія имъ не надо, а только онѣ просятъ мальчиковъ сдерживать себя: „Это еще ничего, когда кто выругается сгоряча, а то ругаются обыкновенно такъ себѣ, въ шутку или нарочно: тутъ ужъ можно услѣдить за собой“.

— „Я общаю смотрѣть за собой и потомъ еще предлагаю сдѣлать постановленіе, чтобы въ колоніи бросить брань“.—„Ну, а кто ругаться будетъ?“— „Того на общее собраніе: зачѣмъ идетъ противъ правилъ. Кто согласенъ?“ Всѣ подняли руки.

И такимъ образомъ началась въ колоніи борьба за этическія начала жизни.

Собраніе кончилось. Но настроеніе общества было далеко не мирное. Вмѣшательство дѣвочекъ казалось слишкомъ необычнымъ дѣломъ. Колонія вся стала походить на возбужденный пчелиный улей. Дѣти разбились на группы и продолжали обсужденіе по разнымъ угламъ и комнатамъ. Дѣвочки ушли въ свой домъ и со страхомъ думали о будущихъ послѣдствіяхъ своего слишкомъ смѣлаго, какъ имъ казалось, шага. „Попадетъ теперь намъ: если бить не будутъ, то ужъ навѣрно задразнятъ всякими прозвищами“. Таково было ихъ общее мнѣніе.

— „Ну что жь, дѣвочки, если они начнутъ драть-ся, такъ мы въ Москву уѣдемъ“, предложила одна изъ младшихъ дѣвочекъ.

— „Ишь ты, въ Москву! Не больно хочется въ Москвѣ жить“.

Старшіе мальчики почти всѣ возмущались поведеніемъ дѣвочекъ.

— „Ну, это я еще понимаю,—говорилъ Ш—инъ, сдѣлавшій раньше неудачную попытку устроить образовательныя чтенія:—мальчикъ,—съ нимъ можно поспорить, потолковать—онъ все-таки о чемъ-нибудь думаетъ. А дѣвчонка? Какъ на нее обращать вниманіе? Имъ бы только болтать да сплетничать... Какой съ ней можно вести серьезный разговоръ?“—„Да что толковать: пусть собираютъ собраніе, какъ угодно, а только отъ нихъ надо подальше: за версту буду обходить“, рѣшилъ другой еще болѣе суровый противникъ дѣвочекъ.

Когда къ нимъ подошелъ сотрудникъ, разговоръ былъ въ самомъ разгарѣ. Онъ подсѣлъ къ мальчикамъ и началъ бесѣдовать съ ними.

— „Вы говорите, что дѣвочки глупѣе васъ?“

— „Ну, конечно, глупѣе“.

— „А какъ вы думаете, хорошо ругаться или нѣтъ?“

— „Чего же хорошаго,—кто будетъ спорить!“

— „Такъ какъ же вы назовете ихъ сегодняшній поступокъ: онѣ боятся васъ, опасаются, что вы будете мстить имъ за ту неприятность, которую онѣ сдѣлали вамъ; и все-таки рѣшились обратить ваше вниманіе на то, чего вы за собой не замѣчали, да мало того, что не замѣчали, а всегда

смѣялись даже и тѣмъ усиливали свою привычку браниться“...

— „А это потому, что онѣ не привыкли; все-таки онѣ глупѣе насъ“.

— „Какъ же, вы думаете, лучше жить: такъ, чтобы приносить какую-нибудь пользу другимъ, или этого не надо?“ (Большинство этихъ мальчиковъ было изъ учениковъ типографіи, гдѣ среди рабочихъ имъ приходилось слышать много „хорошихъ“ словъ).

Всѣ согласились съ тѣмъ, что надо жить „съ пользой“.

— „А вы съ вашимъ отношеніемъ къ дѣвочкамъ приносите имъ вредъ, а не пользу; если онѣ глупѣе, такъ надо съ ними поговорить, растолковать, чего не понимаютъ; вы же хотите сторониться отъ нихъ. И такимъ образомъ произойдетъ то, что вы будете жить вмѣстѣ съ тѣми, кому нужна была бы ваша помощь, какъ болѣе умныхъ людей, а вмѣсто этого будете презирать ихъ и чуждаться“.

И сотрудникъ сталъ рассказывать имъ, какъ воспитываются дѣти въ другихъ странахъ, какъ начинаютъ учреждаться новыя школы, гдѣ стараются уже считаться съ мыслями и желаніями учениковъ, какъ тамъ смотрятъ на дѣвочекъ и какихъ цѣлей добивается совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ. Бесѣда продолжалась часа два и перешла, въ концѣ концовъ, на мечты и планы о возможной у насъ въ колоніи дружной и интересной жизни. Бесѣда эта положила начало ряду другихъ бесѣдъ и споровъ по вечерамъ о вѣрѣ, наукѣ—одушевленныхъ, свободныхъ и искреннихъ.

И эти серьезные моменты были огромным воспитательным средством, разрушавшим ту преграду, которая ставится нашей формальной жизнью между детьми и взрослыми.

Через недѣлю на собраніи двѣ дѣвочки заявили, что одинъ изъ старшихъ колонистовъ написалъ на пианино по пыли ругательныя слова, которыя сказать вслухъ имъ совѣстно. Обвиненный исчезъ. За нимъ послали двоихъ колонистовъ, которые черезъ нѣкоторое время привели его на собраніе. Видъ мальчика былъ смущенный. Онъ не отрицалъ своей вины.

Ему было замѣчено, что онъ пренебрегъ постановленіемъ всей колоніи и сдѣлалъ свой проступокъ не случайно, не „сгоряча“, а совершенно спокойно, имѣя вполнѣ время подумать, что онъ дѣлаетъ. Собраніе рѣшило высказать ему порицаніе отъ всей колоніи и предупредить, что если онъ и потомъ станетъ „заниматься такими дѣлами“, то онъ долженъ уѣхать въ Москву.

Отношенія между мальчиками и дѣвочками понемногу стали улучшаться. Мальчики иногда помогали имъ — дѣлали полочки, столы, ящики. Дѣвочки не отставали отъ нихъ и старались всячески отплатить за помощь: чинили платье, бѣлье и даже шили рубашки. Мало того, онѣ въ одно изъ „засѣданій“ предложили, чтобы всѣ должности исполнялись одинаково всѣми — и дѣвочками и мальчиками: „Дѣвочки хотятъ работать наравнѣ со всѣми; онѣ тоже хотятъ быть посыльными и уборщиками въ общихъ комнатахъ“.

IX.

Анкета.

Оживленію общей жизни много способствовала анкета среди колонистовъ, устроенная, по предложенію сотрудниковъ, комиссіей, избранной самими детьми. Въ комиссіи участвовали пять старшихъ мальчиковъ и дѣвочка; они выработали нѣсколько вопросовъ, на которые должны были отвѣчать всѣ члены колоніи вмѣстѣ съ сотрудниками. Вопросы эти обсуждались на собраніи, гдѣ они подверглись измѣненію и дополненіямъ. Въ результатѣ получилось 11 вопросовъ:

- 1) Доволенъ ли существующими порядками въ колоніи?
- 2) Доволенъ ли общественными работами и нужны ли онѣ?
- 3) Нужны ли должностныя лица и почему?
- 4) Нуженъ ли домашній театр?
- 5) Какія желаетъ игры?
- 6) Нужны ли вечеринки?
- 7) Доволенъ ли отношеніемъ сотрудниковъ къ колонистамъ и наоборотъ?
- 8) Нужны ли общественныя чтенія и бесѣды съ сотрудниками?
- 9) Нужны ли наказанія? (Внесъ сотрудникъ).
- 10) Какіе порядки устроить за столомъ?
- 11) Доволенъ ли отношеніемъ колонистовъ другъ къ другу?

Въ отвѣтахъ можно видѣть огромную разницу между мальчиками и дѣвочками: послѣднія очень не любили разсуждать и мотивировать свои отвѣ-

ты, которые умѣщались на маленькихъ листочкахъ и были очень похожи другъ на друга у разныхъ колонистокъ. Въ отвѣтахъ мальчиковъ гораздо болѣе разнообразія. Нѣкоторые представили даже цѣлыя литературныя произведенія. Отвѣтовъ было получено 20 — отъ 8 дѣвочекъ и 12 мальчиковъ, 5 изъ колонистовъ не писали вовсе.

Довольными существующими порядками въ колоніи оказались всѣ дѣвочки; онѣ писали кратко: „Довольна“, безъ всякаго объясненія. Изъ мальчиковъ только четверо были довольны (порядками на кухнѣ), остальные 8 объясняли свое недовольство такъ: четверо были довольны правилами, но не ихъ исполненіемъ, двое находили плохимъ, что „встаютъ не во-время, и чай запаздываетъ“. Одинъ мальчикъ утѣшался тѣмъ, что „хотя порядка мало, потому что мы непривычны, но когда вполнѣ привыкнемъ, то, какъ полагаю, дѣло наладится“. Послѣдній же отвѣтъ былъ сплошной критикой порядковъ: „Пищей не доволенъ, потому что повара не умѣютъ готовить или небрежно относятся—то солянка горькая, то супъ пригорѣлъ, то уха безъ рыбы, то къ ужину нажарятъ картошки по одной маленькой ложкѣ, да еще чего-нибудь понемножку“. — „Ужинъ не нуженъ, былъ бы обѣдъ;“ — „не хватаетъ денегъ на хорошій ужинъ,—скажутъ сотрудники“. — Но почему же, вмѣсто дорогихъ макаронъ, творогу съ молокомъ, яичницы, не приготовить щи, супъ или какую-нибудь похлебку: и сытнѣе бы было, а то наладили творогъ съ молокомъ и съ сахаромъ—почти не дешевле щей или супу,

а сытности почти нѣтъ никакой? Я слыхаль, что многіе недовольны ужиномъ“.

Общественныя работы тоже мало дали пищи для размышленій дѣвочкамъ. Всѣ отвѣтили, что онѣ „нужны“; нѣкоторыя прибавили, впрочемъ: „для порядка“.

Всѣ мальчики признали общественныя работы нужными, „потому что приносятъ пользу: раньше не зналъ, какъ работаютъ на огородѣ, потомъ не умѣлъ поварить, а теперь немножко научился“. Другой считалъ ихъ необходимыми, такъ какъ „мы всѣ хозяева и все дѣлаемъ для общаго блага“. Двое приняли во вниманіе денежную сторону: „если мы не будемъ работать, то надо нанимать рабочихъ и платить имъ; но намъ дается въ мѣсяць 200 руб., то что же останется на харчи? да еще изъ этихъ же денегъ надо купить матеріалъ“. Четверо были недовольны тѣмъ, что работы „не дружно исполняются“, а между тѣмъ работы эти очень важны: „мы должны показать себя, какъ могутъ работать общества, состоящія изъ мальчиковъ и дѣвочекъ“, а „безъ нихъ колонисты облѣнятся, и притомъ все-таки своими руками дѣлаемъ“. Дежурные и должностныя лица признавались нужными всѣми безъ исключенія.

Общественныя чтенія и бесѣды четверемъ дѣвочкамъ казались скучными; остальные стояли за нихъ, при чемъ двѣ были противъ сотрудниковъ: „потому что съ ними будетъ невесело“. Мальчики всѣ признавали чтенія и бесѣды полезными и даже съ сотрудниками, которые „больше знаютъ“ и „непонятныя слова будутъ объяснять“. Одинъ (критиковавшій пищу) писалъ, что „обще-

ственные бесѣды и чтенія давно бы надо было устроить, но только бесѣды не о вѣрѣ, какъ это нѣкоторые затѣяли, а о чемъ-нибудь другомъ, научно, напр., физика и химія съ опытами, астрономія съ наблюденіями надъ звѣздами, по анатоміи, потомъ научные другіе споры; только бы поскорѣе, а то давно ждемъ, никакъ не дождемся“.

Наибольшее разнообразіе мнѣній дѣтей проявилось по поводу наказаній. Это, конечно, былъ наиболѣе острый и серьезный вопросъ.

Дѣвочки всѣ высказались за наказанія, при чемъ большинство изъ нихъ назвали тѣ формы ихъ, которыя, по ихъ мнѣнію, желательно было бы ввести. Наказанія „нужны, чтобъ боялись“, — „оставлять послѣ общественныхъ работъ на одинъ часъ“ „ставить въ уголь на 5 минутъ“; „только не строгія наказанія, напр., ставить въ уголь на 30 минутъ, не больше“, одна написала, что „наказанія нужны для того, чтобы исправиться“.

Изъ мальчиковъ семь стояли за наказанія: „Будутъ бояться, чище мыть посуду, а такъ поговорять — и все“; „нужны, чтобы всѣ работали — сверхъурочныя работы“; „нужны, только товарищескія“; двое требовали суровыхъ наказаній: „Если вводить наказаніе, то очень строгое, чтобъ его боялись, не какъ теперь, напимѣръ, уборщики или повара плохо исполняютъ свои обязанности, на нихъ кричатъ: „На второй день!“ но въ общемъ только покричатъ, и больше ничего“. Другой считалъ подходящимъ „запирать на два часа въ темную комнату, потому что всякій знаетъ, что, если не работаетъ, то ничего, кромѣ выговора, не получить, а здѣсь будутъ знать“. Одинъ вы-

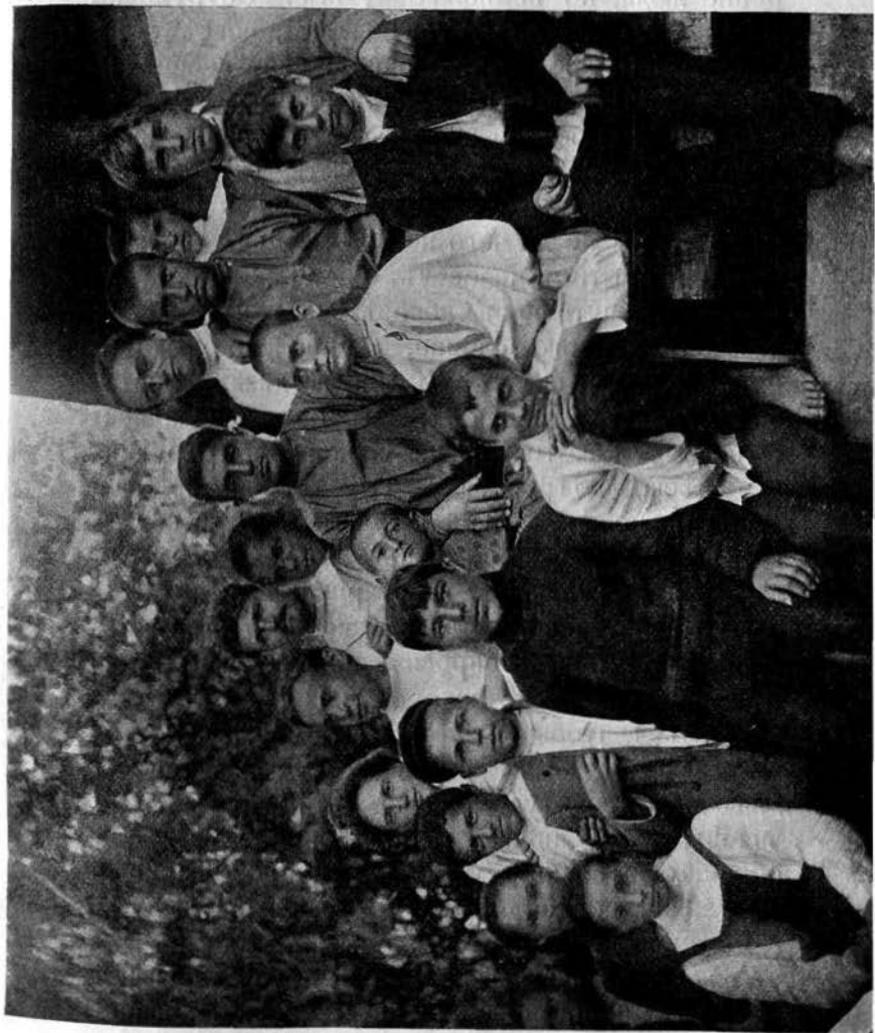
сказывался не такъ рѣшительно: „Лучше бы обойтись безъ наказаній; но, какъ бы то ни было, это печально, безъ нихъ, какъ водится, не обойтись, потому что, несмотря на всѣ собранія и выговоры, товарищи все-таки смотрятъ сквозь пальцы“. Кто-то отвѣтилъ: „Про наказанія ничего не знаю“.

Четыре мальчика были противъ наказаній: „Не нужно, потому что всякому не хочется быть наказаннымъ“; „надо привыкать безъ наказаній“; „не желаю, наказанія чтобы были“; „можно усовершенствовать словомъ; наказанія могутъ хуже повліять на колонію“.

Отношеніемъ колонистовъ другъ къ другу были довольны всѣ дѣвочки; но мальчики смотрѣли на эту внутреннюю сторону нашей жизни иначе. Только четыре были довольны безусловно своими товарищами; остальные же не были удовлетворены и давали отвѣты, начиная съ умѣренного заявленія: „Не всѣми доволенъ“, до весьма серьезной критики ихъ. „Истинно дружескихъ и товарищескихъ отношеній у насъ мало, такъ я замѣчаю, — писалъ одинъ колонистъ: — а почему, не знаю“. Другой находилъ, что „обращаются другъ съ другомъ какъ собаки; какъ соберутся, такъ и лаются“. Отвѣты нѣкоторыхъ мальчиковъ давали понять, что казалось дурнымъ ихъ товарищу: „Другъ надъ дружкой звонять“, т.-е. насмѣхаются; „отношенія хорошія, только ужъ очень много звонять, какъ бабы“; „отношеніями доволенъ, кромѣ ругатни и насмѣшекъ надъ недостатками“; весьма горячо выступилъ въ защиту шутокъ и безобидныхъ насмѣшекъ мальчикъ, любившій самъ подзадорить своихъ товарищей: „Отношеніе това-

ришей другъ къ другу мнѣ очень не нравится: развѣ это товарищескія отношенія, когда многіе называютъ на *вы*, и вообще все натянуто—многіе сторонятся, какъ будто всѣ окружающіе имъ совсѣмъ не товарищи, а товарищами бываютъ за однимъ столомъ. Потомъ я удивляюсь, какъ это можно жить въ дѣтствѣ такъ, какъ живутъ совершенно взрослые: говорятъ—зачѣмъ звонъ, насмѣшки другъ надъ другомъ? Я понимаю такъ: зачѣмъ насмѣшки ядовитыя, но звонъ и шутки я даже люблю, потому что другой разъ приходится почти всегда острить и, наконецъ, говорить про недостатки товарища, которые, замѣтивъ въ звонѣ, потомъ можно исправить“.

Взаимными отношеніями сотрудниковъ и колонисты довольны были почти всѣ: „сотрудниками доволенъ, они намъ зла не дѣлали“, „дѣлаютъ добро для насъ“, „доступны во всемъ“, одинъ выражалъ „благодарность сотрудникамъ за ихнюю работу на пользу колоніи“. Нѣкоторые мальчики указывали на то, что колонисты относятся къ сотрудникамъ недостаточно хорошо: „Не хватаетъ простоты. Я думаю, это оттого, что мы не такъ привыкли къ нимъ“, „на сотрудниковъ смотрятъ какъ на начальниковъ“; одинъ смотрѣлъ на эти отношенія слишкомъ строго: „Колонисты относятся къ сотрудникамъ звѣрски и нахально“. Тотъ критикъ, который такъ основательно разобралъ порядки въ колоніи, очень серьезно и глубоко отнесся къ работѣ сотрудниковъ. Его отвѣтъ даетъ понять, что онъ думалъ о характерѣ обращенія сотрудниковъ съ дѣтьми, и то, что онъ видѣлъ, не удовлетворяло его: „Сотрудники хо-

рошіе люди, но немножко чудные. Сотрудница В. Н. какая-то маленькая дѣвочка, совсѣмъ не похожа на взрослую женщину; самъ господинъ Ш. говорить: „Вотъ не мѣшало бы вамъ чѣмъ-нибудь въ свободное время заняться“,—но поговорить, да и все. Можетъ-быть, онъ **хочетъ, чтобы мы сами все сдѣлали**, но, если онъ видитъ, что мы ни до чего не додумаемся, то, какъ умный и опытный человѣкъ, онъ долженъ на что-нибудь толкнуть насъ, посовѣтовать что-нибудь: вѣдь онъ на много старше, и умнѣе, и опытнѣе, могъ бы много сказать: въ иныхъ дѣлахъ достаточно одного толчка, чтобы они наладились. Отношеніе нѣкоторыхъ мальчиковъ къ сотрудицамъ нѣсколько грубоватое: „Ну, ты—чего орешь“. „Эй ты,—поди-ка сюда!“—слушать какъ-то неловко: вѣдь они старше насъ. Должно же быть какое-нибудь уваженіе къ старшимъ! Но нѣкоторые относятся къ нимъ съ какимъ-то страхомъ, напимѣръ, бояться спросить ихъ о чемъ-нибудь. По-моему, это тоже нехорошо: намъ надо всѣмъ сблизиться, чтобы воспитаніе изъ насъ „самостоятельныхъ гражданъ“ шло какъ можно успѣшнѣе. Дѣвочкамъ совѣтую тоже не сторониться мальчиковъ: между ними есть очень хорошіе люди; а обращаться съ ними безъ различія, по-товарищески. Тогда у насъ было бы одно общество, и намъ легче было бы идти вперед“.

Анкета должна была преслѣдовать, главнымъ образомъ, практическія цѣли, т.-е. на основаніи высказанныхъ въ ней мнѣній и пожеланій предполагалось сдѣлать жизнь въ колоніи болѣе живой, интересной и серьезной. Это не удалось,

такъ какъ нѣкоторые колонисты писали свои листы слишкомъ долго, и общее обсужденіе всѣхъ отвѣтовъ могло состояться почти наканунѣ отъѣзда изъ колоніи первой группы мальчиковъ. Тѣмъ не менѣе то, что дѣти подумали о себѣ, товарищахъ и колоніи, какъ-то особенно сплотило и сблизило ихъ, и это быстро сказалось и на работахъ и на взаимныхъ отношеніяхъ и на большей простотѣ и искренности въ обращеніи съ сотрудицами.

Х.

Дневникъ.

Такъ какъ дѣло съ анкетой немного затянулось, то Ш. предложилъ на одномъ изъ собраній дѣтей завести жалобную книгу, куда бы каждый могъ записывать, чѣмъ онъ недоволенъ, и обсуждать жалобы на „засѣданіяхъ“. Предложеніе Ш. было отвергнуто большинствомъ колонистовъ на томъ основаніи—„что жалобъ и кляузъ не оберешься“. Но вмѣсто жалобной книги была ими предложена книга для того, чтобы всѣ писали въ ней все, что вздумается, и создать, такимъ образомъ, дневникъ колоніи. Эта мысль была одобрена единодушно. Книга была куплена на слѣдующій же день, сейчасъ же ребята сдѣлали для нея конторку, поставили чернильницу съ перомъ, и въ первый же день записи покрыли больше пяти страницъ. Мысль о дневникѣ была въ высшей степени удачной. Правда, въ ней попадались страницы не очень чистыя, бывали выраженія, не одобрявшіяся собраніемъ (въ книгѣ

было записано постановленіе: „Всѣ вещи, не одобренныя собраніемъ, отмѣчаются цифрами). Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній рѣшено было всѣмъ, кто хочетъ написать въ книгѣ, подписываться.

Дневникъ отражаетъ, конечно, не всю жизнь колоніи, а только случайныя настроенія дѣтей. Нѣкоторые колонисты очень полюбили книгу и постоянно наполняли ее шутками, сообщеніями, стихами—своими и чужими, а иногда разсужденіями и цѣлыми разсказами. Очень часто встрѣчаются въ ней сообщенія въ нѣсколько словъ въ такомъ родѣ: „Сегодня я былъ очень веселъ“; „я очень накупался“; „до обѣда совсѣмъ голову опустилъ, а послѣ какъ-то повеселѣлъ“; „я набралъ цѣлую кружку земляники, — и какая вкусная!“ „въ воскресенье я измокъ“; „я дѣлаю дѣвочкамъ столъ“; „я вчера 12-го іюня плавалъ до купальни и обратно безъ отдыха: очень замерзъ“; „вчера мы долго на сѣновалѣ кричали“; „вчера меня укусила оса прямо въ лобъ, мнѣ было очень больно, и я завязался платкомъ“; „мы сдѣлали рожу изъ свѣтящихся гнилушекъ“; „мы дѣлаемъ рамки для картинъ“; „я сегодня въ веселомъ расположеніи духа и не знаю отчего“; „мы ходили въ лѣсъ за грибами и нашли небольшого ужа“; „у насъ уподзли два ужа!“ и т. д.

Личныя отношенія между дѣтьми занимаютъ въ книгѣ довольно много мѣста. Сначала были попытки подшучивать надъ товарищами, давать имъ прозвища, но все это скоро прекратилось, такъ какъ въ обществѣ стали сильно возставать противъ насмѣшекъ: „Очень много обижаются, и ссоры выходятъ изъ-за звона“.

Въ первую недѣлю часто появлялись стихотворенія одного колониста, обращенныя къ дѣвочкамъ въ стилѣ бумажекъ отъ конфетъ,—обыкновенно съ „посвященіемъ“:

Лилоневкій цвѣточекъ
Испанской красоты,
Душистый стебелечекъ,
Ахъ, какъ вы хороши!

Его примѣру послѣдовали было еще трое мальчиковъ, но, послѣ энергическихъ протестовъ дѣвочекъ на собраніи, стихи этого рода перестали появляться. Дѣвочки писали мало, но тоже любили нѣжные „стишки“, напримѣръ:

Сіяла на небѣ звѣздочка,
Ангель по небу летѣлъ.
Шла по морю лодочка,—
Ангель въ нее сѣлъ.

или:

Фіалка въ полѣ расцвѣтала,
Ее никто не поливалъ,
Душа моя о ней страдала:
Я пошла и полила.

Разумѣется, крупныя событія въ жизни колоніи заносились въ книгу съ большимъ усердіемъ. Такимъ событіемъ въ первой половинѣ лѣта была ссора дѣвочекъ съ колонистомъ, вообще склоннымъ къ фантазіи, тѣмъ самымъ, который когда-то затѣвалъ ночевки съ костромъ. Раньше онъ всегда заступался за нихъ, теперь же онъ сталъ почему-то обращаться съ ними очень дерзко и грубо, и дѣвочки пожаловались на собраніи. Бывшій защитникъ назвалъ дѣвочекъ „сплетницами“ и не призналъ себя виновнымъ.

На слѣдующій день появилось въ книгѣ его стихотвореніе, обращенное къ одной изъ дѣвочекъ:

„Будь больше ты дѣвчонкой той,
Какою вижу я тебя,
Побольше сплетничай напрасно...
О, ненавижу я тебя!“

и помѣстилъ еще нѣсколько стихотвореній въ такомъ же родѣ. На слѣдующемъ собраніи вопросъ объ этой ссорѣ обсуждался опять, и мальчикъ въ концѣ концовъ сознался, что поступалъ нехорошо съ дѣвочками. Ему предложили извиниться, но онъ сказалъ, что все напишетъ въ книгѣ, и отказался извиняться на собраніи. Къ вечеру въ книгѣ появилось его произведеніе:

„Когда я писалъ эти дурацкія стихотворенія, во мнѣ бушевала буря мести и зла по отношенію къ дѣвочкамъ. Я тогда не разбиралъ, кто правъ, а кто виноватъ. Я находился прямо въ какомъ-то зломъ, безсмысленномъ состояніи: ко всѣмъ придирался изъ-за всякихъ пустяковъ и въ журналъ написалъ эти идиотскіе стихи. Но что хуже всего, такъ это то, что мнѣ казалось тогда, что я правъ. Но, Боже мой, что я почувствовалъ, когда сознаніе и совѣсть вернулись ко мнѣ!

Я промучился всѣ эти дни вплоть до собранія. Но поправить уже было нельзя. Угрызенія совѣсти не давали мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Мнѣ было стыдно послѣ этого даже взглянуть на дѣвочекъ, которыя ни въ чемъ не виноваты. Отъ всего сердца прошу у всѣхъ товарищей, въ особенности у дѣвочекъ, прощенія. Написавши

это, совѣсть моя успокоилась: я сдѣлалъ все, что могъ!“

Примиреніе состоялось; и черезъ двѣ недѣли на прощанье онъ уже шутиливо желалъ дѣвочкамъ:

„Счастливо оставаться,
Грозы не пугаться,
Жуликовъ не бояться,
Да поменьше баловаться“.

Самое большое мѣсто въ книгѣ отведено описаніямъ: „сценка изъ жизни колоніи“, „почему собака Османъ стала бояться меня“, „прогулка въ лѣсъ за грибами“, „какъ я научился плавать“, „какъ ловили жулика“, „прогулка въ лѣсъ“, „ужь“, „забастовка“, прогулка въ Берлюковскую пустынь“, „описаніе моей жизни въ колоніи“, „начало забастовки дѣвочекъ“, „отъѣздъ изъ колоніи“.

Всѣ эти рассказы описываютъ фактическую сторону нашей жизни; иные изъ нихъ написаны очень живо и переданы прямо таки художественно, какъ, напримѣръ: небольшой рассказъ объ „отъѣздѣ изъ колоніи“, который мы приведемъ ниже. Болѣе глубоки по содержанію замѣчанія, иногда очень краткія, колонистовъ, выясняющія ихъ отношеніе къ колоніи и къ особенностямъ ея строя.

Интересно то, что было много попытокъ высказать свои мысли въ стихотворной, хотя бы и не очень складной формѣ:

„Въ семьѣ труда, любви и счастья
Дни пролетали, какъ во снѣ,
И пролетить ихъ еще много,
Но мысли наши впереди.“

Эту мысль давно имѣли
Люди съ сердцемъ и душой.
Ихъ мысль теперь осуществилась—
И мы въ семьѣ всѣ трудовой,
Гдѣ нѣтъ различья старшихъ, младшихъ,
Гдѣ сильный хилаго не гнетъ,
А всякъ, сплотясь умомъ и сердцемъ,
Жизнь труда, любви ведетъ“. (Шейкинъ)

„Вотъ то мѣсто, гдѣ мы нашли
Свободу, равенство и братство“. (Федоровъ)

На послѣднее двестише появилось въ книгѣ замѣчаніе:

„У Федорова розовыя очки: равенство еще, пожалуй, есть, но до братства еще далеко“. (Дьяконовъ)

„Много счастья бывало
Въ колоніи всегда.
И наконецъ оно ушло
И не вернется никогда“. (Федоровъ)

Хорошее чувство въ особенности сказывалось къ колоніи въ то время, когда колонистамъ приходилось уѣзжать въ Москву. Нѣкоторые писали коротко: „Я уѣзжаю со скорбью на душѣ“; „съ душевной болью расстаюсь я съ колоніей“. Двое старшихъ мальчиковъ высказались о томъ вліяніи, которое оказала на нихъ жизнь въ колоніи: „Завтра я уѣзжаю изъ колоніи. Мнѣ грустно вспомнить объ этомъ. Такъ жалко оставлять мою милую родную колонію, гдѣ я провелъ нѣсколько приятныхъ и полезныхъ недѣль, гдѣ привыкъ къ товарищамъ и сотрудникамъ; мнѣ грустно оставить то мѣсто, гдѣ я впервые почувствовалъ себя человѣкомъ, гдѣ нашель хорошихъ товарищей“.

„Богъ знаетъ, придется ли еще когда пожить здѣсь, или нѣтъ. Я уѣзжаю, и воспоминанія о жизни въ колоніи никогда не изгладятся изъ моей души“ (Ермаченко).

Мальчикъ, за нѣсколько недѣль до этого такъ сурово отнесшійся къ порядкамъ колоніи въ анкетѣ, писалъ такъ на прощанье: „Прощай, дорогая колонія! Сколько хорошихъ и полезныхъ для меня дней провелъ я здѣсь! Нашель много хорошихъ товарищей, научился многому хорошему. Я чувствую, что я много возмужалъ, что я теперь уже не прежній мальчиска, а все болѣе становлюсь похожимъ на взрослого мужчину. Научился готовить кушанье, потомъ научился плавать. Но что мнѣ больше всего нравится, то, что мнѣ кажется, что я дѣлаюсь все болѣе и болѣе самостоятельнымъ человѣкомъ со здравымъ взглядомъ на дѣла, на вещи. Мнѣ грустно разстаться со всѣми, но болѣе всего съ сотрудниками, которые такъ много принесли намъ пользы. Вы, дорогіе сотрудники, показали, что и мальчики могутъ жить съ большими наравнѣ, смѣло высказывая свои мысли и взгляды, что и они могутъ жить самостоятельно, а не съ няньками и надзирателями. Прощайте всѣ! Какъ грустно мнѣ разставаться со всѣми, поѣду опять въ пыльную Москву! Вѣдь только въ первый разъ въ деревнѣ. Очень понравилось, но приходится уѣзжать“ („Илья Муромецъ“ Григорьевъ).

Бывшіе колонисты иногда пріѣзжали изъ Москвы въ гости вмѣстѣ съ воскресными экскурсіями нашихъ „клубистовъ“; одинъ изъ нихъ оставилъ очень трогательное стихотвореніе:

„Здѣсь жизнь свѣтлая и тихая стоитъ,
А у насъ въ Москвѣ—какъ бы зима ужъ скоро:
Вездѣ все принимаетъ угрюмый, строгій видъ,
И не утѣшитъ это моего привыкшаго къ раздолюю взора“.

(Г. Левинъ)

XI.

Колонія въ июлѣ.

За двѣ недѣли до отъѣзда старшей группы была начата большая работа — сѣнокосъ. При дачѣ было около двухъ десятинъ луга, и колонисты рѣшили скосить и убирать сѣно самимъ. (Въ прошломъ году для этой цѣли владѣльцемъ дачи былъ нанятъ рабочій). Косило траву четверо колонистовъ и сотрудникъ. Работа не очень спорилась съ непривычки, шли дожди, — и окончить эту работу пришлось уже слѣдующей группѣ. Во время сѣнокоса мальчики случайно нашли пчелиный рой, висѣвшій на вѣткѣ. Среди косцовъ нашелся одинъ, раньше въ деревнѣ занимавшійся пчелами. Подъ его руководствомъ рой былъ снятъ, помѣщенъ въ корзину, и накрытъ простыней. Между тѣмъ наши плотники и столяры уже принимались за улей, который общими силами поспѣлъ черезъ три часа — съ двойными стѣнками, съ прокладкой изъ мелкихъ стружекъ и рамками. Къ вечеру рой былъ уже въ ульѣ, и на утро вся колонія съ величайшимъ интересомъ слѣдила за оживленной работой пчель.

Въ самый разгаръ оживленія и интереса къ общественной жизни, въ послѣднихъ числахъ іюня, большая часть мальчиковъ старшей группы должна была уступить свое мѣсто младшимъ това-

рищамъ по клубамъ. На прощанье одинъ изъ бывшихъ противниковъ дѣвочекъ произнесъ на собраніи рѣчь, въ которой благодарилъ ихъ за дружбу, товарищество и за то, что отучили всѣхъ отъ привычки браниться. Почти всѣ колонисты провозжали уѣзжавшихъ до станціи желѣзной дороги.

Новые колонисты, пріѣхавшіе двумя партіями, одна на недѣлю позже другой, сразу не подошли подъ наладившійся уже строй жизни колоніи. Оставшіеся колонисты отличали ихъ отъ себя и дали имъ прозвание „Московскихъ“. Тѣ протестовали: „Все московскіе да московскіе... а когда же „Шелковскими“ будемъ?“ — „Да какіе же вы колонисты: вы и правилъ не знаете“...

На ближайшемъ собраніи (они бывали теперь уже два раза въ недѣлю) одинъ мальчикъ заявилъ, что у него съ братомъ украли печенье и конфеты, которыя они привезли съ собой изъ Москвы. „Одинъ изъ колонистовъ видѣлъ, — сказалъ онъ, — какъ брали конфеты, только онъ боится говорить“. — „Ну, сознавайся, кто бралъ“, предложилъ „предсѣдатель“. Отвѣта не было. Тогда предложили потерпѣвшему указать мальчика, который видѣлъ, какъ таскали конфеты: „Ты не бойся: тебя всѣ будутъ защищать, вся колонія“.

Тотъ помялся и, наконецъ, назвалъ троихъ соучастниковъ. Всѣ стали уговаривать ихъ сознаться. Тѣ долго не рѣшались и только прятали головы подъ столъ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ, вспыхнувъ, поднялъ руку, и съ видомъ челоуѣка, бросающагося въ первый разъ въ холодную воду, громко заявилъ: „Я сознаюсь!“ Его товарищи все-таки медлили.

Тогда уговаривать ихъ сталъ и сознавшійся: „Сознавайся: я вотъ сознался—и ничего!“ Стали понемножку сдаваться и тѣ, по крайней мѣрѣ, одинъ уже рѣшился поднять голову. За нихъ сказали другіе: „Ладно ужь, сознались“... Отъ нихъ потребовали обѣщанія, что впередъ ручаются за себя и больше ничего не украдутъ.

Предсѣдатель продолжалъ засѣданіе: „У кого еще есть какіе вопросы?“ Подняли руки двѣ дѣвочки.

— „Мальчики, у меня такой вопросъ: когда мы ходили гулять въ Пушкино, то стали купаться. Мы отошли далеко, а мальчики смотрѣли; а потомъ, какъ замѣтили ихъ, такъ они и убѣгли“. Виновные сознались и просили извиненія у собранія. „А потомъ еще одинъ вопросъ,—продолжали дѣвочки,—новые мальчики ругаются. Небось забыли, что тутъ не Москва. А у насъ было такое правило“...

Но здѣсь виновный даже не ждалъ, пока назовутъ его, и не успѣли дѣвочки кончить свое обвиненіе, какъ онъ поднялъ руку и торопливо закричалъ, при всеобщемъ смѣхѣ: „Сознаюсь. Прошу извиненія передъ всѣми!“

Немного позднѣе пропало у одного изъ колонистовъ 19 копеекъ. На собраніи, созванномъ по этому поводу, дѣти долго разсуждали, уговаривали сознаться, кто взялъ, говорили, что „ничего за это не будетъ“, но виновнаго не нашлось. Тогда было рѣшено собрать эти деньги между собой и возвратить ихъ потерпѣвшему.

Интересно отмѣтить разницу отношеній между старшими и младшими дѣтьми въ первую полови-

ну лѣта, когда старшихъ было большинство, и во вторую, когда большинство перешло къ младшимъ. Въ началѣ лѣта небольшая кучка маленькихъ шла за большими во всѣхъ случаяхъ и очень мало себя проявляла.

Во вторую половину старшихъ осталось четверо, и, когда двое изъ нихъ стали проявлять снисходительно-начальнической тонъ по отношенію къ малышамъ, то тѣ энергично вступились за свои права и на собраніяхъ постоянно обвиняли старшихъ въ проступкахъ противъ общестственности и самовластии.

Однажды за обѣдомъ дѣти вели себя особенно шумно, безъ всякаго порядка тянулись со своими тарелками къ кастрюлѣ, кричали и выражали свое неудовольствіе на то, что обѣдъ послѣлъ поздно. Поваромъ былъ одинъ изъ старшихъ. Разсердившись на беспорядокъ и задѣтый упреками, раздававшимися по его адресу, онъ взялъ въ руки кастрюлю съ рисовой кашей и со словами: „Если такъ, то вамъ ничего не будетъ!“ унесъ ее въ кухню.

Тогда маленькіе члены колоніи устроили „собраніе“, выбрали предсѣдателя и секретаря и огромнымъ большинствомъ голосовъ рѣшили наказать слишкомъ строгаго повара, оставивъ его дежурить еще на одинъ день. Тотъ долженъ былъ подчиниться общему рѣшенію; ребята съѣли кашу, и въ книгѣ появилась замѣтка: „У насъ была рисовая забастовка, и Д. оставили на второй день поваромъ“.

Нѣсколько разъ старшіе оказывались виновными въ грубомъ обращеніи съ своими младшими то-

варищами; имъ приходилось извиняться передъ „всѣмъ собраніемъ“ и обѣщать, что этого больше не будетъ. Въ концѣ концовъ, обостренныя отношенія сгладились, и „равноправіе“ снова воцарилось въ колоніи.

Прошло довольно много времени, пока стало устанавливаться среди новыхъ колонистовъ болѣе серьезное, опредѣленное отношеніе къ общей жизни; постоянно созывались собранія, чтобъ разобратъ еще какой-нибудь случай обиды или драки. Постоянно также возникали споры и жалобы изъ-за дежурствъ и работъ,—словомъ, повторялась уже хорошо знакомая картина. Всѣ эти „несчастія“ завершились однимъ крупнымъ событіемъ, которое довольно сильно подѣйствовало на новыхъ колонистовъ.

Однажды утромъ два мальчика (братья), у которыхъ раньше были украдены конфеты, собрали свои вещи и уѣхали изъ колоніи домой, несмотря на всѣ уговоры и просьбы сказать, почему они ѣдутъ. Они говорили, что соскучились по дому и что имъ надо готовить такіе-то уроки, но по ихъ упорному виду и смущенію другихъ дѣтей, которыя пытались уговорить ихъ остаться, видно было, что дѣло не въ скукѣ и не въ урокахъ, а въ чемъ-то другомъ. Вскользь кто-то проговорился, впрочемъ, что уѣхавшихъ обижали ихъ товарищи по комнатѣ. На слѣдующій день 1-го іюля должно было быть собраніе.

И на немъ сотрудниками былъ поставленъ дѣтямъ вопросъ:

„Кто виноватъ въ отѣздѣ двухъ колонистовъ?“
Дѣти, очевидно, ждали этого вопроса, и, вѣро-

ятно, среди нихъ создалось недовольство тѣмъ, что произошло, такъ какъ многія очень откровенно рассказали про свои отношенія къ уѣхавшимъ. Выяснилось, что ихъ дразнили, по утрамъ стаскивали за ноги съ постели, а то „подымали и ремнемъ“, во время работъ заставляли болѣе дѣлать, чѣмъ другія, „солили“ во время купанья, т.-е. обсыпали пескомъ, когда тѣ выходили изъ воды. Одинъ указалъ на то, что „они мало сами работали“, но другой разъяснилъ, въ чемъ было дѣло: „На общественной работѣ стали кирпичи таскать, понесли, а ихъ толкали; одинъ бросилъ работу и ушелъ. Я спросилъ его, а онъ говоритъ: „отъ этого и не работаю“. Тогда я позвалъ его дернъ рѣзать, онъ и работалъ хорошо“.

Сотрудники не стали убѣждать дѣтей въ томъ, что они поступали дурно со своими товарищами: по всей вѣроятности, дѣти и сами отлично сознавали это. Но имъ указано было на тотъ вредъ, который нанесли колонисты и самой колоніи и даже клубамъ въ Москвѣ, такъ какъ могутъ говорить, что у насъ такъ плохо, что мальчики, кто послабѣе и не можетъ постоять за себя, должны уѣхать, спасаясь отъ побоевъ и насмѣшекъ.

Одинъ изъ сотрудниковъ рассказалъ, какъ онъ зимой былъ у родителей обиженныхъ мальчиковъ, и какъ отецъ просилъ его отвѣтить „по совѣсти“: „Хорошо ли пускать дѣтей въ клубъ, полезно ли это будетъ для нихъ, не научатся ли они чему-нибудь дурному?“ Тогда родителямъ было сказано, что хорошо; родители повѣрили и стали пускать. А теперь, что сказать родителямъ? Что ихъ обманули?

Предсѣдательницей была дѣвочка. Она обратилась къ собранію съ вопросомъ: „Какъ намъ поправить дѣло?“

Колонисты, видимо, были очень смущены, и никто не отвѣтилъ.

— „Какъ же, господа,—продолжала дѣвочка:—рѣшать теперь, или подумать и потомъ рѣшить?“

„Да чего тутъ думать?—началъ К., одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ членовъ колоніи, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Его вмѣстѣ съ старшимъ братомъ предыдущая очередь колонистовъ, по предложенію дѣвочекъ, оставила жить на все лѣто „для пользы колоніи“.—Нужно послать родителямъ письмо и извиниться“.

Колонистъ М., бывший и самъ однимъ изъ виновниковъ отъѣзда братьевъ, объявилъ, что письмо послать—мало: „надо послать кого-нибудь изъ колонистовъ“.

— „Если послать кого-нибудь, то надо деньги, а гдѣ ихъ взять?“

— „Дѣло не въ деньгахъ,—возразилъ старшій изъ братьевъ К.,—а въ томъ, какъ дѣло лучше поправить. А деньги мы сами всѣ соберемъ между собой“.

— „Кто за то, чтобы послать нашихъ колонистовъ извиняться?“—Почти всѣ подняли руки, и тутъ же выбрали двоихъ посланцевъ—одного старшаго четырнадцатилѣтняго К., а другого—изъ наиболѣе виноватыхъ въ преслѣдованіи уѣхавшихъ.

Денегъ на проѣздъ нужно было около двухъ рублей. Дѣти по подпискѣ собрали 1 р. 5 коп., а остальные выдала „денежная комиссія“.

Мальчики уѣхали и черезъ два дня вернулись

съ бѣглецами. Послѣднихъ взяла подъ свое покровительство часть старыхъ колонистовъ и перевела ихъ спать въ свою комнату, но и безъ того уже на остальныхъ сильно подѣйствовалъ серьезный оборотъ дѣла; и на нѣкоторое время побои и жалобы уменьшились.

Какъ было уже сказано, лѣтомъ нашъ кружокъ въ Москвѣ не прерывалъ своей дѣятельности и, хотя „клубовъ“, собственно, уже не было, но всѣ дѣти, кто хотѣлъ, попросту приходили на нашу площадку въ опредѣленные часы, играли или занимались гимнастикой подъ руководствомъ одного изъ нашихъ сотрудниковъ. Въ это же время они могли заявлять о своемъ желаніи участвовать въ экскурсіяхъ, которыя устраивались раза два въ недѣлю въ окрестности Москвы: Петровско-Разумовское, Останкино, Кунцево, Царицыно, Новый Иерусалимъ, Звенигородъ и т. д.

Въ колонію дѣти пріѣзжали почти каждое воскресенье, какъ гости нашихъ колонистовъ, и проводили время, какъ кому нравилось, наслаждаясь на свободѣ тѣмъ, что могли дать лѣто и деревня. Обыкновенно, московскіе гости и обѣдали у насъ; поэтому на воскресенье назначалось больше поваровъ и уборщиковъ, чѣмъ въ обыкновенные дни. Однажды съ гостями вышло большое недоразумѣніе. Часовъ около четырехъ большинство пріѣзжихъ мальчиковъ отправилось купаться; наши колонисты въ это время пили чай.

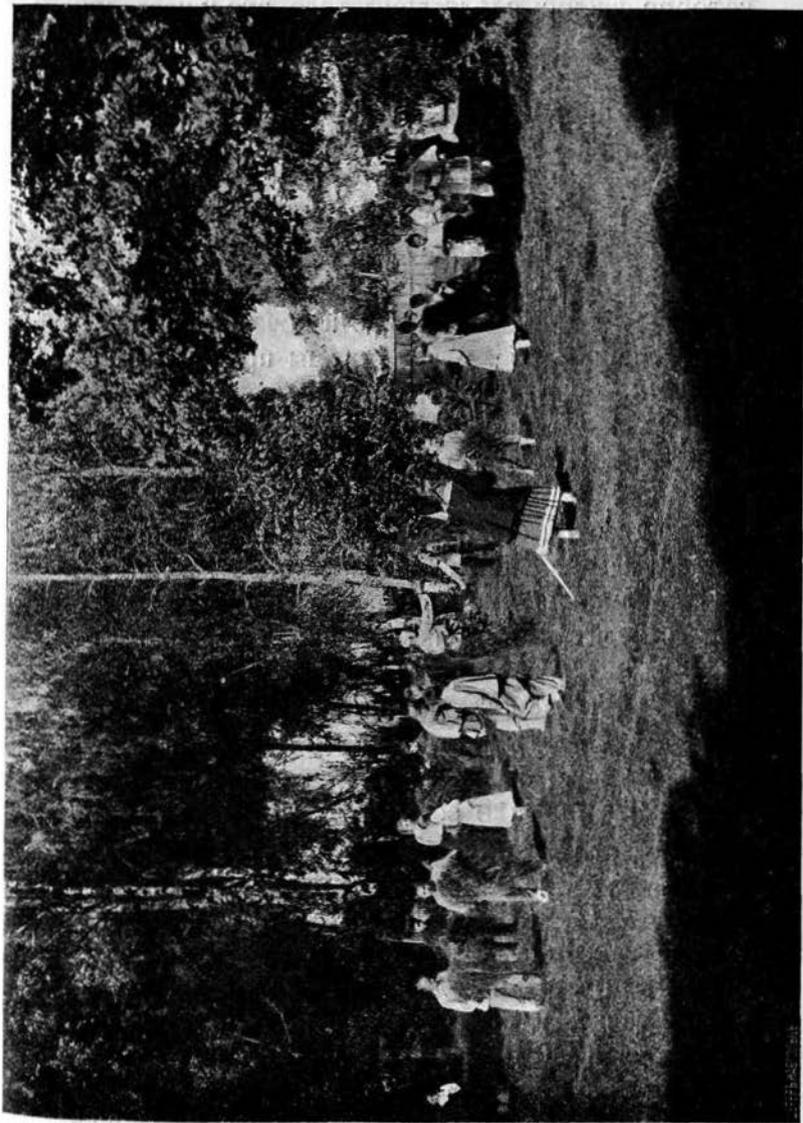
Когда купальщики вернулись, то чаю имъ уже не досталось, и самоваръ былъ на кухнѣ. Гости стали просить, чтобы для нихъ снова поставили самоваръ, и выражали готовность даже сами сдѣ-

лать это, но наши „экономъ“ и „уборщики“ отказались выдать для нихъ чай и сахаръ на томъ основаніи: „что въ колоніи не было такого постановленія“. Просьбы гостей перешли скоро въ требованіе, начались упреки: „Такъ - то вы гостей принимаете“... „а еще колонисты зоветесь“, „въ Москвѣ товарищи были, а тутъ и носъ кверху“, и начиналась уже ссора, которая кончилась только потому, что гостямъ пора было итти на поѣздъ. Уходя, ребята грозили „объявить бойкотъ всей колоніи“.

Въ Москвѣ мальчики, обиженные негостеприимствомъ колонистовъ, рѣшили созвать всѣхъ „клубистовъ“ на собраніе и предложить имъ устроить „бойкотъ“: никому не ѣздить туда съ экскурсіей. Въ колоніи извѣстіе объ этомъ произвело большой переполохъ, и на собраніи „должностныя лица“ должны были выслушать много упрековъ по своему адресу. Тѣ оправдывались неопредѣленностью правилъ относительно приѣма московскихъ гостей и предлагали, во избѣжаніе недоразумѣній, составить ихъ. Колонисты согласились съ ними, но въ то же время постановили отправить въ Москву письмо съ извиненіемъ. Письмо должна была написать „комиссія“, избранная спеціально по этому поводу, въ которую попали всѣ виновники ссоры съ гостями. Комиссія составила письмо слѣдующаго содержанія:

„Товарищи, московскіе клубисты!

„Въ прошлое воскресенье пріѣхавшіе изъ васъ въ колонію въ концѣ концовъ остались недовольны поѣздкой. Причиною этого недовольства послужило наше легкомысленное къ вамъ отношеніе,

Дѣти—работники будущаго

которое явилось слѣдствіемъ того, что у насъ еще не было выработано опредѣленныхъ правилъ для московскихъ гостей. Извиняемся передъ вами, что мы отпустили васъ безъ чаю въ Москву. А изъ-за такой малости, какъ намъ извѣстно, дѣло это приняло серьезный оборотъ, а именно: московскіе клубисты хотятъ мстить за это, хотятъ объявить намъ, колонистамъ, бойкотъ. Распаденіе клубовъ на два такихъ враждебныхъ лагеря было бы очень нежелательно и печально для всей организаціи клуба, и потому мы просимъ не заваривать каши изъ-за подобныхъ пустяковъ и общаемся, что впредь такихъ случаевъ не будетъ.

„За колонистовъ—избранная по этому случаю комиссія“.

Письмо это имѣло свое дѣйствіе, и москвичи снова въ воскресенье появились въ колоніи.

Отношенія между дѣвочками и мальчиками второй очереди имѣли вполнѣ товарищескій характеръ, и на одномъ изъ собраній было предложено отъ лица всѣхъ дѣвочекъ, принимать участіе во всѣхъ работахъ—и легкихъ и тяжелыхъ, такъ какъ въ новой очереди были мальчики, которыхъ дѣвочки не считали сильнѣ себя.

„Что жъ, они тоже будутъ дѣлать важныя работы только изъ-за того, что мальчики, а мы нѣтъ?“

На слѣдующій день на работахъ наблюдалась необычная картина: дѣвочки таскали на носилкахъ кирпичи и землю, а на огородѣ между грядъ сидѣли мальчики и выпалывали сорную траву. Такимъ образомъ произошло полное уравненіе, поскольку, впрочемъ, этого добивались дѣвочки,

потому что мальчики не очень охотно принимались за „женскія“ работы—шитье, штопанье и мытье половъ.

Работы было много, въ особенности на огородѣ: на капусту напала гусеница, и нужно было тщательно выбирать ее изъ листьевъ; затѣмъ окучивали картофель, подвязывали томаты, пололи; многое уже поспѣло, и дѣти стали относиться съ извѣстнымъ уваженіемъ къ огороднымъ работамъ, такъ какъ польза отъ нихъ была очевидна. Къ началу іюля подоспѣла и уборка сѣна, затянувшаяся изъ-за дождей.

Затѣмъ рѣшено было привести въ порядокъ дворъ, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ около сарая и дома лежали кучи всякаго хлама, стараго ржавого желѣза и въ особенности битыхъ кирпичей, груда котораго около сарая была настолько велика, что ребята по ней лазили въ окно на сѣноваль. Одинъ уголь двора заросъ кропивой, кустами бузины и лопухомъ: колонисты хотѣли расчистить и его и кстати сломать гнилой заборъ, отдѣлявшій дворъ отъ огорода.

Подвальный этажъ дачи, гдѣ находилась наша кухня, сильно страдалъ во время дождей, такъ какъ вода постоянно протекала во внутрь, понемногу разрушая кирпичный фундаментъ. Поэтому дѣти взялись за рытье канавы кругомъ дома, въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ вода отводилась въ глубокую яму, вырытую въ сторонѣ.

Работъ хватало до конца іюля, когда вмѣсто нихъ рѣшено было по утрамъ заниматься „науками“. Ребята раздѣлились на группы, каждая изъ которыхъ назначала себѣ опредѣленное за-

нате—русскимъ и нѣмецкимъ языкомъ, арифметикой, рисованіемъ и естественной исторіей. Нѣсколько человѣкъ стало дѣлать рамки и полочки для клуба.

Двѣ сотрудницы и сотрудникъ, жившіе въ это время въ колоніи, были освобождены отъ дежурства, такъ какъ имъ приходилось много заниматься съ отдѣльными группами. Рисованіемъ завѣдывалъ одинъ изъ старшихъ мальчиковъ, ученикъ Строгановскаго училища.

Дѣти не все время проводили въ колоніи. По временамъ устраивались прогулки, верстъ за 15—25 отъ Щелокова (гдѣ находилась колонія) въ Пушкино, Болшево, Тарасовку, Берлюковскую пустынь и т. д. Прогулки всѣмъ дѣтямъ очень нравились; онѣ вносили огромное оживленіе въ нашу жизнь. Въ книгѣ послѣ прогулокъ иногда появлялись описанія ихъ.

Мы приводимъ нѣсколько выдержекъ одного

сочиненія, гдѣ авторъ (мальчикъ лѣтъ тринадцати) съ большой любовью описываетъ свои впечатлѣнія отъ прогулки въ Берлюковскую пустынь:

„Перваго августа утромъ, напившись чаю, стали собираться.

„Нѣкоторые мальчики пошли на огородъ за горохомъ и огурцами. Послѣ этого всѣ пошли, кромѣ двухъ дѣвочекъ. Шли мы скоро и вели интересные разговоры, и какъ намъ покажется какая-нибудь церковь, то думали, что пустынь. Такъ дошли до лѣса; здѣсь стали отдыхать. Нѣкоторые стали собирать грибы. Лѣсомъ шли очень долго и думали, что заблудились. Въ лѣсу намъ встрѣтился казакъ, наконецъ, мы вошли на какую-то дачу и здѣсь спросили: „Далеко ли пустынь?“ и когда узнали, что недалеко, то всѣ обрадовались. Немного пройдя, мы увидѣли съ небольшой горки пустынь: она была очень красива. Высокая колокольня, окрашенная въ бѣлый цвѣтъ, была очень живописна среди зелени.

„Но вотъ мы увидели большую тучу. Ш. намъ совѣтовалъ дожидаться дождя и спрятаться подъ мостъ, но всѣ остальные желали итти,—и мы пошли дальше. Пошелъ дождь. Всѣ—прятаться подъ деревья, а я выбралъ себѣ густую ель, спрятался подъ нее и остался сухой; но всѣ остальные, кромѣ двухъ, были мокрые до костей. Всѣ захотѣли ѣсть и мечтали объ ѣдѣ. Наконецъ, мы пришли въ пустынь и пошли въ монастырскую гостиницу. Насъ встрѣтилъ румяный, здоровенный монахъ, котораго мы не ожидали встрѣтить. Намъ дали двѣ комнаты. Мы стали пить чай. Во время чая всѣ причмокивали губами такъ, что

казалось, мы находимся въ хлѣву. Послѣ чая по-
шли осматривать монастырь.

„Когда возвращались домой въ гостиницу, то
готовился ужинъ. За ужиномъ мы ѣли жареные
грибы и мясо. Послѣ ужина пошли на колоколь-
ню. Намъ сказали, что эта колокольня выше
Ивана Великаго. Видъ вокругъ пустыни былъ—
гдѣ сплошной лѣсъ, а гдѣ поле. Въ гостиницѣ
снова пили чай. Было поздно и дѣлать было
нечего. Тогда стали рассказывать сказки и анек-
доты.

„Наконецъ, всѣмъ захотѣлось спать, и намъ при-
несли войлокъ, одѣяла и подушки. Уснуть было
трудно, потому что кусали звѣри.

„Когда утромъ пришли въ церковь, то на насъ
стали смотрѣть, потому что мы были всѣ босикомъ.
Выйдя изъ церкви, мы пошли искать росянку *),
и, наконецъ, ее нашель Ш. Рѣшили ее взять,
когда пойдемъ домой. Ходили осматривать пе-
щеры, гдѣ когда-то какой-то святой хотѣлъ устро-
ить монастырь, но умеръ, не окончивъ работы.
Потомъ пошли дожидаться обѣда. Наконецъ, при-
шелъ монахъ и предложилъ итти обѣдать. Когда
игпогоп къ монастырскимъ воротамъ, то насъ
попросили встать въ ряды. Дорогой встрѣтился
игумень. Послѣ обѣда пошли за росянкой, на-
копали ее въ ящики и пошли домой новой дорогой.
Пройдя версты три, встрѣтили дровосѣковъ и
спросили дорогу. Тѣ сказали, что встрѣтится
сторожка, и тамъ покажутъ дорогу. Мы прошли

*) Насѣкомоядное растеніе, растущее на торфяныхъ бо-
логахъ.

полверсты, но ничего не встрѣтили. Здѣсь дорога разѣзжалась направо и налево, и мы не знали, куда итти. Тогда у насъ поднялся споръ: Ш. говорилъ: „направо“, а В. Н.—„налево“. И рѣшили итти прямо по тропинкѣ. Но, пройдя нѣсколько шаговъ, итти было невыносимо, потому что кусты срастались чаще, и вернулись обратно. Но вотъ, на счастье, увидали мужика и спросили у него дорогу, и В. Н. оказалась побѣдительницей спора, потому что надо было итти налево.

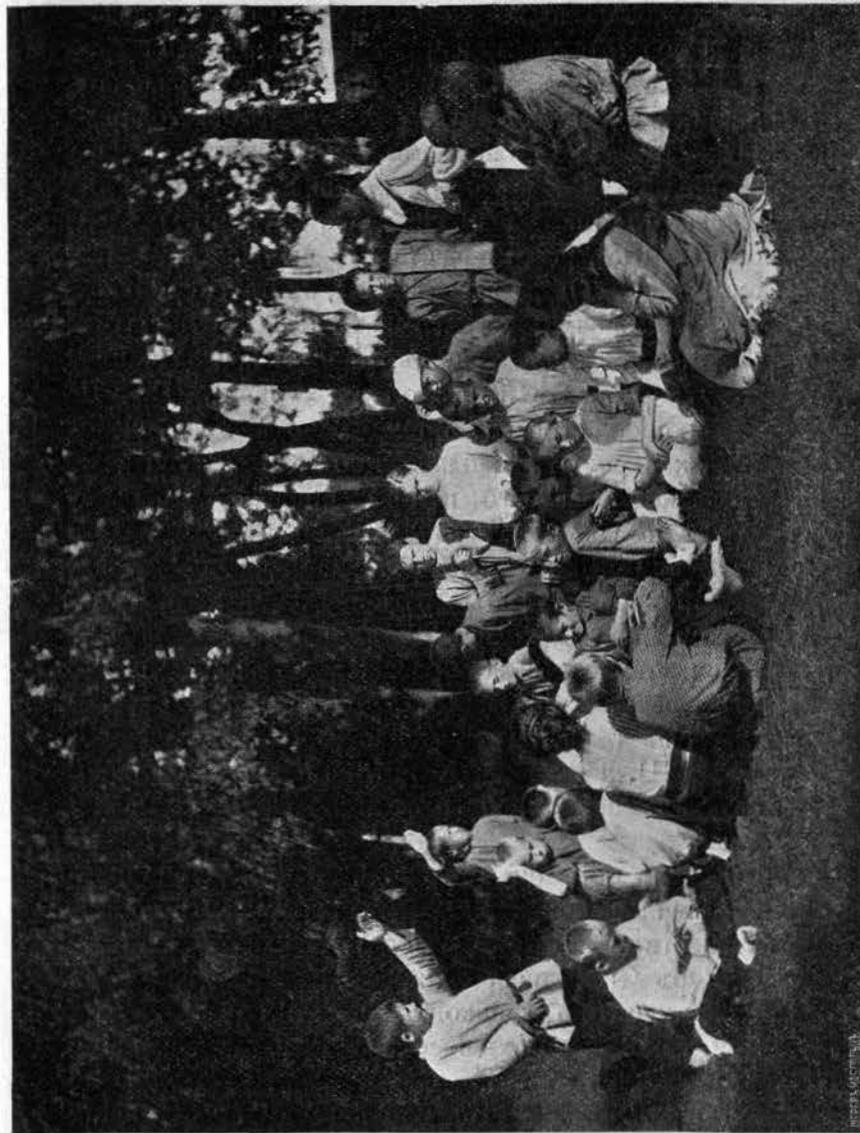
„Выйдя изъ лѣсу, мы стали отдыхать и разложили костеръ. Когда отдохнули и тронулись домой, то примчался мужикъ на лошади тушить костеръ: онъ, навѣрно, думалъ, что лѣсъ загорится.

„Дорогой Османъ показывалъ свою храбрость: гонялся за овцами, за коровой. За другой коровой было погнался, но та за нимъ,—и Османъ хвостъ поджалъ и убѣгъ. Дорогой ѣли яблоки. Какая-то деревенская баба посадила дѣвочекъ и довезла до дому, а мы пѣшечкомъ пришли домой. Я остался очень доволенъ прогулкой“ (Е. Крыловъ).

Конецъ лѣта.

Мирная жизнь колоніи за послѣднія двѣ недѣли нарушилась однимъ происшествіемъ, окончившимся, впрочемъ, ко всеобщему благополучію и оставившимъ послѣ себя много шутокъ и смѣха. Происшествіе это получило названіе „забастовки дѣвочекъ“.

Собственно говоря, и участіе дѣвочекъ въ общественно жизни колоніи направлялось и под-

держивалось двумя сестрами С., которыя оказались болѣе опытными, чѣмъ ихъ подруги, въ житейскихъ дѣлахъ, т.-е. умѣли варить, порядочно шили, любили работать, умѣли стать на товарищескую ногу съ мальчиками и очень быстро вошли въ новый для всѣхъ строй колоніи. Онѣ пользовались большимъ уваженіемъ со стороны колонистовъ. Въ началѣ августа имъ пришлось уѣхать въ Москву. Остальныя дѣвочки, считая, вѣроятно, несправедливымъ то, что къ нимъ всѣ относятся хуже, чѣмъ къ уѣхавшимъ, рѣшили доказать, что могутъ работать и онѣ очень хорошо. Но на слѣдующее утро, во время работъ, дѣвочки не удержались отъ соблазна сбѣгать покупаться. Купались онѣ долго, и, когда пришли, то работа была уже кончена; мальчики стали подсмѣиваться надъ ними. Весь день дѣвочки были въ „очень угрюмомъ видѣ“, по выраженію одного изъ мальчиковъ, всѣхъ усерднѣе описавшаго „забастовку“. Вечеромъ дѣвочки „собрались въ комнату и, послѣ страшныхъ разсказовъ, стали визжать“, писалъ въ книгѣ тотъ же мальчикъ. Въ это время пріѣхалъ Ш. и сказалъ, чтобы онѣ не визжали, но это имъ не понравилось, и онѣ пошли печально спать“.

Такимъ образомъ, къ обидѣ на мальчиковъ присоединилась обида и на сотрудниковъ. Это обстоятельство было тоже занесено въ книгу: „Послѣ сестеръ С. дѣвочки обижаются на мальчиковъ и отчасти на сотрудниковъ, говоря, что В. Н. была при тѣхъ дѣвочкахъ веселая. Разобрать правду, это ложь“.

На слѣдующее утро послѣ чая было засѣданіе,

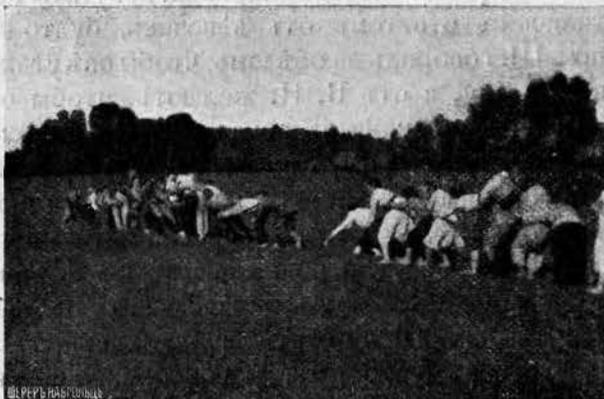
гдѣ мы, въ присутствіи дѣвочекъ, рѣшили выбрать комиссію для осмотра нашего дома. Черезъ нѣсколько времени, осмотрѣвъ наши беспорядки въ чистотѣ, мы стали собирать собраніе объ обсужденіи вопроса, кому куда итти работать. Наконецъ, мальчики собрались, но дѣвочекъ не было; мы стали ихъ звать, но онѣ не пришли. Собраніе открылось, предсѣдатель выбранъ. Обсуждается вопросъ о дѣвочкахъ, и рѣшили послать къ нимъ двухъ мальчиковъ спросить, почему онѣ не пришли на собраніе. Наконецъ, наши депутаты возвратились съ отвѣтомъ отъ дѣвочекъ, будто бы на нихъ Ш. говорилъ за обѣдомъ, чтобы онѣ уѣзжали въ Москву, а отъ В. Н. желаютъ, чтобы она каждое утро съ ними здоровалась. Потомъ сказали, что ничего общаго не будутъ пить и ѣсть, и на собранныя 42 копейки пять дѣвочекъ обѣщали прожить три дня до воскресенья“.

На слѣдующее утро появилась въ книгѣ новая замѣтка: „Вчера вечеромъ, ложась спать на сѣновалѣ, мы вспомнили про трудолюбивыхъ и прилежныхъ дѣвочекъ, которымъ, къ сожалѣнію, по уважительной причинѣ, пришлось ѣхать въ Москву, а въ колоніи остались какія-то немислимыя забастовщицы, съ кѣмъ теперь мальчики необходимо часто спорять“.

Цѣлый день дѣвочки держались особнякомъ. Мальчики относились къ нимъ довольно добродушно, но „забастовщицы“ даже время для своего купанья выбирали какъ разъ тогда, когда колонисты обѣдали или пили чай: въ это время онѣ могли пройти мимо всѣхъ и доказать такимъ образомъ, что не обращаютъ на мальчиковъ ни-

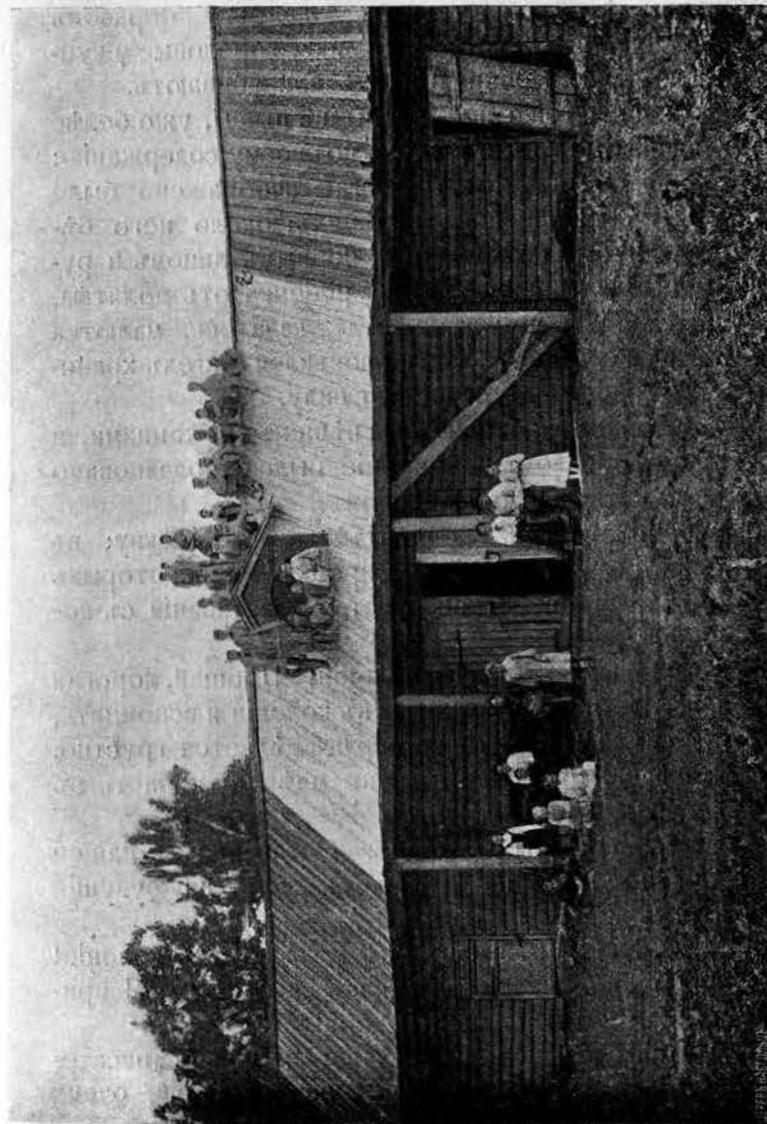
какого вниманія. Но тѣ старались держаться какъ можно серьезнѣе и останавливали другъ друга, если кому хотѣлось подтрунить и громко сказать что-нибудь обидное для дѣвочекъ.

На слѣдующій день мальчики не выдержали, отправились въ помѣщеніе дѣвочекъ и стали уговаривать ихъ „прекратить глупую забастовку“. Дѣвочки плакали, пошли объясняться съ сотрудницей, и быстро состоялось всеобщее примиреніе. За ужиномъ было много смѣху надъ тѣмъ, „съ

какимъ аппетитомъ ѣли дѣвочки, такъ что позабыли даже про свое обѣщаніе ѣсть во время забастовки только молоко и жаренные грибы, которыхъ онѣ даже не видали“. Послѣ ужина одна изъ „общественныхъ“ комнатъ была обращена въ сцену, въ дверяхъ устроены были занавѣсы изъ простыни, и наши артисты разыграли нѣсколько пьесъ „собственнаго сочиненія“.

Въ пьесахъ, имѣвшихъ близкое отношеніе къ той грустной жизни, которая окружаетъ на-

шихъ дѣтей, участвовали главнымъ образомъ разбойники, грабители, жулики, городовые и купцы, которыхъ обкрадываютъ или убиваютъ.

Дѣвочки тоже поставили двѣ пьесы, уже болѣе гуманныхъ и трогательныхъ по своему содержанію: „Сиротку“ и „Молитву“, гдѣ изображено было дитя, молившееся на колѣняхъ; около него бѣгалъ демонъ съ хвостомъ, чернымъ лицомъ и руками, старавшійся отвлечь ребенка отъ молитвы, но въ тотъ моментъ, когда, казалось, малютка была уже въ его власти, появился ангель-хранитель и прогналъ нечистую силу.

Вечеринка докончилась пѣніемъ и танцами, и такимъ образомъ примиреніе было отпраздновано весьма достойнымъ образомъ.

Приближалось время отъѣзда въ Москву; въ книгѣ стали появляться „прощанія“, въ которыхъ выражалось грустное чувство разставанія съ колоніей:

„Прощай! Прощай, колонія! Прощай, дорогая моя! Не могу про житье въ колоніи я вспомнить, а если вспомню, то на сердцѣ дѣлается грустно. Прощай, колонія! Больше мнѣ не попасть въ такую“.

„Прощай! Мы уѣзжаемъ. Оставайся въ нашей памяти и жди насъ, можетъ-быть, на будущей годъ!“

„Насталъ тотъ часъ мнѣ уѣзжать изъ колоніи! Мнѣ очень жалко разставаться съ ней. Я привыкъ, какъ къ родной матери!“

Одинъ мальчикъ, прозывавшійся у насъ „писателемъ“ за свою страсть къ „сочиненіямъ“, очень трогательно выражалъ свои чувства:

„Прощай, прощай, дорогая колонія! Быть-можетъ, я больше не увижу здѣсь той природы, которой я наслаждался. Прощай! Я въ послѣдній разъ вижу здѣсь все то, что происходило. Охъ, какъ мнѣ не хочется оставлять тебя, но пришелъ день нашего отъѣзда, и мы всѣ со слезами покинемъ колонію! 12-го августа мы приготавливались къ отъѣзду, клали всѣ вещи въ ящики, убирали огородъ и работали весь день. Потомъ вечеромъ была вечеринка; вообще день провели очень хорошо и весело. А утромъ должны пріѣхать ломовые, и мы очень грустно двинемся изъ дорогой колоніи“.

Въ концѣ августа „писатель“ зашелъ на квартиру, гдѣ жили сотрудники, попросилъ книгу, ушелъ въ отдѣльную комнату, заперся и къ своимъ прежнимъ „сочиненіямъ“ прибавилъ еще одно:

„Охъ, если бы вы знали, въ какомъ я положеніи былъ тогда, когда я уѣзжалъ изъ колоніи и прощался съ сотрудниками! Отойдя шаговъ на десять отъ дачи, я заплакалъ и грустно пошелъ на станцію, хотя своихъ слезъ не показывалъ въ виду. И какъ не плакать, когда я такъ привыкъ тамъ, что, если мнѣ кто напоминалъ домъ, гдѣ я жилъ зимой, того я страшно не любилъ и даже долго сердился на тѣхъ. Но вотъ пришелъ одинъ изъ несчастныхъ для меня—день нашего отъѣзда изъ колоніи, гдѣ я такъ много научился всему и, благодаря собранію, отвыкъ ругаться; вообще научился не только наукѣ, но даже и поварить. Пріѣхавъ въ Москву, я долго скучалъ по колоніи, и когда дома обѣдалъ, то мнѣ напо-

минались слова: „Качать поваровъ!“ а если послѣ усталости садился чай пить, то мнѣ вспоминалось: „На второй день уборщиковъ!“ Наконецъ, я приѣхалъ въ Москву и зашелъ въ клубъ.

„Занятій и работы не было. Я немного посидѣлъ и, поговоривъ о колоніи съ Ш., сѣлъ за его столъ и началъ вспоминать старое и продолжать свои сочиненія“ (А. Тимонинъ).

Новая работа.

13 августа дѣти разстались съ колоніей, и теперь вся работа кружка сосредоточилась въ Москвѣ.

Къ этому времени „клубы“ перешли въ другое, болѣе обширное помѣщеніе*), такъ какъ за лѣто къ прежнимъ прибавилось очень много новыхъ ребятъ. Кромѣ того, изъ разговоровъ съ дѣтьми выяснилось, что многія изъ нихъ желали бы помимо посѣщенія клубовъ или обучаться какому-нибудь ремеслу, или вообще продолжать ученье, или учиться отдѣльнымъ предметамъ, какъ рисованіе, черченіе, французскій, нѣмецкій языкъ и т. д.

Такимъ образомъ, сама жизнь расширяла тѣ формы работы, которую дѣлали сотрудники на первыхъ шагахъ, и было большимъ счастьемъ, что явилась возможность продолжать эту работу, сдѣлавъ ее болѣе разносторонней, болѣе близкой и понятной для нашихъ темныхъ и запуганныхъ сосѣдей.

Расширеніе дѣятельности кружка, собственно

*) Долгоруковская ул., Вадковскій пер., д. 10.

говоря, началось уже черезъ мѣсяць послѣ открытія клубовъ; въ 1905 году мы имѣли дѣло съ дѣтьми только школьнаго возраста, а тѣ, которыя еще не доросли до школы, такъ же оставались предоставленными самимъ себѣ или улицѣ, какъ и ихъ старшіе братья и сестры: матерямъ за стряпней, стиркой бѣлья, всей этой мелкой ежедневной работой въ семьѣ некогда смотрѣть за своими малышами, а отцы заняты цѣлый день на заводахъ, фабрикахъ и мастерскихъ, поэтому-то часто случается видѣть, что для этихъ усталыхъ людей дѣти, съ ихъ крикомъ, плачемъ и „толканіемъ подъ ногами“, служатъ не радостью, а помѣхой въ жизни.

Мы хотѣли начать новую работу, которая могла бы и родителямъ и дѣтямъ. Это привело къ открытію у насъ дѣтскаго сада. Нѣсколько нашихъ сотрудницъ взяли за эту работу. Нѣсколькимъ семьямъ было предложено присылать къ намъ своихъ маленькихъ дѣтей, начиная съ пятилѣтнихъ. Небольшое помѣщеніе и неувѣренность въ своихъ силахъ заставили нашихъ сотрудницъ начать съ небольшого количества ребятъ (около двадцати). Родители, въ общемъ, отнеслись съ большимъ сочувствіемъ къ новому начинанію.

Въ основу работы съ малышами хотѣлось поставить тѣ же принципы взаимнаго довѣрія между дѣтьми и взрослыми, свободы проявленія дѣтской индивидуальности и самобытности, устраненія внѣшняго авторитета старшихъ, ненужности школьной дисциплины и учебы, какъ это имѣло мѣсто со старшими дѣтьми. Такимъ образомъ, нашъ дѣтскій садъ не долженъ былъ давать дѣтямъ систематическихъ знаній, грамоты; мы хотѣли по-

мочь дѣтямъ разобраться въ накопленномъ жизненномъ запасѣ впечатлѣній, чтобы они привыкали сознательно относиться къ окружающему, развивали всѣ органы воспріятія впечатлѣній внѣшняго міра, мускульное чувство, зрительную память, ловкость рукъ и движеній.

Дѣти сначала очень дичились, но очень скоро почувствовали, что у насъ имъ свободно, быстро освоились съ новой обстановкой и довѣрчиво подошли къ намъ.

Разница въ развитіи между ними выяснилась, лишь только предложена была имъ интересная работа; такъ произошло первое раздѣленіе ребятшекъ на группы. Старшіе и младшіе раздѣлились по большей части въ играхъ. Мальчиковъ и дѣвочекъ соединить было очень трудно.

Часто между дѣтьми бывали, конечно, ссоры и драки; обиженные являлись съ жалобами къ взрослымъ, но тѣ передавали дѣло на ихъ собственный судъ. Такимъ образомъ имъ самимъ приходилось подумать о томъ, чего у насъ нельзя дѣлать. При этомъ забавно было слышать съ ихъ стороны требованіе, чтобы „правила“ обязательно записывались, хотя, какъ казалось, это было для нихъ бесполезно: никто почти читать не умѣлъ.

Въ результатѣ, было записано, что нельзя драться, ругаться, выбѣгать на улицу (зимой), мѣшать другимъ въ работѣ. Ввели дѣти и наказаніе: кто не исполняетъ „правиль“, не долженъ ходить въ садъ—одинъ или два раза.

Вопросомъ о наказаніяхъ сотрудницы были захвачены врасплохъ, и онѣ принуждены были на первое время подчиниться приговору дѣтей.

Но послѣ оказалось, что не ходить въ садъ было величайшимъ наказаніемъ для нихъ, тѣмъ болѣе, что имъ за „баловство“ доставалось и дома; и, чтобы избавиться отъ „другого конца палки“, дѣти стали прибѣгать ко лжи. Сотрудницы посѣщали родителей ихъ, и убѣдиться во вредѣ наказаній было очень легко. Пришлось поправлять свою ошибку и вліять на дѣтей, чтобы они поняли, какъ жестоки ихъ наказанія.

Къ срединѣ года такіе случаи исчезли совершенно.

Работа дѣтей въ саду состояла въ слѣдующемъ: ничѣмъ не стѣсняемая лѣпка и постройки изъ глины и песку, плетеніе изъ разноцвѣтной бумаги, рисованіе цвѣтными карандашами и краской; вышиваніе цвѣтными шерстями и вырѣзываніе изъ цвѣтной бумаги. Намъ думается, что при этихъ работахъ дѣти, имѣя дѣло или съ формой или съ цвѣтами и комбинаціями ихъ, развиваютъ фантазію, вкусъ и ловкость рукъ.

Очень часто дѣти попросту разсматривали всевозможныя картинки и разсуждали о нихъ вмѣстѣ съ сотрудницами, рисовали и складывали на память разныя фигуры. Къ концу года дѣти очень свыклись со всѣми порядками, въ установленіи которыхъ и имъ пришлось участвовать; интересъ къ работамъ былъ такъ великъ, что такъ называемая „дисциплина“ поддерживалась безъ всякаго давленія со стороны сотрудницъ.

Въ сентябрѣ 1906 года мы уже могли принять большее количество дѣтей; помѣщеніе стало больше, и игры, которыя туго налаживались въ прош-

лую зиму изъ-за тѣсноты комнатъ, идутъ гораздо успѣшнѣе.

Всѣ дѣти прошлаго года, оставшіяся въ этой мѣстности, явились опять къ намъ, какъ старые знакомые. Въ этомъ году мы принимаемъ въ дѣтскій садъ уже съ четырехлѣтняго возраста. Теперь у насъ маленькихъ 33.

Необходимость расширенія другихъ сторонъ нашей работы всецѣло основывалась на запросахъ и нуждахъ дѣтей, посѣщавшихъ наши клубы. Огромное большинство ихъ учится или кончили городское училище. Періодъ ученія для многихъ кончается къ 12—14 годамъ; небольшое число выходитъ изъ школы даже 11 лѣтъ. Съ пятнадцати лѣтъ мальчики принимаются на фабрики, заводы и въ мелкія ремесленные мастерскія въ качествѣ учениковъ. До этого же времени имъ приходится бѣгать по улицамъ, слоняться безъ дѣла по дому, теряя тѣ крохи грамоты, которыми надѣляетъ ихъ городское училище.

Дѣвочекъ отдають въ ученіе раньше; но все-таки первые годы этого „ученія“ проходятъ въ непрерывномъ бѣганіи по посылкамъ мастерицъ и хозяекъ всевозможныхъ „модныхъ“ бѣлошвейныхъ, бурнусныхъ и др. заведеній.

Намъ хотѣлось прійти на помощь этимъ дѣтямъ съ двухъ сторонъ: во-первыхъ, дать возможность продолжить образованіе, начатое въ городскомъ училищѣ, хотя бы до пятнадцатилѣтняго возраста, и, такимъ образомъ, у насъ возникла маленькая школа для мальчиковъ и дѣвочекъ,—гдѣ дѣти занимаются физикой, химіей, зоологіей, ботаникой, исторіей, географіей, рисованіемъ, русскимъ язы-

комъ и ручнымъ трудомъ. Во-вторыхъ, мы хотимъ облегчить будущимъ маленькимъ ремесленникамъ ихъ „ученіе“, чтобы не пришлось имъ такъ много бѣгать за водкой и колбасой, папиросами и другими порученіями мастеровъ, тогда какъ даже немного привыкшій къ мастерству мальчикъ уже представляетъ извѣстную цѣнность для мастерской. И съ осени мы начали организовывать ремесленные „курсы“ (пока слесарные и столярные), гдѣ желающіе могутъ работать два раза въ недѣлю. Для старшихъ дѣвочекъ устроилась „модная“ мастерская, которая ведется подъ наблюдениемъ мастерицы и работаетъ каждый день.

Многія дѣти заявляли желаніе, какъ мы говорили раньше, изучать отдѣльные предметы: и для нихъ удалось устроить обученіе рисованію, черченію, французскому и нѣмецкому языкамъ. За всякій „курсъ“ берется плата 40 коп. въ мѣсяцъ съ „постороннихъ“ и двадцать пять съ „своихъ“. Курсисты участвуютъ въ вечеринкахъ, экскурсіяхъ и посѣщеніи театровъ, но на „общихъ собраніяхъ всѣхъ членовъ клубовъ не имѣють права рѣшать вопросы“.

Огромное значеніе для нашего дѣла имѣетъ организація медицинской помощи дѣтямъ. Наша сотрудница, бывшій земскій врачъ, устроила у себя на квартирѣ амбулаторію, гдѣ принимаетъ больныхъ съ платой 40 к. за совѣтъ. При амбулаторіи функционируетъ зуболѣчебный кабинетъ. Больные платятъ за совѣтъ 25 коп. Наши дѣти лѣчатся бесплатно.

Родители нашихъ дѣтей понемногу привыкають къ намъ и иногда, особенно по праздникамъ,

приглашают наших сотрудников к себе в гости. Конечно, во время этих посещений возникают долгие разговоры о дѣтях, поднимаются почти всегда споры о наказаніяхъ, строгости и свободѣ; и съ отраднымъ чувствомъ пришлось услышать нѣсколько мнѣній о томъ, что хорошо было бы родителямъ собираться у насъ и толковать или „слушать лекціи про дѣтей“.

Наша работа сильно выросла и усложнилась за тотъ даже небольшой промежутокъ времени — полтора года съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ. Началась она благодаря ничтожнымъ усиліямъ двухъ-трехъ лицъ съ небольшой кучкой случайно собранныхъ ребятшекъ. Къ концу лѣта уже изъ дѣтей и взрослыхъ стало составляться маленькое общество съ опредѣленнымъ участіемъ въ немъ маленькихъ членовъ; осенью и зимой къ намъ приходило дѣтей все больше и больше и приносило съ собою много новаго, своего, чему мы хотѣли дать полный просторъ; наши дѣти многому обучили своихъ сотрудниковъ, и въ тѣхъ простыхъ, товарищескихъ и довѣрчивыхъ отношеніяхъ, которыя начинаютъ укореняться между большими и маленькими участниками общаго дѣла, мы видимъ драгоцѣнную канву для дальнѣйшихъ шаговъ впередъ.

Мы хотѣли бы, чтобы у насъ въ домѣ, школѣ, дѣтскомъ саду, клубахъ, мастерскихъ — дѣтямъ было легко дышать, чтобы мальчики и дѣвочки работали вмѣстѣ, какъ товарищи, чтобы духъ общей солидарности руководилъ нашей внутренней жизнью.

Мы не ограничиваемъ нашей дѣятельности

установленіемъ опредѣленныхъ формъ работы, а хотимъ жить вмѣстѣ съ тѣми, съ кѣмъ работаемъ; такимъ образомъ, наше ближайшее будущее зависитъ отъ того, сколько принесутъ съ собою наши дѣти. Пока же мы можемъ удовлетвориться только тѣмъ, что стоимъ на пути работы съ маленькимъ человѣкомъ, уважая его мысли и желанія.

Станиславъ Шацкій.

Итоги анкеты дѣтскихъ клубовъ „сетлемента“.

Анкета, на основаніи которой составленъ настоящій очеркъ, была произведена весной 1906 года, т.-е. въ концѣ перваго зимняго сезона дѣятельности сетлемента. Анкета имѣла въ виду выяснить наличный составъ дѣтей, посѣщающихъ клубы, ихъ обычныя занятія, нѣсколько обрисовать ихъ семейную обстановку, среду; этимъ выяснить, такъ сказать, социальную фізіономію дѣтей, которыя служатъ предметомъ работы сетлемента—это во-первыхъ; во-вторыхъ, что было очень важно для послѣдующей работы сетлемента, выяснить отношеніе дѣтей, послѣ года пребыванія въ клубѣ, къ этому учрежденію, тѣ требованія, которыя они предъявляютъ къ клубу, какіе они видятъ недостатки, и что ихъ особенно интересуетъ въ жизни клуба; и наконецъ, анкета имѣла въ виду, насколько возможно, выяснить отношеніе къ учрежденіямъ сетлемента родителей и школьных учителей, какъ это отношеніе опредѣляется самими клубистами. Нѣкоторыя данныя этой анкеты послужили основаніемъ къ направленію дѣятельности или даже открытію новыхъ учреждений (мастерскихъ) сетлемента во второй годъ его дѣятельности.

Въ настоящемъ очеркѣ будутъ изложены въ общихъ

чертахъ итоги анкеты, безъ детализировки отдѣльныхъ вопросовъ.

Анкетѣ подверглись всего 98 человѣкъ дѣтей, при чемъ дѣвочекъ было 26 человѣкъ. Всего же дѣтей къ веснѣ 1906 года оказалось 120 человѣкъ.

Семейная обстановка, изъ которой упомянутые 98 человѣкъ посѣщаютъ клубы, вырисовывается по опросу дѣтей таковою: почти всѣ семьи отличаются значительнымъ числомъ своихъ членовъ, такъ 34 семьи изъ 79, т.-е. нѣсколько менѣе половины, имѣютъ въ своемъ составѣ свыше 7 человѣкъ; изъ этихъ семей посѣщаютъ клубы—48 чел.; изъ 98—19 семей имѣютъ дѣтей 5—6 человѣкъ, изъ которыхъ посѣщаютъ клубы 22 чел.; неизвѣстна 1 семья; остальные 25 семей съ 27 клубистами имѣютъ дѣтей меньше 5 человѣкъ.

Жилищныя условія всѣхъ семей незавидныя: большинство семей живетъ въ 1 или 2-хъ комнатахъ (50 семей изъ 75); при чемъ посѣщаютъ клубы изъ этихъ семей 59 чел.; 18 семей съ 27 клубистами живетъ въ 3 комнатахъ и остальные, т.-е. незначительная часть, въ 4-хъ комнатныхъ квартирахъ. Здѣсь нами не принято во вниманіе 4 семьи клубистовъ, проживающія внѣ Москвы. Въ среднемъ, на одну комнату въ квартирахъ семей клубистовъ приходится 3 человѣка.

Что же касается культурнаго уровня членовъ семей, то это могутъ характеризовать нѣкоторымъ образомъ данныя о числѣ грамотныхъ и учащихся въ семьяхъ клубистовъ.

Процентъ грамотныхъ и учащихся въ нихъ равняется—67,9; этотъ процентъ нѣсколько приближается къ тому проценту грамотныхъ и учащихся, который долженъ быть въ среднемъ при условіи, что только дѣти менѣе 8 лѣтъ остаются безграмотными, таковой про-

центъ равняется 88,9*). Слѣдовательно, въ составѣ семей клубистовъ находится значительное число лицъ безграмотныхъ. Здѣсь уместно привести нѣкоторыя данныя, которыя также могутъ освѣтить культурность среды, дѣти которой посѣщаютъ клубы—это данныя о чтеніи книгъ и газетъ въ семьѣ. Большинство семей, три четверти, читаетъ и книги и газеты—62 изъ 79; въ 12 семьяхъ ничего не читаютъ (5 семей неизвѣстно). Книги въ большинствѣ случаевъ берутъ въ читальнѣ или въ клубной библіотекѣ.

По очень важному вопросу, выясняющему въ нѣкоторой степени матеріальное состояніе семей клубистовъ, а именно по занятіямъ родителей, въ анкетѣ были также поставлены соотвѣтствующіе вопросы. Благодаря имъ, можно судить объ экономическомъ положеніи семей, дѣти которыхъ посѣщаютъ клубы. Значительная часть семей (25 изъ 79), почти треть, имѣютъ свое промышленное хозяйство: мелочныя лавки, мелкія ремесленныя заведенія, портновскія заведенія, прачечныя, сапожныя и проч., домовладѣльцы, извозчики-хозяева и проч.; такихъ семей посѣщаютъ клубы 27 человѣкъ изъ 98. Затѣмъ идетъ группа дѣтей, родители которыхъ служатъ въ какихъ-либо торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ или учрежденіяхъ,—сюда же вошли механики и слесаря; эта группа дѣтей составитъ 23 чел. изъ 16 семей. Далѣе нами выдѣлена группа дѣтей, родители которыхъ также служатъ, но занимаютъ низшее служебное положеніе: офицанты, газетчики, тюремные служащіе и проч., всего такихъ семей 7; изъ нихъ дѣтей, посѣщаю-

*) По даннымъ для гор. Москвы при условіи, если все населеніе старше 8 лѣтъ грамотно.

шихъ клубы, 10 челов. Дѣтей изъ семей рабочихъ ремесленниковъ посѣщаютъ клубы 19 челов. Болѣе подробно можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ:

Занятія родителей.	Число семей.	Число клубист.
Самост. промыслов. хозяйст.	25	27
Служащія, механики и др.	16	23
Живуть пенсіей и проч.	3	3
Крестьяне въ деревнѣ.	4	5
Офис., газ., тюр. служ. и пр.	7	10
Ремеслен. рабочіе.	14	19
Прислуга.	4	4
Неизвѣстно.	6	7
	41	50
	25	33

Въ связи съ тѣмъ, что было сказано въ предшествующемъ ранѣе очеркѣ о характерѣ того района города Москвы, въ которомъ проявляетъ свою дѣятельность селлементъ, можно на основаніи только что приведенныхъ свѣдѣній о семьяхъ клубистовъ сказать, что среда, поставившая дѣтей въ клубы, мало отличается какъ въ культурномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи отъ той, которая является характерной для населенія Сушевскаго района.

Перейдемъ теперь къ самимъ клубистамъ. Сначала остановимся на томъ, кто указалъ дѣтямъ о существованіи клубовъ, когда дѣти поступили въ клубъ; такимъ образомъ выяснимъ стадію формировація клубовъ, а затѣмъ уже рассмотримъ ихъ наличный составъ, какимъ онъ оказался къ веснѣ 1906 года.

Узнали дѣти о существованіи клубовъ въ большинствѣ случаевъ отъ своихъ товарищей и подругъ — 84 человѣка изъ 98. Товарищи же въ большинствѣ слу-

чаевъ и ввели ихъ въ клубъ, такимъ образомъ поступило 64 человѣка; 20 человѣкъ пришли сами въ клубы, остальныхъ или привели учительницы или братья и сестры.

Всѣ разсматриваемые нами клубы организовались до Рождества, съ осени; 59 человѣкъ изъ 98 поступили до Рождества; 20 человѣкъ (т.-е. пятая часть) въ промежуткѣ времени отъ Рождества до Пасхи, а остальные (тоже пятая часть) — уже послѣ Пасхи. Клубы дѣвочекъ главнымъ образомъ организовались съ осени; до Рождества поступило 20 дѣвочекъ изъ 26. Мальчики же въ общемъ поступили позднѣе; ихъ всего поступило послѣ Рождества — 37,3%. Одинъ клуб даже только организовался во вторую половину года («Японскій»).

Итакъ, повторяя, къ веснѣ 1906 года въ дѣтскихъ клубахъ насчитывалось 120 человѣкъ: 30 дѣвочекъ и 90 мальчиковъ; но подверглись анкетѣ только 98 человѣкъ: 26 дѣвочекъ и 72 мальчика. Дальше будемъ говорить только объ этихъ 98 клубистахъ.

Въ возрастномъ отношеніи дѣвочки составляли главную группу отъ 10 до 13 лѣтняго возраста. Возрастъ мальчиковъ былъ болѣе; треть ихъ имѣла 12—13 лѣтъ и треть отъ 14 до 17 лѣтъ, а остальная часть имѣла возрастъ меньше 12 лѣтъ. Средній возрастъ мальчиковъ 14 лѣтъ, а дѣвочекъ 12 лѣтъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о клубистахъ можно видѣть изъ помѣщаемой ниже таблички. Въ ней всѣ данныя о дѣтяхъ разбиты по полу и возрасту.

Въ разсматриваемое нами время всѣ клубисты сосредоточивались въ 10 клубахъ — группахъ. Клубы эти составились, во-первыхъ, по полу; а во-вторыхъ, внутри этихъ двухъ группъ образовались болѣе мелкіе дѣтскіе

кружки, однородные или по занятію дѣтей (по школъ, по мастерскимъ), или иногда по мѣсту жительства.

Возрастной составъ дѣтей, посѣщающихъ клубы (клубистовъ):

Возрасть.	Клубы мальчикъ.	Клубы дѣвочекъ.	Всего.
Отъ 8 до 9 л.	1	—	1
„ 10 — 11 л.	9	11	20
„ 12 — 13 „	23	13	36
„ 14 — 15 „	17	2	19
„ 16 — 17 „	18	—	18
„ 17 и болѣе	—	—	—
Итого.	68	26	94
Неизвѣст. возрастъ.	4	—	4
Всего въ клубъ.—			—

Если теперь посмотримъ, чѣмъ главнымъ образомъ клубисты занимаются (учатся ли или работаютъ въ какихъ-либо мастерскихъ), то увидимъ, что въ большинствѣ случаевъ они учатся въ учебныхъ заведеніяхъ, начальныхъ городскихъ, четырехклассныхъ городскихъ и даже въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Всего учащихся 66 человекъ изъ 98, т.-е. двѣ трети; при чемъ изъ этого числа 14 человекъ учатся въ четырехклассныхъ городскихъ и среднеучебныхъ заведеніяхъ. Кончили школу 6 человекъ и пока еще нигдѣ не занимаются. Только 25 человекъ (четвертая часть)—19 мал. и 6 дѣв., — мальчики въ возрастѣ отъ 14 до 17 лѣтъ и дѣвочки—отъ 12—15 лѣтъ работаютъ въ промышленныхъ заведеніяхъ—мастерскихъ (у Кушнерева и Тильманс.) Такимъ образомъ видно, что клубы посѣщаютъ преимущественно учащіеся; при чемъ седьмая часть дѣти изъ семей, имѣющихъ воз-

можность дать дѣтямъ не только начальное обученіе; это послѣднее даетъ лишнюю характеристику среды, изъ которой дѣти посѣщаютъ клубы. Только четвертая часть всѣхъ дѣтей (25 клубистовъ) работаетъ въ мастерскихъ; это незначительная часть объясняется тѣмъ, что въ первый годъ дѣятельности селлементы легче было привлечь въ клубы учащуюся молодежь; именно этимъ 25 дѣтямъ какъ разъ особенно необходимо такое учрежденіе, какъ дѣтскіе клубы, гдѣ они могутъ отдохнуть и разумно провести время послѣ продолжительной работы въ душныхъ мастерскихъ за малоинтересной для дѣтей работой. Въ клубахъ они могутъ, кромѣ разумнаго отдыха, получить нѣкоторыя общеобразовательныя свѣдѣнія, которыя пополняютъ ихъ скудное образованіе. Стремленіе къ полученію знанія сказывается въ средѣ клубистовъ, но объ этомъ скажемъ нѣсколько ниже.

При поступленіи въ клубы треть дѣтей (34 чел.) имѣла опредѣленную цѣль, надѣясь получить въ клубахъ нѣкоторое образованіе, развитіе вмѣстѣ съ нѣкоторыми практическими занятіями (ремесла). Почти третья же часть—27 челов. (19 мал. и 8 дѣв.) шла въ клубы только ради развлечения. Остальныя дѣти не могли дать объясненія, по какимъ мотивамъ они поступили въ клубы, что они надѣялись получить, посѣщая ихъ.

Если при поступленіи въ клубы большая часть дѣтей ставила себѣ опредѣленную цѣль или получить развлеченіе или известную пользу (занятія), то, будучи уже въ клубахъ, это отношеніе достаточно опредѣлилось. Большинство дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, высказались за занятія; это отношеніе можно видѣть изъ слѣдующаго: за игры вы-

сказались 2 дѣвочки, а за занятія 21; у мальчиковъ за игры 10, а за занятія 51 человекъ. Кромѣ того, двѣ дѣвочки и 8 мальчиковъ—и за игры, и за занятія. Въ сущности говоря, всѣмъ дѣтямъ нравятся и игры и занятія, а не только этимъ послѣднимъ 10 человекамъ, но большинству хочется большую часть времени проводить за занятіями, хорошая постановка которыхъ привлекаетъ вниманіе дѣтей и заставляетъ ихъ интересоваться тѣми или иными „научными“ занятіями. Физика и химія—эти два предмета въ особенности,—а также лѣпка и рисованіе больше всего интересуютъ дѣтей. Но неудовлетворяясь только тѣми занятіями, которыя ведутся въ клубахъ, дѣти изъявляютъ желаніе изучить и нѣкоторые другіе предметы. Такъ, значительная часть (двѣ трети) дѣвочекъ хочетъ изучать иностранные языки; у мальчиковъ это желаніе меньше—18 человекъ изъ 72, т.-е. только четвертая часть. Кромѣ того, третья часть дѣтей желала бы изучить какое-либо мастерство,—16 человекъ мальчиковъ и столько же дѣвочекъ. Заниматься систематически какимъ-либо научнымъ предметомъ или нѣсколькими клубисты не высказывались; оно и понятно: у всѣхъ дѣтей, посѣщающихъ клубы, какъ продуктовъ своей среды, среды матеріально малообеспеченной, желанія сводятся къ тому, чтобы получить необходимыя практическія средства, знанія къ полученію заработка. Конечно, есть исключенія, и нѣкоторые клубисты желали бы пополнить свое образованіе болѣе основательно, чѣмъ изучая одни отдѣльные предметы: физику, химию или анатомію; въ этихъ случаяхъ такое стремленіе у нихъ опредѣляется такъ: „желалъ бы изучить науку“. Такого рода отвѣтовъ получилось 7 (4 мал. и 3 дѣв.)

Что же касается того, съ какимъ интересомъ дѣти относятся къ клубнымъ занятіямъ и играмъ, объ этомъ могутъ свидѣтельствовать слѣдующія данныя о частотѣ пропусковъ клубныхъ дней, непосѣщенія клубовъ. Ни разу не пропустили клубы 23 человекъ, что составить только четвертую часть всѣхъ клубистовъ; изъ этого числа 4 дѣвочки и 19 мальчиковъ; очень рѣдко пропускали—14 дѣвочекъ и 39 мальчиковъ.

Остальные, т.-е. пятая часть, пропускали часто, но никто не указывалъ на причину пропусковъ клубныхъ дней, какъ на безынтересное пребываніе въ клубѣ, какъ на скуку; всѣ эти указанія сводятся или къ домашнимъ причинамъ (по хозяйству), особенно у дѣвочекъ, или къ приготовленію уроковъ, или заняты сверхурочными работами, или, наконецъ, болѣзни. Вслѣдствіе болѣзни пропускали клубные дни 15 человекъ.

Приведенныя данныя вполне опредѣляютъ отношеніе дѣтей къ клубамъ, подводятъ, такъ сказать, итогъ первыхъ шаговъ дѣятельности селлемента. Но обратимъ теперь вниманіе на то, что, отчасти, ставитъ своей задачей селлементъ въ организаціи дѣтскихъ клубовъ, на развитіе въ дѣтяхъ чувства товарищества. Чему способствуетъ какъ сама организація клубовъ, ихъ игры и занятія, а также и отношеніе сотрудниковъ, ихъ роль въ жизни клуба*). Для этого, правда, неполнаго, но все же нѣкотораго представленія, могутъ служить слѣдующія данныя, показывающія, сколько дѣтей нашло въ клубѣ себѣ товарищей (и подругъ), и гдѣ они вообще нашли больше друзей, товарищей—въ клубѣ, шко-

*) См. статью С. Шацкаго въ этомъ же сборникѣ.

лѣ или дома. Двѣ трети—69 человекъ изъ 98—нашли себѣ товарищей въ клубѣ (18 дѣв. и 51 мал.). Число же приобретенныхъ товарищей отдѣльными клубистами колеблется отъ 1 до 30 человекъ—и „весь клубъ“. Дома и въ школѣ вмѣстѣ нашли себѣ друзей 45 человекъ.

Коснувшись здѣсь между прочимъ цѣли селлементы, необходимо сказать здѣсь же нѣсколько словъ о томъ, какъ относятся клубисты къ средствамъ, которыя примѣняются для достиженія поставленной цѣли, и къ принципамъ, на которыхъ построены учрежденія селлементы—дѣтскіе клубы.

Сначала остановимся на очень интересномъ вопросѣ, который ставится въ настоящее время на практическую почву и разрѣшеніе котораго въ школахъ и дѣтскихъ садахъ западной Европы и другихъ странахъ принесло хорошіе результаты,—это вопросъ о совмѣстномъ пребываніи въ клубахъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Нами была уже указана организація клубовъ, что они распадаются на клубы мальчиковъ и клубы дѣвочекъ. Теперь посмотримъ, какъ клубисты относятся къ такому раздѣленію на клубы по полу. На поставленный имъ вопросъ: хорошо ли, что клубы состоятъ изъ однихъ мальчиковъ и изъ однѣхъ дѣвочекъ, большинство, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, отвѣтило за сохраненіе существующаго дѣленія клубовъ, при чемъ надо замѣтить, что процентъ дѣвочекъ, высказавшихся за раздѣленіе половъ, выше, нежели процентъ мальчиковъ; у первыхъ онъ равняется 80, ₃, а у вторыхъ—65, ₃. За смѣшанную организацію клубовъ, т.-е. чтобы въ одномъ клубѣ были и дѣвочки и мальчики, высказались старшіе клубы мальчиковъ, какъ болѣе сознательныхъ („Товарищи“, „Англичане“ и нѣсколько человекъ изъ клуба „Американцевъ“).

На причину отдѣленія мальчиковъ отъ дѣвочекъ послѣднія указывали, что мальчики много шалютъ, что они будутъ обижать; съ этимъ вполне соглашаются и сами мальчики; по ихъ мнѣнію, съ дѣвочками они будутъ болѣе „баловаться“.—„Мы бы ихъ обидѣли“, „мальчикамъ нравится одно, а дѣвочкамъ другое“,— вотъ причины, заставившія нѣкоторыхъ мальчиковъ высказаться противъ совмѣстнаго пребыванія въ одномъ клубѣ. Насколько удастся сгладить это отношеніе между дѣвочками и мальчиками, покажетъ будущая дѣятельность селлементы.

Немаловажное значеніе имѣетъ и освѣщеніе клубистами принциповъ, примѣняемыхъ въ организаціи дѣтскихъ клубовъ и роли сотрудниковъ въ клубѣ. Отношеніе клубистовъ къ организаціи самоуправленія клубовъ: собранія всѣхъ клубистовъ одного клуба съ выборнымъ предсѣдателемъ и секретаремъ; постановленія собранія носятъ обязательный характеръ для клубистовъ, т.-е. меньшинство должно подчиняться рѣшенію, сдѣланному большинствомъ клубистовъ на своихъ клубныхъ засѣданіяхъ. Въ кругъ компетенціи собранія входитъ также вопросъ о поведеніи клубистовъ и назначенія наказанія за совершенную провинность клубистомъ. Вотъ чтобы выяснить отношенія къ этому членовъ клуба, имъ и были постановлены соотвѣтствующіе вопросы.

Такъ, о необходимости и желательности собраній, со- вѣщаній высказались всѣ клубисты безъ исключенія, какъ мальчики, такъ и дѣвочки. Всѣ они видятъ ихъ необходимость для разсмотрѣнія тѣхъ или иныхъ дѣлъ въ жизни клубовъ, и для обсужденія разныхъ общихъ интересующихъ дѣтей вопросовъ; для послѣдней цѣли необходимы собранія по мнѣнію 52

мальчиковъ и 21 дѣвочки, т.-е. почти три четверти всѣхъ клубистовъ высказались за эту цѣль собраній.

Обязанности предсѣдателя большинство (70 чел. изъ 98) видитъ въ поддержаніи порядка на засѣданіяхъ, собраніяхъ.

По вопросу о самостоятельномъ рѣшеніи дѣлъ собраніемъ, безъ прямого участія сотрудниковъ, большинство дѣтей отвѣтило, что существующій порядокъ въ организаціи клубовъ хорошъ. „Лучше больше самостоятельности—у насъ голова разрабатывается“, такъ между прочимъ характеризуетъ одинъ изъ клубистовъ желательность предоставленія дѣтямъ въ клубахъ большой самостоятельности. Изъ 26 дѣвочекъ 25 дали положительные отвѣты по этому вопросу, а у мальчиковъ отношеніе между этими величинами не такъ благоприятно; положительныхъ отвѣтовъ дали 56 изъ 72.

Наконецъ, по вопросу о назначеніи наказанія за проступки самими клубистами—общимъ собраніемъ клуба—получились болѣе пестрые отвѣты. Такъ, изъ дѣвочекъ 18 отвѣтило, что самимъ лучше наказывать, а 8 человекъ дали отрицательный отвѣтъ. Изъ числа мальчиковъ дало положительный отвѣтъ, т.-е. что самимъ лучше наказывать, 77 человекъ. Мотивировка отрицательныхъ отвѣтовъ была такова: „не слушаютъ другъ друга“, „на сотрудниковъ бы не обижались“, „сотрудники больше понимаютъ во всемъ“, „тяжело на душѣ бываетъ“. За предоставленіе собранію права самому назначать наказанія, послѣ обсуждения проступка клубиста, приводились слѣдующіе доводы: „мы хозяева своего клуба“, „сами лучше все знаемъ“, „мы рѣшаемъ большинствомъ, а сотрудникъ одинъ“, „не обидно, если подруга наказываетъ“, „сотрудникъ не знаетъ, кто больше балуетъ“ и др.

Таблица, показывающая число отвѣтовъ на болѣе важныя для „селтсмена“ вопросы анкеты.

Клубы.	Число клубистовъ.	1		2		3		4							
		Засѣданія клуба нужны ли?		Рѣшеніе дѣлъ клуба самими клубистами хорошо ли?		Наказанія назначаются самими клубистами хорошо ли?		Совѣстное пребываніе въ одномъ клубѣ мальчиковъ и дѣвоч. желательна ли?							
		Число отвѣтовъ.	Не отвѣт.	Число отвѣтовъ.	Не отвѣт.	Число отвѣтовъ.	Не отвѣт.	Число отвѣтовъ.	Не отвѣт.						
Дѣвочекъ.	26	—	—	25	—	18	8	5	21						
Мальчиковъ.	72	—	—	56	12	47	19	19	47						
Всего.	98	—	—	81	12	65	27	24	68						
Клубы.	Число клубистовъ.	5		6		7		8							
		Чѣмъ лучше заниматься въ клубѣ?		Нашли ли новыхъ товарищей въ клубѣ?		Не огорчаются ли занятія въ клубахъ усталостью?		Часто ли пропускали клубные дни?							
		Игра-ми.	Игр. и тѣмъ, занят.	Число отвѣтовъ.	Не отвѣт.	Число отвѣтовъ.	Не отвѣт.	Число отвѣтовъ.	Не отвѣт.						
Дѣвочекъ.	2	21	2	1	18	8	—	22	3	1	4	14	8		
Мальчиковъ.	10	51	8	3	51	18	3	57	10	5	19	39	11	3	
Всего.	98	12	72	10	4	69	26	3	79	13	6	23	53	19	3

Этими краткими свѣдѣніями и ограничимъ характеристику отношеній дѣтей къ началамъ, положеннымъ въ организацию дѣтскихъ клубовъ; изъ нихъ можно было видѣть, что эти начала — самоуправленіе клубовъ, отсутствіе начальствованія со стороны сотрудниковъ, отсутствіе наказанія отъ сотрудниковъ встрѣчаютъ самое лучшее отношеніе у клубистовъ, и что они (клубисты) производятъ имъ совершенно правильную оцѣнку.

Анкетой также былъ освѣщенъ вопросъ о томъ, не отражается ли отрицательно пребываніе въ клубахъ учащихся на приготовленіи ими уроковъ. Не успѣваютъ готовить уроки 7 дѣвочекъ изъ 19 учащихся, а мальчиковъ 10 изъ 45 учащихся. Здѣсь можно привести нѣсколько отвѣтовъ, рисующихъ отношеніе учениковъ къ приготовленію уроковъ и вліяніе клубовъ на вечернія занятія: „часто уроковъ совсѣмъ не готовлю, а если бы захотѣлъ, то могъ бы поспѣть и еще время осталось бы“, „уроковъ вообще не готовлю, а если надо, то клубъ не помѣшаетъ“.

Но клубныя занятія вообще не отражаются на дѣтяхъ утомленіемъ или усталостью, хотя и происходятъ по вечерамъ послѣ школьныхъ занятій или послѣ работъ въ мастерскихъ. Большинство дѣтей отвѣтило, что они не устаютъ и голова у нихъ не болитъ послѣ посѣщенія клуба. Только 13 дѣтей уставали послѣ занятій и то главнымъ образомъ послѣ игры (лапта, футъ-боль).

Теперь остановимся на отношеніи клубистовъ къ нѣкоторымъ, устраиваемымъ для нихъ селлементомъ развлеченіямъ, какъ-то: посѣщеніе театровъ и экскурсіи за городъ и по городу въ различные музеи, галлерей и проч.

Значительная часть всѣхъ клубистовъ истые горожане. Четвертая часть, т.-е. 24 человекъ (7 дѣв. и 17 мальч.) совсѣмъ не бывали въ деревнѣ, а другіе очень мало, поэтому вполне понятно, съ какимъ интересомъ они относились ко всѣмъ экскурсіямъ за городъ и жизни колоніи. Послѣ совершонныхъ съ дѣтьми прогулокъ въ различныя мѣста за городомъ, а также послѣ посѣщеній музеевъ, галлерей и проч., вновь клубистовъ тянуло главнымъ образомъ за городъ, къ природѣ. О распространенности этого желанія могутъ свидѣтельствовать слѣдующія данныя: изъ общаго числа клубистовъ 52 человекъ (или почти половина) опять желаютъ совершить прогулку за городъ; сюда не вошли 17 мальчиковъ, которымъ хотѣлось съѣздить посмотреть лѣтнюю колонію дѣтскихъ клубовъ (въ Щелково). Клубисты указываютъ, что за городъ экскурсія лучше: „тамъ лѣсъ, трава, цвѣты, прудъ и проч.“, нежели въ городѣ посѣщать музеи и проч. Конечно, часть клубистовъ, преимущественно болѣе старшихъ, указывало на желаніе вновь посѣщать учебно-образовательныя учрежденія: музеи, галлерей и проч.

Селлементомъ организовано посѣщеніе театровъ: драматическаго и оперныхъ. Большинство клубистовъ перебивало въ театрахъ и въ тѣхъ и въ другихъ. Посѣщеніе театровъ иногда служило причиной для поступленія въ клубы другихъ дѣтей („мы слышали, что водятъ въ театр“). Здѣсь интересно отмѣтить, что большей части клубистовъ понравился драматическій театръ, нежели оперный; при чемъ изъ драматическихъ представленій больше всѣхъ понравилась мальчикамъ пьеса Найденова „Дѣти Ванюшина“. Драматическіе спектакли имъ больше понятны, нежели оперные,

гдѣ для пониманія требуется нѣкоторая предварительная музыкальная подготовка. Этотъ интересъ къ театрамъ сказанъ и въ томъ, что клубисты на своихъ вечеринкахъ, устраиваемыхъ ими самими, и на которыя они приглашаютъ товарищей изъ другихъ клубовъ, начали сами разыгрывать нѣкоторыя вещи: „Недоросль“, „Постоянный дворъ“ и др. Всѣ эти спектакли очень нравились клубистамъ, и вечеринки проходили съ большимъ оживленіемъ, такъ какъ, кромѣ спектакля, устраивались танцы и игра на балалайкахъ. На предложенный въ анкетѣ вопросъ о вечеринкахъ большинство, какъ уже указано, было очень довольно ими, но находило нѣкоторые недостатки чисто технического характера по организаціи вечеринокъ.

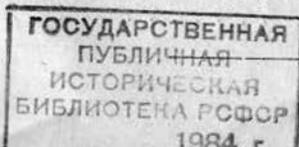
Итакъ, нами рассмотрѣны какъ наличный составъ клубовъ, такъ и семейная обстановка, среди которой проживаютъ клубисты; вмѣстѣ съ тѣмъ нами опредѣлено отношеніе клубистовъ къ клубамъ, какъ къ учрежденію; отношеніе клубистовъ къ принципамъ, принимаемымъ въ организаціи дѣтскихъ клубовъ, и наконецъ выяснилось отношеніе клубистовъ къ отдѣльнымъ видамъ развлеченія: театру, экскурсіямъ и проч., какъ все это возможно было представить на основаніи данныхъ анкеты. Теперь въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ отношеніи къ дѣтскимъ клубамъ родителей клубистовъ и школьныхъ учителей, у которыхъ клубисты учатся.

Больше половины родителей клубистовъ, а именно 45 семей изъ 75, относятся, какъ передаютъ клубисты, вполне сочувственно („очень полезное заведеніе“, указываетъ одинъ); въ томъ числѣ нѣсколько семействъ (6) сначала неодобрительно отзывались, а затѣмъ, узнавъ болѣе подробно, что ихъ дѣти дѣлаютъ въ

клубахъ, перемѣнили свое отношеніе къ этому учрежденію; часть семей, почти одна седьмая (11) неопредѣленно, такая же часть (10) семей неодобрительно, и только по отношенію къ 9 семьямъ не удалось выяснить ихъ отношеніе къ посѣщенію ихъ дѣтскими клубовъ.

Учителя также разное относятся къ посѣщенію клубовъ ихъ учениками; изъ 50 преподавателей одобрительно относятся только 21; неодобрительно—12, а остальные безразлично. Таковы отношенія учителей и родителей къ учрежденію селлемента—дѣтскимъ клубамъ, отношеніе въ общемъ, можно сказать, не опредѣлившееся. Оно и понятно: первый годъ дѣятельности селлемента еще не могъ достаточно ярко обрисовать полезность дѣтскихъ клубовъ и въ продолженіе одного года дѣтскіе клубы не могли завоевать симпатіи населенія; къ тому же прошедшій годъ былъ весьма тревоженъ, какъ вообще для нашей страны, такъ въ особенности Москвы. Октябрьскія и декабрьскія событія въ Москвѣ были отчасти причиной тому, что родители неохотно пускали дѣтей въ клубы: „тамъ учатъ забастовкамъ“. Но уже слѣдующій годъ (второй) дѣятельности селлемента говоритъ совершенно другое. Если нѣкоторые изъ родителей въ прошломъ году неодобрительно относились къ дѣтскимъ клубамъ, то въ этомъ году, какъ можно наблюдать, они вполне сочувственно относятся къ дѣятельности селлемента—учрежденія, силы котораго направлены на поднятіе культурнаго уровня населенія, и главнымъ образомъ имѣющаго въ виду поднятіе этого культурнаго уровня среди подрастающаго поколѣнія.

Н. Кази мировъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Новая общественная работа. А. Зеленко	3
О районъ дѣятельности „селлементъ“ Н. Казимирова . . .	19
Дѣти—работники будущаго. С. Шацкаго	27
I. Первые шаги	—
Первыя общественныя дѣла	30
II. Новые порядки	32
III. Трудовая жизнь	38
Музыка	40
Дѣти и взрослые	42
Прогулки	—
Послѣдніе дни	45
IV. Начало работы въ Москвѣ	47
Первое собраніе	48
Клубы	50
Дѣвочки	51
Правила	52
V. Клубный день	54
Занятія и игры	56
Внутренняя жизнь	57
Общественныя дѣла. Катокъ. Вечеринки	59
Комиссія	61
Тяжелыя времена	62
VI. Анкета	67
Сосѣди	71
VII. Начало второго лѣта	73
Новая колонія	74
Собраніе	75
Первыя настроенія	77

	Стр.
VIII. Дѣвочки	81
IX. Анкета	89
X. Дневникъ	97
XI. Колонія въ іюлѣ	104
Конецъ лѣта	120
Новая работа	128
Итоги анкеты дѣтскихъ клубовъ „селлементъ“ Н. Казимирова. 137	